

М. Х. ДАРВЕШЯН (МАМОЕ ХАЛЫТ)

СКОВОДЧЕСКОЕ
ХОЗЯЙСТВО КУРДОВ
ВОСТОЧНОЙ
АРМЕНИИ

ЕРЕВАН

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Մ. Խ. ԴԱՐՎԵՇՅԱՆ (ՄԱՄՈՒԵ ԽԱԼԸՏ)

ԱՐԵՎԵԼՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ
ՔՐԴԵՐԻ ԱՆԱՍՆԱՊԱՀԱԿԱՆ
ՏՆՏԵՍՈՒԹՅՈՒՆԸ

(ԸՍՏ XIX Դ. ԵՐԿՐՈՐԴ ԿԵՍԻ ԵՎ XX Դ. ՍԿԶԲԻ
ՆՅՈՒԹԵՐԻ)

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

39
✓

М. Х. ДАРВЕШЯН (МАМОЕ ХАЛЫТ)

СКОТОВОДЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КУРДОВ ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА)

Р II
560977

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1986

Печатается по решению ученого совета
Института востоковедения АН Армянской ССР.

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук Ю. И. МКРТУМЯН.

Книгу рекомендовали к печати рецензенты:
академик АН Армянской ССР С. Т. ЕРЕМЯН,
кандидат исторических наук Д. С. ВАРДУМЯН.

Дарвешян М. Х. (Мамое Халыт)
Д 201 Скотоводческое хозяйство курдов Восточной
Армении (По материалам второй половины XIX—
начала XX вв.). /Отв. ред. Ю. И. Мкртумян; АН
АрмССР. Ин-т востоковедения.—Ер.: Изд-во АН
АрмССР, 1986.—148 с. 10 л. илл.

В книге дана историко-этнографическая характеристика
скотоводческого хозяйства курдов Восточной Армении во
второй половине XIX- начале XX вв. Предпринимается по-
пытка структурно-типологического и ареального изучения
скотоводства, особенностей его ведения в различных при-
родно-климатических и историко-культурных районах регио-
на, выявлены наиболее характерные его черты, определены
место и роль скотоводства в формировании многих элемен-
тов культурно-бытового облика курдов Восточной Армении.

Книга представляет интерес для специалистов курдо-
ведения, а также историков, этнографов, фольклористов и
культурологов.

Д $\frac{0508000000}{703(02)-86}$ 24—86

ББК 63.5(2)

ВВЕДЕНИЕ

Исследование хозяйственного быта этноса представляет важный историко-культурный интерес, поскольку дает ключ к познанию механизмов формирования, функционирования и развития многих явлений культуры и быта. Проблема изучения скотоводства всегда занимала видное место в советской этнографической науке и к настоящему времени сложилась обширная литература по скотоводческой культуре самых различных этнических общностей мира. В последние два десятилетия важное внимание уделяется вопросам типологии скотоводческих хозяйств, выработке унифицированных принципов их классификации, что может стать надежным основанием для выявления общих и специфических закономерностей сложения и развития скотоводческих хозяйств в разных регионах в различные периоды исторического развития.

В этом смысле важное значение приобретает всестороннее этнографическое изучение скотоводческих хозяйств у различных этнических обществ, ввод в научный оборот новых данных, в особенности полевых этнографических, совершенствование принципов сравнительно-исторического и типологического изучения.

В довольно значительной курдоведческой литературе до сих пор особенности ведения скотоводческого хозяйства, его основные характерные черты не были предметом специального монографического изучения. Рассматриваемые в настоящей работе проблемы изучались вскользь, в комплексе многих других вопросов истории и культуры курдов, что не позволяло представить всестороннюю характеристику скотоводческого хозяйства, выявить его существенные признаки.

В данной работе предпринимается попытка структурно-типологического и ареального изучения скотоводческого хозяйства курдов Восточной Армении во второй половине XIX- начале XX века, что позволит выя-

вить наиболее характерные черты скотоводческого хозяйства, определить место и роль скотоводства в формировании многих элементов культурно-бытового облика курдов этого региона. Исследование позволит выявить роль природно-экологических и социально-культурных факторов Восточной Армении в процессе хозяйственно-культурной адаптации курдов, переселившихся и обосновавшихся на данной территории, особенности межэтнических хозяйственно-культурных контактов и их отражение на характере и особенностях скотоводческого хозяйства курдов.

Выделяются различные формы и варианты ведения скотоводческого хозяйства, определяются их соотношения, характеризуется состав стад, особенности содержания скота, а также формы организации его выпаса, формы сообществ в скотоводческом хозяйстве, место и роль пастуха в курдском обществе, в совокупности позволяющие представить целостную этнографическую характеристику этой ведущей отрасли хозяйства у курдов Восточной Армении.

Исследуя данную группу вопросов, важное внимание обращается не только на различия в хозяйственной деятельности при ведении различных форм скотоводства, но и на различия между способами ведения этой отрасли хозяйства у отдельных социально-имущественных групп населения. Речь идет о различиях в дальности перекочевок, в составе стад, в способах организации выпаса скота и др. Особенности социальной дифференциации у курдов наложили свой отпечаток на весь характер ведения этой важнейшей отрасли хозяйства.

Изучение скотоводческого хозяйства курдов ведется на широком фоне социально-экономического и этно-культурного развития Восточной Армении во второй половине XIX- начале XX века, что позволяет выявить хозяйственно-культурные последствия, нашедшие отражение в системе хозяйства курдов, факторы, обусловившие динамику функционирования форм скотоводства. Выяснение всех этих вопросов входит в круг основных познавательных задач настоящей работы.

В задачу исследования входило и изучение скотоводческой (пастушеской) терминологии, которая не только отражает народные знания, но и выявляет значение тех или иных видов скота в хозяйственной жизни

ни курдов Восточной Армении, характеризует явления социального и обрядового характера, позволяет сделать целый ряд выводов историко-культурного характера.

Скотоводческое хозяйство курдов Восточной Армении фактически впервые подвергается всестороннему этнографическому изучению, в этом прежде всего и состоит научная новизна работы. Основные положения и выводы исследования основываются преимущественно на полевых этнографических материалах, собранных автором в различных районах Армении на протяжении более десяти лет.

Широкий сопоставительный анализ полевых этнографических и архивных материалов, данных литературы, фольклора позволил разработать новую типологическую классификацию форм скотоводства, практиковавшихся курдами во второй половине XIX- начале XX века.

Материалы, легшие в основу данного исследования, позволяют всесторонне и глубоко охарактеризовать не только весь комплекс хозяйственного быта, но и материальную культуру и общественно-семейный быт, особенности духовной культуры.

Методологической основой настоящего исследования послужили марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях, об общественном разделении труда, методы исторического материализма, а также теоретико-методологические принципы, разработанные в современной советской этнографии¹.

Автором был составлен специальный этнографический вопросник, по которому собирался и анализировался этнографический материал, позволивший восстановить особенности скотоводческого хозяйства курдов исследуемого региона. Подробно анализируются некоторые относительно малоизученные вопросы. В особенности это касается детальной характеристики годового скотоводческого цикла при ведении различных форм скотоводства, изучения состава стад у различных групп курдского населения, характера организации выпаса скота, форм сообществ в скотоводческом хозяйстве, статуса пастуха в курдском обществе, форм индивидуального и общественного найма пастухов для различных категорий скота и др.

Многие особенности скотоводческой культуры курдов, которые были характерны для периода второй половины XIX- начала XX века, сегодня уже невозможно зафиксировать методом наблюдений, но в памяти у старшего поколения еще сохранились воспоминания об уже исчезнувших элементах форм и методов ведения скотоводческого хозяйства. Полевые этнографические изыскания расширяют источниковедческую базу для изучения истории, культуры и быта курдов, дают возможность для их всесторонней историко-культурной характеристики.

В настоящей работе широко использованы этнографические материалы, содержащиеся в дореволюционных и современных публикациях, позволившие провести широкий сопоставительный анализ, достоверно выявить характерные черты скотоводческой культуры курдов.

Ценные сведения об отдельных сторонах скотоводческого хозяйства курдов Восточной Армении содержатся в многотомных сборниках «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края» и «Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе»². Хотя эти издания и не этнографического характера, содержащиеся в них данные дают широкую возможность получить представление об особенностях содержания курдами и другими этническими общностями различных видов скота в различные периоды года, о формах содержания и выпаса скота на сезонных пастбищах, о формах использования сезонных пастбищ, о найме пастухов у курдов, о различных сторонах быта, связанных с формами ведения скотоводческого хозяйства.

В первом из упомянутых сборников на основании статистических материалов, а также наблюдений, проведенных довольно солидными исследователями, такими, как А. А. Калантар, С. А. Егиазаров, А. Д. Ерицов, И. З. Андронников, Х. А. Вермишев, А. М. Аргутинский, А. Г. Деконский, С. П. Зелинский, А. В. Парвицкий, И. Л. Бахтадзе, А. Е. Хан-Агов, В. Ф. Каменский и др.³, приведены важные данные о характере хозяйственной деятельности населения различных уездов Закавказья, соотношении отдельных отраслей, количестве различных видов скота, особенностях уклада жизни

населения и др. Такую же ценность представляют материалы, содержащиеся в 4-х томах «Материалов для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе». Здесь особенно важны данные, касающиеся форм использования сезонных пастбищ, особенностей перегона скота с одних пастбищных участков на другие, количестве разводимых животных у различных групп населения. Многие данные впоследствии были обобщены в отдельных томах «Свода материалов для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края»⁴, в том числе и данные по скотоводству.

Ряд общих сведений с некоторых сторон скотоводческого хозяйства курдов Восточной Армении и Закавказья в целом мы находим в отдельных номерах «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», газеты «Кавказское сельское хозяйство», «Записках Кавказского отдела императорского русского географического общества» и др.⁵

Важными представляются и сведения, содержащиеся в описаниях путешественников, различных чиновников, в которых отражены особенности хозяйства, своеобразные черты быта курдского населения⁶.

В историко-этнографическом аспекте важны и исследования великого армянского просветителя Хачатура Абовяна, отразившего в своих работах некоторые стороны быта и культуры курдов Восточной Армении. Несомненно, особую ценность представляет труд С. А. Егиазарова «Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии»⁷, в котором автор, на основании собранных им же почти на протяжении 12-ти лет материалов, дает характеристику территориального распределения и численности курдов по уездам, их общественное устройство и внутреннее управление, отношения к земле, образа жизни, зимовников и кочевков, занятий, материальной культуры, общественно-семейного быта, нравов, обычаев и верований. Фактически это первая сводная этнографическая картина курдов Восточной Армении. Хотя работа опубликована в 1891 г., она была написана и завершена еще в 1878 г., поэтому приводимые в них данные относятся исключительно к концу 60-х—70-ым годам прошлого столетия. Это обстоятельство необходимо иметь в виду при сравнительном анализе культурно-бытового облика курдов интересующего нас региона.

В ряде работ дореволюционного периода не только даны описания скотоводческого хозяйства курдов, но и делались попытки классификации форм его ведения. В проблему изучения форм скотоводства значительный вклад в свое время внесли Х. А. Вермишев, А. А. Калантар, И. З. Андронников, И. Л. Бахтадзе и некоторые другие, в особенности авторы двух вышеуказанных многотомных сборников—«Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края» и «Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе». На основе анализа большого фактического материала они дают характеристику важнейших способов ведения скотоводческого хозяйства в различных частях Закавказья у различных этнических общностей. Исследователи указывали на большое разнообразие форм скотоводства у различных этнических обществ Закавказья. А. А. Калантар писал, что «между вполне кочевым и оседлым скотоводством существуют многочисленные переходы»⁸. Среди этого большого многообразия он выделяет две основные формы—«интенсивную» и «экстенсивную»⁹. Другие авторы наряду с «кочевой» и «оседлой» формами выделяли также «полукочевую», «яйлажную», «отгонную» и др.¹⁰ Показательно, что большинство исследователей считало курдов Эриванской губернии наиболее яркими носителями кочевого хозяйственного быта, а практиковавшиеся курдами формы скотоводства квалифицировали преимущественно как «кочевую» и «полукочевую»¹¹.

В советский период в историко-этнографических исследованиях по курдам определенное внимание уделялось и характеристике хозяйственного быта, в частности, скотоводческого хозяйства. В работах Аминь Авдала, Х. М. Чатоева, О. Л. Вильчевского, Т. Ф. Аристовой и др. нашли отражение многоаспектные характеристики культуры и быта курдов, в том числе и курдов Восточной Армении¹². Однако в них весьма мало места уделено анализу данных по скотоводству. Некоторые из них касались и практиковавшихся форм скотоводства. Так, Аминь Авдал и Т. Ф. Аристова выделяли кочевую и полукочевую формы скотоводства у курдов Восточной Армении.

Т. Ф. Аристова пишет в своем исследовании, что основную роль в хозяйственной деятельности курдов в

конце XIX- начале XX века играло кочевое и полукочевое скотоводство с вертикальными откочевками¹³. Автор характеризует и некоторые особенности годового скотоводческого цикла: «обычно с началом весны курдские пастухи угоняли скот на альпийские пастбища (яздаг). Там они останавливались на время оюта овец, а затем направлялись на лучшие пастбища»¹⁴. Автор приводит и некоторые данные о перекочевках с одних сезонных пастбищ на другие, об особенностях кормовой базы скотоводческого хозяйства курдов; однако в целом дается весьма общая характеристика, что не дает возможности для представления всей специфики характера скотоводства у курдов. Кроме того, есть и некоторые неточности в формулировках и определениях, которых мы коснемся в соответствующих разделах настоящей работы.

Определение форм скотоводства, как кочевой и полукочевой, можно встретить и в работе Амине Авдала, где он подразделяет курдов на кочевых, полукочевых и оседлых¹⁵. Важно в этой работе обратить внимание на то, что у одних групп курдов («оседлых» — по определению Амине Авдала) земледелие занимало довольно значительное место во всей системе хозяйственной жизни. Однако и здесь представлен сравнительно немногочисленный материал по скотоводческой культуре курдского населения, что не только затрудняет проведение сравнительно-типологического анализа, но и не выявляет культурно-бытовые особенности в этой области жизни этноса. Кроме того, остается невыясненным вопрос о соотношении земледелия и скотоводства у различных групп курдского населения, — вопрос, который весьма важен для понимания и сущности самого скотоводческого хозяйства и места его во всем укладе.

Х. М. Чатоев, исследуя социально-экономическое положение курдов Эриванской губернии, отмечает, что «курдское население в своей значительной части состояло из кочевников, что объясняется исторически сложившимися условиями... Сохранение кочевничества объясняется и тем, что племена, объединяясь в ашираты (племенные организации), вооружались и успешно противостояли ассимиляторской политике турецких, иранских, а в дальнейшем и иракских правящих кругов»¹⁶. Но, как далее отмечает Х. М. Чатоев, в XIX веке в связи с начавшимся кризисом феодально-патриар-

хальных отношений ускорился процесс оседания кочевников-скотоводов и их переход к оседлому и полuosедлому образу жизни. Наряду с летними, они имели и постоянные зимние пастбища и запасались некоторыми кормами на зиму. Кроме шатров, имелись и постоянные постройки и земельные участки в зимовниках¹⁷.

С целью выявления общих и специфических черт в скотоводческом хозяйстве курдов Восточной Армении автором использованы и работы, посвященные изучению жизни курдов других регионов как в пределах нашей страны (преимущественно курдов Азербайджана, Грузии, Туркмении), так и за рубежом. Таковы вышеназванные труды Аминя Авдала и Т. Ф. Аристовой, работы А. Алекперова, А. Букишана¹⁸, А. Мамедназарова, Т. Ф. Аристовой¹⁹, К. К. Курдоева, Мела Махмуд Баязиди, В. П. Никитина²⁰, в которых, наряду с характеристикой различных сфер культуры и быта описываются также некоторые стороны скотоводческого хозяйства. Так, большую ценность представляет исследование В. П. Никитина, в котором даны характеристики многих сторон жизни и быта курдов Южного Курдистана, Иранского Курдистана, Ирака, Сирии, СССР, их хозяйственного и социального уклада, в том числе и характера скотоводческого хозяйства.

Сравнительное изучение данных, помещенных в этих изданиях, которые относятся к разным регионам и к различным историческим периодам, позволили автору четче выявить специфику функционирования курдского населения на территории Восточной Армении в определенных природно-климатических, этно-культурных и социально-политических условиях. Задача, которая со всей необходимостью встает при конкретном этнографическом монографическом исследовании интересующего нас феномена. То обстоятельство, что вышеназванные работы охватывают разные хронологические рамки, они важны именно с точки зрения исследования исторической динамики хозяйственной жизни, динамики соотношения отраслей хозяйства, преимущественно скотоводства и земледелия, других занятий.

Следующая группа исследований, использованная в работе,— исторического и лингвистического характера, позволившая представить основные подразделения курдов, проживающих на территории Восточной Армении, их языковые особенности, специфику историко-

культурного развития. Особенности исторического развития курдов наложили глубокий отпечаток на весь уклад жизни, на сложение и функционирование хозяйственного комплекса, на характер организации скотоводческого хозяйства. Это работы Н. Х. Махмудова²¹, Ш. Ч. Аширяна²², Аджие Джнджи²³, Джалиле Джалила²⁴, Ш. Х. Мгояна²⁵, А. Ш. Шамилова²⁶, Н. А. Халфина²⁷, Г. Б. Аكوпова²⁸, М. С. Лазарева²⁹, Ч. Х. Бакаева³⁰, К. А. Чачани³¹, Н. А. Смирнова³², К. Р. Эйюби³³ и др.

В работе использованы и данные по другим народам, практиковавшим различные формы скотоводства, что позволяло провести широкие этнографические сравнительные параллели, сделать выводы относительно исторических условий формирования и функционирования аналогичных форм скотоводства у самых различных этнических общностей, как находившихся в тесных хозяйственно-культурных контактах, так и проживавших в отдалении, в условиях отсутствия таких контактов. Такие сопоставительные анализы дают основание для выявления специфики хозяйственного уклада отдельных этнических общностей и групп, сложившихся как в условиях интенсивных связей, так и сравнительной изоляции. В этом отношении большую значимость имели работы Г. Е. Маркова, С. И. Вайнштейна, Л. П. Лащука, Б. Х. Кармышевой, Д. Е. Еремеева, А. Оразова, В. М. Шамиладзе, Ю. И. Мкртумяна, В. П. Курылева, Т. И. Султанова и др.³⁴ Рассмотрение данных по скотоводческой культуре курдов в сравнительном плане позволяет определить специфические черты скотоводческого хозяйства курдов Восточной Армении во второй половине XIX — начале XX века.

Важное значение для решения ряда познавательных задач имело использование материалов дискуссии по вопросам типологизации скотоводческих хозяйств народов мира, развернувшейся в 1981—1982 гг. на страницах журнала «Советская этнография» по статье Г. Е. Маркова «Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология». В дискуссии приняли участие Ю. И. Семенов, Б. В. Андрианов, В. М. Шамиладзе, Г. Н. Симаков и в ходе ее были высказаны точки зрения, которые могут послужить основой для дальнейшей разработки этой проблемы³⁵. Важным здесь, на наш взгляд, является то, что почти все авторы существенное значение придавали соотношению скотоводства

и земледелия в едином хозяйственном комплексе. Отмечалось, что «дальнейшее обсуждение всего круга рассмотренных в дискуссии этнографических проблем, несомненно, позволит выработать окончательную типологическую классификацию скотоводческого хозяйства, учитывающую по возможности как общие характеристики его, так и региональные варианты»³⁶. С этой точки зрения важное значение приобретают конкретные этнографические исследования по различным этническим общностям, данные о которых могут способствовать дальнейшему накоплению новых материалов, совершенствованию теоретико-методологических принципов изучения.

При характеристике скотоводческого хозяйства курдов Восточной Армении в имеющейся литературе критерии классификации и дефиниций не столь четки, как это представляется необходимым, поэтому в данной работе всестороннему этнографическому исследованию скотоводства курдов предпослана глава, в которой рассматриваются основные принципы и критерии типологической науки. Только аргументированное рассмотрение этих критериев позволит отобрать те из них, которые, на взгляд автора, дают основание для разграничения одних форм ведения скотоводства от других, для аргументированного и обоснованного выделения сущности сторон для тех или иных способов ведения скотоводческого хозяйства.

Основополагающее значение здесь имеют высказывания К. Маркса относительно кочевничества, определения характера производственных отношений не спецификой форм хозяйства, а уровнем развития производительных сил, хотя, разумеется, между формами хозяйства и производственными отношениями есть связи, но связи опосредованные³⁷.

Другая важная проблема, которая по необходимости встает в связи с исследованием скотоводства курдов интересующего нас региона—выявление естественно-исторических условий развития скотоводства курдов на территории Восточной Армении. Специфические природно-климатические, социально-политические и этнокультурные условия этого региона не могли не сказаться на характере и особенностях скотоводства у курдов в процессе их адаптации, контактирования с местным

населением—армянами, с глубокими традициями в области ведения комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства. Именно этим аспектам посвящена вторая глава данного исследования.

Важное значение имеет и учет истории появления и расселения курдов на территории Восточной Армении. Факт разновременного появления различных групп курдов на этой территории, причем курдов—выходцев из различных регионов Передней Азии, не мог не сказаться на темпах их приспособления к местным условиям, не мог не наложить отпечаток на степень и формы адаптации как в хозяйственном, так и в социальном отношениях. В особенности нас здесь интересует характер трансформации хозяйственного уклада, лабильность скотоводческой культуры курдов.

Следующий важный фактор—учет хозяйственно-культурной и социальной структуры курдского населения Восточной Армении, выявление отдельных групп с теми или иными характерными комплексами элементов культуры, определение территории расселения их и формы взаимосвязи между ними, с одной стороны, и формы взаимосвязи всех их с армянами и другими этническими общностями Восточной Армении,—с другой.

Все эти принципы подхода к разработке собственно скотоводческой проблематики представляются нам важными с методологической точки зрения. С целью выявления основных особенностей организации содержания различных видов скота в различные периоды года в отдельных частях Восточной Армении, предпринимается попытка типологической характеристики с выделением различных форм и их разновидностей.

Для целостной характеристики основных способов содержания скота в курдском обществе важное значение имеет и исследование социальных аспектов функционирования скотоводческого хозяйства. В этом отношении особый интерес представляет изучение сообществ по выпасу скота у курдов, а также форм общественного и индивидуального найма пастухов для различных половозрастных групп скота, форм вознаграждения их труда, места и роли пастухов по всей системе хозяйственной и общественной жизни курдов Восточной Армении в рассматриваемое время.

Все эти вопросы и определили основные познавательные задачи нашего исследования.

ГЛАВА I

ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОГРАФИИ

Определение основных принципов и критериев классификации скотоводческих хозяйств народов мира представляет чрезвычайно важный компонент этнографического исследования. Сегодня перед исследователями встают не только задачи всестороннего детализированного изучения скотоводства, или любого иного культурного феномена, но и задачи создания типологической классификационной схемы, разработки теоретико-методических принципов для выделения сущностных черт и признаков скотоводческого хозяйства.

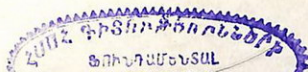
Сегодня, к сожалению, еще приходится признавать, что в современной этнографии в области изучения скотоводства и разработки необходимых для этого теоретических основ все еще существует разногласия по весьма существенным вопросам. Г. Е. Марков, один из видных исследователей в области изучения скотоводческих культур народов мира, в дискуссии о типологии, дефинициях и терминологии в области исследования скотоводческого хозяйства и кочевничества отмечает, что «отсутствует общепринятая классификация типов и видов скотоводства и соответствующие дефиниции. Неодинаково понимаются и обозначаются одни и те же виды и формы хозяйственной и социальной жизни скотоводов. Большая часть терминов трактуется авторами различно, и одним термином обозначают разные явления»¹. Далее автор обращает внимание на то, что хотя и предпринимались попытки упорядочения систематики некоторых явлений, связанных со скотоводством, и терминологии, однако значительная часть проблем оста-

ласть до сих пор нерешенной². И это пишется в 1980-ых годах, когда накоплен более чем столетний опыт в области этнографического изучения скотоводческого хозяйства. В особенности богата литература по этнографическому исследованию скотоводческой культуры народов Кавказа и Передней Азии. Как в дореволюционной, так и в советской литературе всегда, наряду с описанием характерных черт бдения скотоводческого хозяйства, делались попытки типологического изучения скотоводства у различных этнических общностей и групп в различных регионах и локалиях. Однако до сих пор нет общепринятой унифицированной терминологии, нет и унифицированных критериев и принципов в этой области этнографического знания.

Сегодня встают задачи типологического изучения скотоводства, выявления его основных форм и разновидностей, сложившихся в определенных природно-экологических и социо-культурных условиях, определения роли и места межэтнических контактов в сложении и развитии отдельных комплексов скотоводческой культуры. Широкая и многоаспектная типологическая характеристика скотоводческого хозяйства курдов Восточной Армении предполагает уточнение и определение «точек отсчета», именно этим и обусловлено содержание и место данной главы в структуре исследования.

Мы разделяем точку зрения Г. Е. Маркова относительно дефиниции понятия «скотоводство», рассматривая его как вид хозяйственной деятельности, основанной главным образом на более или менее экстенсивном разведении животных и либо целиком определяющий характер хозяйственно-культурного типа, либо составляющий один из важнейших его признаков³.

Методологически представляется правомерным различение скотоводства в зависимости от того, является оно основой или только одним из признаков хозяйственно-культурного типа. Так, на основе такого подхода Г. Е. Марков предлагает различать два типа скотоводства — «кочевое» и «подвижное», каждое из которых может иметь многообразие, обусловленное конкретными природными, социальными, культурно-бытовыми, политическими и иными условиями. И в подтверждение своих теоретических принципов исследователь отмечает, что кочевое скотоводство, в зависимости от природных условий, политической ситуации и ряда других обстоя-

тельство, может бытовать в двух видах: собственно кочевом и полукочевом. При этом автор считает, что никаких принципиальных различий между этими видами хозяйства не существует, и на их основе складываются одинаковые социально-экономические отношения, социальные и племенные структуры. Различия же, существующие между кочевым и полукочевым скотоводством, по мнению Г. Е. Маркова, не носят принципиального характера, они могут квалифицироваться как относительные, которые могут быть выявлены только в каждом отдельном, территориально ограниченном регионе. Причем, наличие в тех или иных размерах «примитивного земледелия» не меняет сути дела, т. е. кочевничество сохраняется⁴.

Некоторые исследователи различие между кочевым и полукочевым скотоводством основывают на амплитуде кочевания, другие—по степени распространения земледелия, третьи—по разнице в видах и породах разводимых животных, четвертые—по наличию или отсутствию поселений (преимущественно зимников) с долговременными постройками и т. д. С. И. Вайнштейн также подчеркивает важность выработки критериев для различения кочевых, полукочевых и полuosедлых форм скотоводческого хозяйства. К кочевым формам он относит те варианты, при которых циклические кочевания по определенным маршрутам предполагают более или менее постоянные зимники, но без постоянных жилищных комплексов, хотя стоянки могут быть более или менее продолжительно используемы.

К полукочевым он относит те скотоводческие хозяйства, которые, совершая сезонные перекочевки, каждую зиму возвращаются на одно и то же место, где у них находится постоянное жилище. Кочует при этом вся семья, со всем скотом и имуществом, причем постоянных жилищ у них нет нигде, кроме зимников⁵. А к полuosедлым С. И. Вайнштейн относит те хозяйства скотоводов, «которые совершают сезонные переселения (обычно только два—с зимы на лето и обратно), имея на каждом месте, где они живут, постоянные жилища»⁶.

Как видим, С. И. Вайнштейн по наличию постоянных жилищ на тех или иных сезонных (зимних или летних) пастбищах дифференцирует кочевую, полукочевую и полuosедлую формы скотоводства.

Несколько иначе подходят к этому вопросу В. П. Курылев и Г. Н. Симаков. Первый, характеризуя основные типы скотоводства у казахов во второй половине XIX - начале XX века, отмечает, что кочевое скотоводство у казахов было связано с пастбищной системой, т. е. круглогодичным содержанием основной массы скота на подножном корму. Именно этот признак кочевого скотоводства он считает основным для его выделения в классификационной схеме⁷. Для полукочевого же скотоводства он в качестве характерного признака выделяет «пастбищно-полустойловую систему содержания скота», практикование сенокосения, занятие в той или иной степени земледелием. Все эти факторы вызвали определенные изменения и в самой системе ведения всего скотоводческого хозяйства, в структуре видового состава скота и др. Отличительной же чертой хозяйств оседлого типа он считает отгонно-стойловое содержание скота без перекочевок; однако отмечает, что «скот содержался зимой, как правило, в стойлах, а летом пасся на территории зимних стоянок или же отгонялся на летние пастбища». Однако здесь вызывает некоторое возражение то обстоятельство, что автор третий тип скотоводства характеризует как «оседлый», но при этом отмечает, что скот отгонялся на летние пастбища⁸. На наш взгляд, если имеет место отгон скота на удаленные от основных поселений сезонные пастбища, то говорить об «оседлом» скотоводстве не приходится. Крупный знаток кавказского скотоводства А. З. Тамамшев еще в 1940-ых годах отмечал важность различения форм скотоводства от быта населения: «Надо различать понятия, писал А. З. Тамамшев,—форма скотоводства и быт населения, каковые понятия нередко смешиваются»⁹. Фактически правильнее было бы говорить об «отгонном» скотоводстве, о практиковании отгона скота на отдаленные пастбища. Если же скот круглый год держат в селении и близлежащих выгонах и пастбищах, то тогда только можно говорить об «оседлом» скотоводстве.

Г. Н. Симаков, принявший участие в дискуссии, развернувшейся по статье Г. Е. Маркова, говоря о критериях разграничения форм скотоводства, подчеркивает, что «тщательное исследование имеющихся материалов показывает, что масштабы и характер кочующего скотоводческого хозяйства в значительной мере определя-

ются наличием или отсутствием в его системе земледельческой отрасли, а при наличии таковой—степенью ее развития и удельным весом»¹⁰. Более того, он заключает, что «главная и единственная причина происходивших в хозяйстве и быте изменений—появление и развитие земледелия в системе кочующего скотоводческого хозяйства. Все остальные критерии, в различных сочетаниях или каждый в отдельности использовавшиеся исследователями для разграничения разновидностей скотоводческих хозяйств, являются, на наш взгляд, вторичными»¹¹. Он характеризует такие формы скотоводства, как «пастбищная», «отгонная», «яйлажная», «выгонная», «стойловая». Но затем, взяв в качестве критерия, разграничения разновидностей скотоводческого хозяйства, наличие или отсутствие в его системе земледелия, он выделяет три основных типа скотоводства: кочевой, комплексный и оседлый¹². У В. П. Курылева, как указано выше, тоже три основных типа, но—кочевой, полукочевой и оседлый.

Не трудно заметить, что появляется значительная сложность для сравнительного изучения форм скотоводства. Показательно и то, что одни выделяют «типы» скотоводства, другие «формы» скотоводства, что также вносит путаницу.

Примерно такая же ситуация сегодня в кавказоведческой этнографической литературе. Дефиниции «полукочевая», «кочевая», «полуоседлая», «отгонная», «оседлая», «горная», «альпийская», «яйлажная», «перегонная», «равнинная» и др. часто фигурируют в ней при определении способов и особенностей содержания скота. Для этнических общностей Закавказья второй половины XIX -начала XX века В. М. Шамладзе выделяет в основном четыре формы скотоводства—равнинную, горную, перегонную и кочевую, а Ю. И. Мкртумян тоже выделяет четыре формы, но иные—оседлую, отгонную, полукочевую и кочевую¹³. Ясно, что трудно здесь проводить сравнительные анализы. Ю. И. Мкртумян для оседлой формы выделяет такие признаки, как круглогодичное содержание всех видов скота на присельских пастбищах или в самих селениях, с выработанной системой периодического стравливания отдельных категорий земельных участков; для отгонной формы—такие признаки, как содержание всех видов скота

в селении или поблизости от него в весенне-зимне-осенний периоды и отгон скота (как правило, за исключением рабочего скота) на удаленные от села горные пастбища летом, с переселением части крестьян (преимущественно пастухов, женщин и детей) для содержания скота и ведения молочного хозяйства на летовке¹⁴; для кочевой формы скотоводства было характерно почти круглогодичное содержание скота на сезонных пастбищах, время от времени меняя места своих стоянок. Ведущей отраслью здесь было овцеводство, наиболее приспособленное к условиям кочевания; для полукочевой формы скотоводства было характерно наличие элементов стойлового содержания, запасание кормами для скота, ведение нередко мелкомасштабного земледельческого хозяйства¹⁵.

Несколько форм скотоводства могли сочетаться у отдельных локальных групп одной и той же этнической общности. Так, Ю. И. Мкртумян у армян выделяет две основные формы—отгонную и оседлую, которые в различных историко-культурных районах Армении имели свои конкретные разновидности¹⁶.

Характеризуя выделенные формы скотоводства, В. М. Шамиладзе отмечает, что равнинное скотоводство в условиях развитого земледельческого хозяйства подразумевало сезонное перемещение скота на внутрисельских и близлежащих пастбищах, пахотных и посевных участках, в лесах и других угодьях под наблюдением пастухов, с сочетанием стойлового содержания его в селах в определенные зимние месяцы; при горном скотоводстве существуют основные поселения, параллельные хозяйственные базы и сезонные пастбища данной формы хозяйства географически расположены в горной зоне, и их территориальные и хозяйственно-культурные взаимоотношения определяют культурно-исторические и социально-экономические стороны горного скотоводства; предполагается хозяйственно-экономическое единство территориально-обособленных основных поселений предгорий и высокогорных летних пастбищ летом, во время обработки земледельческих культур и сбора урожая—перемещение стад и обслуживающего персонала от поселений к альпийским пастбищам и обратно. Для перегонного скотоводства В. М. Шамиладзе выделяет постоянное перемещение территориально оторванных от основных поселений стад крупного рогатого скота,

а также отар овец и обслуживающего их персонала с летних пастбищ к весенне-осенним и зимним пастбищам и обратно (несмотря на такой мобильный характер, переконное скотоводство велось в тесной связи с основными поселениями, где население занималось земледелием и другими отраслями хозяйства)¹⁷; и, наконец, при кочевом скотоводстве В. М. Шамиладзе выделяет отсутствие оседлого образа жизни для всего населения, наличие особенностей, присущих для вертикально-зонального кочевничества горных стран. С другой стороны, автор отмечает и наличие относительной оседлости в зоне равнинных зимних пастбищ и частичное ведение земледелия и других отраслей хозяйства, все это «совмещалось с экстенсивным кочеванием»¹⁸.

На основании фактических данных В. М. Шамиладзе отмечает, что в Грузии «кочевое скотоводство было представлено как крупным, так и мелким рогатым скотоводством. Ведущее место здесь занимало крупное рогатое скотоводство и овцеводство»¹⁹. Конечно, этнографические данные и литературные источники²⁰ дают нам такое описание, но нам представляется, что когда речь идет о «частичном ведении земледельческого хозяйства», о «преобладании крупного рогатого скота» или его значительном удельном весе в составе стада, вряд ли правомерно говорить о кочевом скотоводстве. Во всяком случае, необходимо определить критерии для определения практиковавшихся форм скотоводства как кочевой, полукочевой или какой-то иной.

Сравнительное рассмотрение классификационных схем, приведенных в работах В. М. Шамиладзе и Ю. И. Мкртумяна, показывают необходимость создания единых унифицированных критериев для дефиниций практиковавшихся форм скотоводства, а также единых принципов выделения основных сущностных черт скотоводческого хозяйства. Действительно, одни авторы уже из наличия постоянных построек в районе зимнего содержания скота выводят полукочевую форму скотоводства; другие авторы только по наличию хотя бы незначительного по масштабам земледельческого хозяйства саму форму скотоводства также квалифицируют как полукочевую, третьи же—даже наличие частичного земледельческого хозяйства, наличие постоянных построек, довольно значительный уровень крупного рогатого скота в составе стада не считают существенным и форму

скотоводства в этих условиях квалифицируют как кочевую.

Здесь следует также отметить, что крупные исследователи экономического быта крестьян Закавказья, такие как А. А. Калантар, Х. А. Вермишев, С. А. Егиазаров, И. З. Андронников и многие другие, преимущественно авторы статей и очерков в многотомных сборниках²¹, выделяя кочевую форму скотоводства у различных групп населения Закавказья, в частности, у некоторых групп курдов, азербайджанцев и др., не всегда исходили из вполне четких критериев, ибо даже амплитуда перегона скота из одних частей в другие, с одних сезонных пастбищ на другие еще не может служить веским аргументом для квалификации практикуемой формы скотоводства²².

К. Маркс, характеризуя кочевников, отмечал, что «То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени»²³. У кочевников складываются и функционируют определенные социально-экономические отношения, социальные и племенные структуры. В этой связи Г. Е. Марков замечает, что и у полукочевников мы встречаем сходные с ними явления, поэтому и различия между ними он квалифицирует как относительные. Одни авторы полукочевое скотоводство считают самостоятельной формой, практиковавшейся наряду с кочевой, да и не только с кочевой, но и с другими формами скотоводства, более интенсивными; другие же авторы полукочевую форму скотоводства считают лишь переходной формой от кочевой к оседлой. Г. Е. Марков справедливо отмечает, что «Полукочевое хозяйство существовало в определенных условиях наряду с кочевым в течение всей истории кочевничества, т. е. около 3 тыс. лет. Известно немало примеров, когда кочевники, минуя стадию полукочевничества, непосредственно переходили к оседлости... И только в отдельных областях по мере интенсивного разложения кочевничества с конца XIX в. наблюдался как частное явление переход кочевников сначала к полукочевому, а затем к полуоседлому и оседлому образу жизни»²⁴.

Весьма интересные аспекты рассматриваемой проблемы затронуты в работах Б. Х. Кармышевой, Б. В. Андрианова, А. Оразова, Ю. И. Семенова и др.²⁵, изу-

чение которых позволило автору определить ту систему принципов и критериев для классификации скотоводческого хозяйства курдов Восточной Армении, которые и легли в основу настоящего исследования. Определить форму скотоводства—это значит выявить те специфические признаки, которые, во-первых, являются более или менее устоявшимися, и, во-вторых; будучи взятыми в совокупности, дают четкую основу для различения одной формы от другой²⁶.

Здесь важно определить, какие основные критерии кладутся в основу выделения форм скотоводства и их разновидностей, на основании каких признаков дается характеристика особенностей годового скотоводческого цикла. Проблема эта представляет особую важность при всестороннем этнографическом исследовании скотоводческого хозяйства любого этноса, при осуществлении широких сопоставительных анализов с целью выявления механизмов общен исторических и локально-исторических форм ведения скотоводства. В конечном счете, лишь путем сравнений можно понять сущность исследуемых явлений.

Советский культуролог Э. С. Маркарян справедливо отмечает, что «проблема исторической типологии является одной из важнейших методологических проблем современной исторической науки. Значение ее состоит прежде всего в том, что она ставит задачу специального изучения основного понятийного состава исторического знания, задачу установления логической структуры и познавательных функций различного рода понятий, благодаря использованию которых становится возможным исследование и воспроизведение социально-исторических систем»²⁷.

В этой связи следует также подчеркнуть, что значительную актуальность приобретает проблема выработки соответствующих понятийных (общих и специфических) средств, выражающих общие и локальные черты в характере и структуре скотоводческого хозяйства. Сегодня, когда уже накоплен значительный материал по скотоводческой культуре многих народов мира, а также достигнут определенный уровень теоретико-методического характера, важное значение приобретает создание научно обоснованной системы понятий, научно аргументированных критериев типологизации, обозначение идентичным понятием одинаковых явлений и

разными понятиями качественно различных явлений. В этом состоит суть научного исследования, в этом — ключ к познанию механизмов формирования и функционирования сходных и несходных явлений²⁸.

На наш взгляд, под кочевым скотоводством правомерно понимать такую систему содержания скота, при которой скот круглый год содержится на пастбищах, население не имеет постоянных построек в местах сезонного выпаса скота, когда население не занимается сенокосением или земледелием, когда состав стад состоит из определенных видов скота, преимущественно мелкого рогатого, сравнительно более приспособленного для круглогодичного пастбищного содержания.

Полукочевое скотоводство предполагает наличие зимников с постоянными постройками, когда практикуется сенокосение, население частично занимается земледелием, когда определенного развития достигает крупное рогатое скотоводство (и разведение рабочего скота, в частности), когда существует комплексное хозяйство, а часть населения ведет менее подвижной образ жизни.

Отгонное скотоводство складывается в условиях ведения широкомасштабного земледельческого хозяйства, в условиях постоянного проживания значительной части населения в основных поселениях и перехода части населения на сезонные стоянки в районы отдаленных пастбищ — главным образом, летом, — для ухода за скотом и ведения молочного хозяйства.

Оседлое скотоводство предполагает круглогодичное содержание скота в районе основных поселений, на пастбищных участках и выгонах, без отгона на отдаленные пастбища, вызывавшего необходимость переселения части населения, отсутствие сезонных стоянок, практикование пастбищно-стойлового содержания всех видов и половозрастных групп скота.

Следует подчеркнуть, что каждая из этих четырех форм ведения скотоводства в зависимости от конкретных природно-экологических, социо-культурных, политических и иных условий может иметь значительные вариации, выделение которых возможно лишь на основе всестороннего изучения локальных условий формирования, функционирования и развития местного скотоводческого хозяйства. Так, Ю. И. Мкртумян, исследуя скотоводческое хозяйство армян исследуемого региона в

рассматриваемое нами время, выделил три разновидности отгонной формы скотоводства и две разновидности оседлой формы, которые сложились и функционировали в весьма определенных естественно-исторических условиях²⁹. В данной работе предпринята попытка выявить конкретное своеобразие практиковавшихся форм скотоводства у курдов Восточной Армении.

ГЛАВА II.

ЕСТЕСТВЕННОИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА КУРДОВ ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ

Особенности политической истории и социально-экономического развития курдского этноса наложили глубокий отпечаток на специфику его этно-культурного бытия. Неоднократный раздел Курдистана—исторической колыбели курдов—между различными государствами, особенности хозяйственного уклада части их, с одной стороны, привели к чересполосному расселению курдов с другими этническими группами, а, с другой—к распространению курдов во многих направлениях от него¹. Эти обстоятельства способствовали сложению хозяйственно-культурных контактов между различными этническими общностями, что, естественно, должно было способствовать сложению ряда общих с ними черт в области хозяйственного быта, материальной культуры, общественно-семейного быта и духовной культуры.

В современной советской этнографии проблеме межэтнических контактов и их значении в сфере культурно-бытового и этно-социального развития придается большое значение². Здесь создается возможность для изучения механизмов трансформации культурно-бытовых систем, адаптации к определенным природно-экологическим и социально-политическим условиям, характера и направлений этнических процессов. Важно обратить внимание и на то, как протекает культурно-бытовое развитие частей этноса, которые в силу исторической судьбы оказались оторванными от основного своего этнического массива и функционируют в иноэтнической среде, нередко в полиэтнической среде.

Этническая группа курдов, проникшая и обосновавшаяся в интересующее нас время, как раз и относится к такой категории. Данные исторических источников, а также полевые этнографические материалы, результаты уже проведенных исследований³ определенным образом показывают, что в отличие от ранних курдских поселенцев, наиболее значительная часть курдского населения обосновалась на территории Восточной Армении в начале и в середине XIX века, когда после присоединения к России здесь сложились благоприятные условия для социально-экономического развития.

Общеизвестно, что часть курдского населения, спасаясь от жестоких преследователей, политического гнета, тяжелого экономического положения, религиозной нетерпимости (в отношении езидов) в ряде стран Ближнего Востока, бежала или мирным путем переселялась в различные районы Южного Кавказа, в том числе и на территорию Армении⁴. Исследования Аминне Авдада, Т. Ф. Аристовой, О. Л. Вильчевского и др., а также данные «Списка населенных мест Кавказского края»⁵, ряд архивных материалов дают возможность выяснить, что на территории Восточной Армении (в границах нынешней территории Армянской ССР) курды появились в разное время и из разных мест. Такие эмиграционные волны шли с территории Турции, Ирана, причем из различных их вилайетов и останов, и продолжались вплоть до первых двух десятилетий XX века. В данном случае мы имеем дело с продолжительным миграционным процессом, когда первые группы могли уже в определенной мере приспособиться к местным природно-экологическим и социо-культурным условиям Восточной Армении, а новые, последующие группы только только начинали обосновываться, т. е. следует учитывать давность проникновения и обоснования различных групп курдского населения на территории Восточной Армении.

В этой связи следует отметить, что в советской курдоведческой литературе эти аспекты этно-культурного изучения, по существу, в должной мере не ставились. На наш взгляд, их постановка и учет может во многом способствовать более углубленному этнографическому изучению.

Материалы показывают, что при всем общем

единстве курдского населения Восточной Армении, происходившего, как уже установлено, из различных регионов и стран, оно отличалось пестротой в хозяйственно-культурном и этно-социальном отношениях. И, как следствие, в составе курдов Восточной Армении были сипки, гасани, ортли, пивази или зукури, рамоши, дотки, бруки, радики, стурки, мандки, рошки, чухраши и др. Значительную часть переселенцев, в особенности переселенцев 1830-ых и 1870-ых гг., составляли курды-езиды, преследование которых особенно было сильным в Турции.

Как показывают языково-культурные особенности курдского населения Восточной Армении, различия все же в области языка были не столь существенны. В этом отношении примечательно, что известный лингвист-курдовед Ч. Х. Бакаев язык курдов Восточной Армении объединяет в один говор, что, несомненно, свидетельствует о значительном родстве переселившихся групп. На территории Восточной Армении курды обосновались в Сурмалинском, Шаруро-Даралагызском, Эчмиадзинском, Александропольском, Эриванском, Нахичеванском, Новобаязетском и Зангезурском уездах⁶. В Армении курды селились не только с учетом «близкого родства, но и родо-племенной принадлежности». Наши полевые материалы,—пишет Т. Ф. Аристова, подтверждает, что названия некоторых племен и родов совпадали⁷. Она приводит в своей работе и данные, свидетельствующие о расселении в Армении курдов в конце XIX в. по родо-племенному признаку⁸. Некоторые данные примерно аналогичного характера можно встретить и в работах Аминя Авдала и О. Л. Вильчевского⁹.

Не вдаваясь здесь в углубленный анализ соответствующих материалов, что, понятно, выходит за рамки задач настоящей работы, здесь лишь отметим, что вряд ли правомерно употребление понятий «род» и «племя» даже в их трансформированном виде при характеристике курдов периода конца XIX в. с их ярко выраженной классовой дифференциацией. Все же правильное понятия «род» и «племя» лишь рамками первобытно-общинного строя. Ведь не случайно, что Аминя Авдал в своих работах в известной мере отождествлял понятия «род» и «патронимия»¹⁰. Мы присоединяемся к вы-

сказанным в литературе мнениям относительно того, что с развитием социально-экономического уклада на смену былому племенному (родовому) размежеванию приходят совершенно новые типы общностей, уже характерные для классовых обществ, но нередко такие общности складывались, в особенности при ведении кочевой и полукочевой форм скотоводства, при наличии издавна существовавших группировок населения одного родственного корня и самосознания¹¹. Это обстоятельство способствовало длительному сохранению названий родственного происхождения, которые могли ошибочно восприниматься как «родо-племенные». Показательно, что и у армян, и у многих народов Кавказа еще во второй половине XIX - начале XX века засвидетельствованы факты живучести традиций родственных объединений—патронимий¹². Думается, следует всесторонне исследовать соответствующие материалы для выработки более точных дефиниций и характеристик. Все это, несомненно, важно для всесторонней характеристики курдов как в историческом, так и этнографическом планах.

При выявлении аспектов, связанных с естественно-историческими условиями функционирования и развития скотоводческого хозяйства курдов Восточной Армении, важное значение следует придать природно-экологическим факторам. Восточная Армения, расположенная в северо-восточной части обширного Армянского нагорья, в физико-географическом отношении отличалась значительным разнообразием, вызывавшим определенную специфику в сельскохозяйственном освоении земельных угодий.

Природные условия здесь крайне разнообразны как в отношении рельефа местности, так и по составу почв, растительности, климата и т. д. Многочисленные горные хребты расчленяют территорию Восточной Армении на отдельные районы, характеризующиеся локальными особенностями. Около 2/3 всей площади приходится на высоте более 1500 м над уровнем моря. Даже Араратская равнина расположена довольно высоко, на высоте 800 м и выше над уровнем моря. В целом для Восточной Армении характерна высотная зональность, выражающаяся в различиях в ландшафтах. На сравнительно небольшом расстоянии здесь можно проследить самые различные климатические пояса. С точки зрения функционирования скотоводческого хо-

зяйства нас особенно интересуют особенности кормовой базы Восточной Армении. Пологие склоны гор имеют богатые пастбища, которые издревле благоприятствовали развитию скотоводства, а горные долины способствовали развитию земледельческой культуры.

Если взглянуть на карту пастбищ Восточной Армении, то бросается в глаза неравномерность расположения сезонных пастбищ. Ю. И. Мкртумян, характеризуя кормовую базу развития скотоводства у армян, обращал внимание на два момента: «разобщенность горным рельефом и удаленность сезонных пастбищ друг от друга, и абсолютное преобладание летних пастбищ»¹³. Справедливо мнение о том, что соотношение летних и зимних пастбищ в значительной степени влияет на форму скотоводства¹⁴, хотя, конечно, нельзя абсолютизировать этот фактор, ибо сложение той или иной формы скотоводства находит объяснение в целом комплексе формообразующих факторов.

Из всех областей Закавказья Восточная Армения наиболее богата летними пастбищами и наименее — зимними, поэтому в рассматриваемое время не только население самой Восточной Армении пользовалось в широких масштабах летними пастбищами, но и скотоводы Азербайджана и Грузии¹⁵.

Историко-археологические материалы, относящиеся к различным периодам развития хозяйственной жизни населения Армянского нагорья, в том числе и Восточной Армении, определенным образом свидетельствуют о сложении и функционировании комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства. Б. Б. Пиотровский, Ю. И. Мкртумян и др. авторы на археологических и этнографических материалах эту симбиозную форму хозяйства прослеживают с древнейших времен вплоть до начала XX в. Такая преемственность традиций находит объяснение в конкретных природно-экологических и этно-культурных факторах¹⁶.

Изучение показывает, что комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство было наиболее рациональным в природно-экологических и экономических условиях Восточной Армении. Они не были благоприятны для ведения кочевой формы скотоводства, ибо в суровые зимние месяцы необходимо было организовать, хотя бы в незначительных масштабах, стойловое содержание скота, в противном случае, можно было бы

лишиться всего поголовья скота. Примечательно, что акад. Б. Б. Пиотровский стмечал: «как археологические, так и исторические сведения показывают, что на Армянском нагорье в древности не было племен, занимавшихся исключительно земледелием или скотоводством; земледелием занимались также и в горных районах, а скотоводством—на равнинах»¹⁷. И далее продолжает, что «неограниченное развитие скотоводства на горных пастбищах оказывается уже недостаточным, отгонная (яйлажная) форма скотоводства достигает своих пределов, для дальнейшего роста скотоводства необходим был переход в степи. Но этот переход не осуществился»¹⁸. Переход этот не осуществился, на наш взгляд, по двум причинам: во-первых, в местных природно-климатических условиях трудно заниматься круглогодичным пастбищным содержанием скота без запаса кормов, без элементов оседлости; во-вторых, значительного развития был достигнут в уровне социально-экономического быта населения.

Этих аспектов мы касаемся здесь по той причине, что переселившиеся и обосновавшиеся на территории Восточной Армении группы курдского населения при ведении в местных условиях скотоводческого хозяйства по необходимости должны были приспособиться, адаптироваться, что неизбежно должно было отразиться на особенностях их быта, формах и способах ведения хозяйства.

Данные различных источников и литературы¹⁹ в сочетании с полевыми этнографическими материалами, собранными автором настоящего исследования, выявляют сложение и функционирование интенсивных хозяйственно-культурных связей с местным армянским населением, повсеместно практиковавшим комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство, что не могло не сказаться на особенности хозяйственного уклада курдов. Полевые этнографические материалы раскрывают многогранность этих связей и контактов, их систематичность и интенсивность²⁰.

Такие контакты были еще до обоснования курдов на территории Восточной Армении, ибо в период русско-турецких и русско-персидских войн группы курдских скотоводов обращались с просьбой о разрешении перейти границу с целью обеспечения скота пастбищами и получения соответствующих земель для поселе-

ния²¹. Это было выгодно и России, поскольку отвечало ее интересам укрепления южных границ, своего стратегического положения на Ближнем Востоке. К тому же, в определенной степени решался вопрос обеспечения русской армии продуктами скотоводства.

В сравнительно обширной исторической, этнографической, экономической, географической литературе по курдам обычно выделяют три типа хозяйств—хозяйства с кочевым скотоводческим уклоном, хозяйства с полукочевым скотоводческим уклоном и хозяйства с комплексным земледельческо-скотоводческим укладом²². Причем отмечается, что «скотоводство с давних времен стало главной отраслью хозяйства основной части курдского населения»²³. Как правило, вольно или насильственно, вынужденно или свободно переселялись и те, и другие, и третьи. Так, уже отмечалось, что в Восточную Армению в 1830-ых и 1870-ых годах из Турции переселились значительные группы езидов, практиковавших скотоводческо-земледельческое комплексное хозяйство, вынужденные это сделать из-за угрозы физической расправы с ними, постоянных притеснений. В то же время некоторые группы курдов переселялись в поисках новых пастбищ; у таких групп скотоводство могло быть как кочевой формы, так и полукочевой.

К сожалению, историко-этнографические изыскания еще не выяснили соотношение указанных трех групп в составе курдского населения, обосновавшегося на территории Восточной Армении во второй половине XIX- начале XX века, но та картина, которая вырисовывается по уже обосновавшимся курдам, показывает, что, при доминировании скотоводческого хозяйства во всей системе хозяйственной жизни, уровень и масштабы земледельческого хозяйства были различны, что и сыграло значительную роль в формировании способов ведения скотоводства, способов организации выпаса скота, комплекса элементов культуры, связанных с тем или иным занятием. В этом процессе приспособления к условиям Восточной Армении должна была быть значительной обусловленность местной природно-экологической и социо-культурной средой. Курды на территории Восточной Армении обосновались преимущественно в безлесных районах, в районах с богатыми альпийскими лугами, что позволяло выпасать на них большие стада различных видов скота.

Анализ данных по курдам различных частей Восточной Армении свидетельствует о преимущественном занятии скотоводством, которое во многих случаях сочеталось с сенокосением, земледелием и другими занятиями. Статистико-экономические материалы дают возможность судить о масштабах ведения скотоводческого хозяйства и основных его направлениях²⁴.

Курды разводили в основном мелкий (овец и коз), крупный (коров, быков) рогатый скот, лошадей и ослов.

В различных томах «Материалов для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края» приводятся данные, свидетельствующие о видах и поголовье разводимых животных. В особенности ценны данные А. Е. Хан-Агова, А. А. Калантара и др.²⁵ Сравнительный анализ данных по курдским обществам Эчмиадзинского и Сурмалинского уездов дают основание для некоторых выводов.

Из приведенной таблицы 1 видно, что скотоводческое хозяйство носило комплексный характер—разводили рабочий скот, коров (в графе «молочный скот»), мелкий рогатый скот, лошадей и ослов. Рабочий скот использовался как для перевозки выюков при перекочевках на сезонные пастбища, так и при ведении земледельческих работ. Литературные и полевые этнографические материалы определенным образом свидетельствуют об использовании волов в разных целях. А. А. Калантар писал, что «рабочая сила волов сильно ценится у курдов, ибо их употребляют как для перевозки кибиток и домашнего имущества с низменности на горы и обратно, так и для извоза...»²⁶. С. А. Егнazarов же, говоря о разведении различных видов скота у курдов Эриванской губернии, отмечал, «что-же касается крупного рогатого скота—быков и коров, то курды содержат их столько, сколько необходимо для домашнего обихода, для перевозки тяжестей...»²⁷. Далее он подчеркивает, что «земледелием курды вообще мало занимаются»²⁸.

Раз здесь мы рассматриваем характер использования рабочего скота у курдов, небезынтересно отметить, что тот же автор, характеризуя хозяйственный быт курдов Эриванской губернии, писал еще в 1870-ых годах: «В настоящее время курды разделяются на кочевых и полuosедлых. Кочующие курды большую часть года проводят на кочевках и только позднюю осень возвращаются в свои зимовки. Полuosедлые курды возвра-

Таблица 1

Название общества	Дымы	Рабочий скот	Молочный скот	Мелкий скот	Лошадь	Ослы
Эчмиадзин. уезд						
Бансы	28	131	86	1090	16	—
Безики	56	136	83	2460	58	20
Джамандинли	138	269	110	6166	106	102
Миланли	168	416	206	9456	96	136
Дилхеранли	155	578	408	11920	234	137
Радики малые	129	463	458	11360	146	159
Шаруканли	31	113	70	2550	42	55
Всего	705	2106	1421	45002	690	609
Сурмалинск. уезд						
Азизинли	40	110	176	1600	55	22
Алияли	20	53	56	2177	34	4
Бабавили	15	33	40	300	17	15
Гелояли	73	284	320	6265	141	38
Гялтури	140	379	369	5184	71	20
Джалали сакарли	63	79	118	3200	43	22
Джууки Езиди гасли	356	936	794	6507	25	19
					37	
Зоре-езиди кула и карных муча...	33	109	83	1492	29	—
	19	55	53	252	9	2
Радики бол.	228	906	782	15330	337	324
Радики на синаке	139	144	364	5198	110	17
Радики муртубу	10	88	253	2120	42	46
Сипки	40	52	39	512	14	—
Тандурак	74	180	107	1225	14	—
В с е г о	1372	4379	3878	69988	1281	800

щаются с кочевков раньше кочевых и принимаются тогда за молотьбу, приготовление запасов к зиме и за полевые работы»²⁹. В данном случае, представляется важным коснуться вопроса правильности использования С. А. Егiazаровым понятия «кочевники» при разграничении курдов Эриванской губернии.

Существенным моментом при этом могут послужить данные по хозяйственному быту и материальной культуре. Выясняется, согласно исследованию того же

автора, что так называемые «кочевники» хотя и не занимались земледелием, но имели постоянные зимовники с постоянными жилищными комплексами, заготавливали сено, топливо: «стены домов строятся из глины. Сверху кладут несколько бревен в связки хворосту,— так образуется крыша, которую засыпают землею. В гористых местах дома строятся из камня. В крыше оставляют одно или несколько отверстий, через которые дневной свет проникает в комнаты»³⁰. А в самих поселениях «разбросаны в большом количестве скирды сена и огромные кучи кизяка»³¹. Можно было бы привести и другие выдержки из труда С. А. Егиазарова, но уже из приведенного становится понятным, что данная группа населения практиковало сенокошение, запасалось на зиму топливом («огромные кучи кизяка»), имело постоянные поселения. Вряд ли в подобных случаях правомерно говорить о кочевниках, с названием которых связаны иные элементы культурно-бытового характера³².

Другие же группы курдов практиковали земледелие, только по перечислению С. А. Егиазарова—«полевые работы, молотба, приготовление запасов». У этих групп курдов и время пребывания на альпийских пастбищах было сокращено («полуседлые курды возвращаются с кочевки раньше кочевых»), т. е. особенности ведения скотоводческого хозяйства определялись нуждами ведения земледельческих работ. С нашей точки зрения, это весьма существенный фактор, необходимый компонент не только для определения характера всего хозяйственного уклада, но и для определения форм скотоводства.

Важно обратить внимание на еще одно характерное явление. Говоря о занятиях курдов Эриванской губернии, об их образе жизни, С. А. Егиазаров писал: «Курды Эриванской губернии прежде вели кочевую жизнь, в последнее время замечен у них переход к оседлой жизни; по сведениям, собранным мною в тифлисской казенной палате, оказалось, что курды Александропольского уезда уже все причислены к казенным крестьянам. Но при всем том, даже *земледельческие курды* (разрядка наша—М. Д.) не могут отвыкнуть от перекочевок»³³. Это весьма примечательно в нескольких аспектах.

Во-первых, налицо трансформация хозяйственного

уклада курдов, обосновавшихся в различных частях Восточной Армении. Если даже переселившиеся в первой трети XIX в. в Восточную Армению курды были скотоводами, практиковавшими кочевую форму скотоводства, и абсолютно не занимались земледелием, то в течение нескольких десятилетий, уже в 1870-ых годах они в значительных масштабах стали заниматься полевыми земледельческими работами. Процесс постепенного расширения в системе экономического уклада курдов земледельческого занятия, несомненно, результат тех природно-экологических и социально-культурных, а также политических факторов, о которых мы говорили во введении к настоящей работе.

В специфических природно-климатических условиях Восточной Армении, к примеру, Ширака—историко-культурной области, охватывавшей в рассматриваемое время большую часть тогдашнего Александропольского уезда, невозможно было заниматься скотоводством без запаса сеном на зимнее время, без утепленных постоянных жилищных комплексов. Заготовка кормов для скота предполагала наличие естественных и, что, с исследуемой точки зрения, особенно важно, искусственных сенокосов, а это уже, фактически, земледелие.

Этнографические материалы выявляют также интересные формы хозяйственно-культурных контактов курдского и армянского населения. В тех местах, где курдские общества в районах своих зимников не практиковали посев зерновых культур, армяне на определенных условиях—исполку (когда отдавали половину урожая собственнику или пользователю обрабатываемой земли) арендовали земельные участки, годные под пашню, своими земледельческими орудиями пахали, засеивали, бороновали, собирали урожай и молотили³⁴. К земледельческим работам сначала эпизодически, а затем все интенсивнее и систематичнее привлекались также отдельные члены курдских семей. Создавались благоприятные условия для ознакомления все большего числа курдов, которые участвовали на различных полевых работах, с земледельческой культурой. Поскольку в курдском обществе шел процесс усиления социально-имущественной дифференциации, то обнищавшие курдские семьи постепенно переходили к ведению земледельческого хозяйства в районах своих зимников,—фактически, основных поселений. Такие

факты засвидетельствованы в Шираке, Арагацотне (современные территории Апаранского, Талинского, Аштаракского районов Армянской ССР) и др. местах³⁵.

Эти материалы дают основание сделать вывод относительно того, что среди курдов Восточной Армении были вариации в комплексах хозяйственных укладов и их адаптационные процессы протекали по-разному: одни постепенно начинали практиковать земледелие, а другие—расширять и интенсифицировать, многообразить отрасли земледельческого хозяйства.

Таким образом, выявляется, что, с одной стороны, природно-экологические условия обусловили определенное изменение в системе содержания скота, в сложении устойчивой формы стойлового содержания, с другой—установление тесных хозяйственно-культурных контактов с местным армянским населением, повсеместно практиковавшим комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство, благотворно сказалось на дальнейшем экономическом развитии определенной части курдского населения, переходившего в новых условиях к более интенсивным формам хозяйствования; и, наконец, с третьей стороны—особенности социального и экономического развития в курдском обществе неизбежно вели к поляризации социальных прослоек, низшие слои которых, не имевшие скота или же имевшие незначительное его количество, меняли свои занятия, переходя к ведению земледельческого хозяйства. Именно комплекс этих факторов определял основные тенденции в хозяйственно-культурном развитии курдов Восточной Армении.

Сравнительное изучение материалов, опубликованных в различных дореволюционных и советских изданиях, приводит нас к заключению, что мало учтено при описаниях и дефинициях то обстоятельство, что приток все новых групп курдского населения в Восточную Армению не прекращался и в течение всей второй половины XIX в., среди тех, кто переселялся, были и преимущественно скотоводы и те, которые имели традиции земледельческой культуры. Это значит, что разные группы курдов в различные сроки постепенно адаптировались к местным условиям, что, в свою очередь, еще более разнообразило хозяйственно-культурные черты курдского населения Восточной Армении. С другой стороны, приток все новых групп, еще не приспособленных

к местным природно-экологическим и социо-культурным условиям и практиковавших сравнительно более экстенсивные формы скотоводства, в известной мере способствовало принижению места и роли земледелия в хозяйственном укладе курдов.

На эти аспекты мы обратили сравнительно большее внимание в связи с тем, что их рассмотрение позволяет, на наш взгляд, правильно квалифицировать значение крупного рогатого скота в хозяйственной жизни курдов Восточной Армении.

Данные по хозяйственному укладу курдов, проживавших на территории Грузии и Азербайджана, дают интересные параллели, позволяющие сделать некоторые выводы относительно динамики и некоторых особенностей скотоводческой культуры курдов. Говоря о месте кочевого скотоводства в системе форм скотоводства в Грузии, В. М. Шамиладзе пишет: «В конце XIX-начале XX в., в связи с сокращением летних и зимних пастбищ и с углублением имущественной дифференциации среди кочевого населения Грузии основная его часть, не имевшая возможности вести самостоятельное кочевое хозяйство, уже перешла к оседлому образу жизни. Кишлаки и яздаги Нижней Картли, которые по ведению земледельческого хозяйства были наиболее выгодными, постепенно превратились в основные хозяйственные базы скотоводов-кочевников, на которых население наряду со скотоводством занялось земледелием и другими отраслями хозяйства»³⁶. И весьма, с нашей точки зрения, важна мысль того же автора о том, что «этнографический материал отражает своеобразие и специфичность хозяйственных комплексов кочевого скотоводства Грузии. Племя «Эли», частично курды и хемшилы, кочевавшие ранее в Нижней Картли, Кахетии и отдельных частях Юго-Западной Грузии, в указанный период уже перешли к полукочевому образу жизни, в связи с чем трудно добыть материалы, отображающие сугубо кочевой образ жизни»³⁷. Эти данные, основанные как на дореволюционных, так и собственных полевых материалах, собранных В. М. Шамиладзе в различных частях Грузии, дают нам основание для вывода о том, что и в Грузии складывались те же тенденции развития хозяйственной жизни. Здесь хотелось бы добавить, что было бы ценно показать роль местной традиционной земледельческой культуры в

прогрессивном развитии хозяйственной жизни скотоводов.

А. Е. Хан-Агов, характеризуя скотоводческое хозяйство курдов Восточной Армении, приводит в своей работе таблицу количества крупного рогатого скота в отдельных курдских семьях. Так, у Сутокюланов было до 25 голов, Азизанлинов—до 12, Мпланлинов—до 30, встречались скотоводы, которые имели 40 и более голов³⁸. У курдов, проживавших в Азербайджане, отдельные семьи имели до 100 голов крупного рогатого скота, из которых 30—40 составляли коровы; в селении Халанд (в Кялбаджаре) Исмаиле Гариш имел 20 голов крупного рогатого скота, другой же богач имел около 70 голов крупного рогатого скота, из которых дойных коров—30; Авдал Зайней имел 10 волов, 20 коров, 2 быков, двух лошадей и более 300 овец³⁹. А. А. Калантар писал, что богатая семья имела лошадей для своих собственных нужд, количество которых в отдельных случаях достигало 3—4 голов на каждый двор, а бедняки, как правило, не имели лошадей⁴⁰. Однако показательно, что О. Л. Вильчевский, характеризуя место лошади в жизни курдов, писал: «...трудно представить курда без лошади, лошадь кажется неотделимой частью быта, курдского хозяйства»⁴¹. Хотя следует отметить, что в курдском населении лошадь совершенно не использовалась ни в качестве молочного, ни в качестве мясного животного⁴².

Показательно, что в курдском фольклоре нашли отражение различные виды скота; более того, в нем можно выявить и данные, характеризующие соотношение между ними, а также место и роль во всем укладе жизни.

В курдских хозяйствах ослы не играли большой роли, но, тем не менее, они выполняли определенную функцию по обслуживанию хозяйства. Ослы постоянно находились со стадом крупного или мелкого рогатого скота, перевозили на них больных овец, коз, ягнят, принадлежности пастушеского обихода, различные продукты и др.

Несомненно, наибольшего удельного веса в системе отраслей скотоводства достигало мелкое рогатое скотоводство, преимущественно овцеводство. Разведению коз придавалось несравненно меньшее внимание. Разнообразие породного состава, сотни и тысячи голов

разводимых овец удовлетворяли самые различные потребности домашнего быта. Из молока изготавливались различные молочные продукты, занимавшие значительное место во всей системе питания курдов, из шерсти изготавливали ткани, войлок, многие элементы одежды, из кожи—бурдюки и различную утварь. О месте овцеводческой культуры во всей системе скотоводства красноречиво свидетельствуют многочисленные данные бытового и терминологического характера⁴³. Так, показательно, что анализ названий домашних животных в связи с исчислением их возраста (таблица II) показывает, что наиболее разнообразная номенклатура названий касается мелкого и крупного рогатого скота; с другой стороны, выявляется определенная общность в названиях, засвидетельствованных у различных групп курдского населения, что может служить основанием и для выводов историко-культурного характера. Примечательно, что в этих названиях отражено исчисление по числу прожитых лет (так называемая «система числительных»)⁴⁴, хотя в некоторых названиях отражены развитие и состояние зубов. Последующие изыскания лингвистического характера могут пролить свет не только на богатство народных знаний в области зоотехнии, но и на особенности межэтнических и внутриэтнических связей в курдском населении.

Занятие овцеводством способствовало выведению курдами различных пород, наиболее приспособленных к условиям пастбищного содержания.

Самым распространенным видом овец была у курдов курдючная порода, которая была выведена в условиях длительного пастбищного содержания. Среди курдючных пород выделялась порода балбас, разводившаяся курдами в особо значительных масштабах⁴⁵, хотя в хозяйствах имелись курдючные овцы породы мазех. Овцы различались и по масти, в особенности были распространены красная, белая и черная масти. И. З. Андронников писал, что «курдинский скот исключительно красный», то же мы встречаем в работах А. А. Калантара⁴⁶. Хотя, по свидетельству многих других авторов,—В. П. Никитина, М. Ф. Иванова, В. Ф. Каменского, в курдских хозяйствах преобладал мелкий рогатый скот красного, белого и черного цветов⁴⁷, по мнению курдов, молоко овец темных мастей более вкусное и жирное, нежели молоко овец других мастей⁴⁸.

Названия домашних животных.

Виды и половозрастные группы скота

Овца	Ми
1. В возрасте до 6 месяцев	—бәрх /бәрха ме/
2. От 6 месяцев до одного года	—кавьр' (кавьр'а ме)
3. До двух лет	—бәрди
4. В возрасте трех лет	—бжаштир
5. —»— —»— трех лет и более	—ми
6. —»— —»— 4 лет и более	—мистәвр
Баран	Баран
1. В возрасте до 6 месяцев	—бәрх /бәрхе нер/
2. От 6 месяцев до одного года	—кавьр' (кавьр'е нер)
3. До двух лет	—бәрдыр, бәрдыр
4. В возрасте трех лет	—бәр.н, бәрәне гона
5. В возрасте 4 и более лет	—дәрд
6. —»— —»— пяти лет	—погыч
7. —»— —»— шести лет	—маз
8. —»— —»— семи лет	—маз-маз
9. —»— —»— восьми лет	—маз-мазан
Коза	Бьзын
1. В возрасте до 6 месяцев	—кар (кара ме)
2. —»— —»— до двух лет	—гиск
3. —»— —»— до трех лет	—гыштир
4. —»— —»— трех и более лет	—бьзын
5. —»— —»— 4 и более лет	—бьзна стәвр
Козел	Т'әкә
1. В возрасте до 6 месяцев	—кар (каре нер)
2. —»— —»— до двух лет	—гиск
3. —»— —»— до трех лет	—т'әкә/т'әке гона/
4. —»— —»— до 4 и более лет	—һәбур, пери
Корова	Ч'еләк
1. В возрасте до одного года	—гольк/голька ме/
2. —»— —»— от 1 до 2 лет	—мозьк (мозка ме)
3. —»— —»— от 2 до 3 лет	—ногыч, бәрға
4. —»— —»— 4 и более лет	—ч'елек, мангә

Таблица 2 (продолжение).

Бык

1. В возрасте до одного года	-- гольк (голке нер)
2. —»— —»— от 1 до 2 лет	— мозьк, тэ'нэ
3. —»— —»— от 2 до 3 лет	— щанангэ, камльк, сэнгу
4. —»— —»— трех лет	— бог'э /бог'/'
5. —»— —»— 4 и более лет	— га

Бог'э**Кобыла**

1. В возрасте до одного года	— щэ'ну /щэ'нуйа ме/, щэ'нуйа йэксали
2. —»— —»— до двух лет	— щэ'нуйа дō сали
3. —»— —»— до трех лет	— нузи' /нъзин/, щэ'нуйа се сали, минаки
4. —»— —»— до четырех лет	-- мэх'ин, дō зин
5. —»— —»— пять и более лет	— мэх'ина се зин

Мэх'ин**Жеребец**

1. В возрасте до одного года	— щэ'ну/щэ'нуйа нер/
2. —»— —»— до двух лет	— щэ'нуие дō сала
3. —»— —»— до трех лет	— щэ'нуие се сала
4. —»— —»— до четырех лет	— щэ'нуие дō зин
5. —»— —»— до пяти лет	— хэс е фэ'л

Нэспе нер**Осел**

1. В возрасте до одного года	— щэ'ш, щэ'шка ме
2. В возрасте до двух лет	— щэ'шка дō сали
3. —»— —»— до трех лет	— щэ'шка се сали
4. —»— —»— до четырех лет	— к'эре нер
5. —»— —»— 4 и более лет	— к'эре эхтэ

К'эр**Самец**

1. В возрасте до одного года	-- щэ'ш, щэ'ше нер, щэ'шке нер
2. —»— —»— до двух лет	— щэ'ш, щэ'ткэ дō сали
3. —»— —»— до трех лет	— щэ'ш, щэ'шке се сали
4. —»— —»— 3 и более лет	— к'эра ме

К'эр

Названия домашних животных по цвету и другим
внешним признакам.

Овец (баранов)

Ми

Балак
Давраша кав
Давраша хархаш
Дандала
Гохе дамчи
Гохе пар
Голи
Голи хар
Голи сор
Голи хархаш
Голи кав
Голи зар
Зар
Капраш
Қор
Қора сор
Қора хар
Қора балак
Қора кав
Қар
Қара балак
Қара сор
Қара хар
Қара хархаш
Қал
Қала балак
Қала шинкав
Қала хархаш
Қала хар
Қала баш
Қав
Қава балэк
Қава кал
Қава кол
Қола хар
Қола хархаш
Қола сор
Қола харбалак

Бэлэк
Дәвр'аша кәw
Дәвр'аша қәрқаш
Дәндәлә
Гөһә ләмчи
Гөһе п'әр'
Гөли
Гөли қәр
Гөли сор
Гөли қәрқаш
Гөли кәw
Гөли зәр
Зәр
К'апр'аш
Көр'
Көр'а сор
Көр'а қәр
Көр'а бэлэк
Көр'а кәw
Кар'
Кәр'ә бэлэк
Кәр'ә сор
Кәр'ә қәр
Кәр'ә қәрқаш
Кәл
Кәлә бэлэк
Кәлә шинкәw
Кәлә қәрқаш
Кәлә қәр
Кәлә бәш
Кәw
Кәwә бэлэк
Кәwә кәл
Кәwә к'ол
К'олә қәр
К'олә қәрқаш
К'олә сор
К'олә қәрбәлэк

Таблица 3 (Продолжение).

Кола кав
Кола баш
Сис
Сор
Соре баш
Балак
Сора баш хороголи
Сора хороголи
Сөра кав
Балак
Тала
Хмар
Хара сор
Хара балак
Хен балак
Чавраш
Чила хархаш
Шинкав

Коз (козлов)

Кара гозал
Қол
Кавар
Раш
Хашт
Чал
Чур
Чил
Шин
Ше
Қаре гозал
Бал
Амаз

Коров (быков)

Боз
Балак
Балака раш
Баш
Гавр
Раш

К'олә кәw
К'олә бәш
Сис
Сор
Соре бәш
Сорә бәләк
Сорә бәшә қөрөгөли
Сорә қөрөгөли
Сорә кәw
Бәләк
Тәлә
Қьмәр
Қәрә сор
Қәрә бәләк
Қьжбәләк
Ч'әвр'әш
Чилә қәрқаш
Шинкәw

Бьзын

Кара гозәл
К'ол
Кәвәр
Р'әш
Хьшт
Чал
Чур'
Чил
Шин
Ше
Каре гозәл
Бәл
h'әмьз

Ч'еләк

Боз
Бәләк
Бәләкә р'әш
Бәш
Гәwр
Р'әш

Каж
Сор
Сора хыт
Хыт
Тут
Шин
Делгаваз
Сора давраш
Раша хол

Кобыл (жеребцов)

Боз
Бозхалхали
Балак
Команд
Сор
Сорбоз
Рашбоз
Хал-Хали
Чал
Джанийа тор
Ше
Шинбоз
Хар
Хамар
Хчспи

Ослов

Боз
Бозшин
Раш
Макара раш

Собак

Балак
Гора
Гавр
Сор
Сорон
Раш

Каж
Сор
Сорэ хышт
Хышт
Туж
Шин
Делгэвэз
Сорэ дэвр'эш
Р'эшэ дол

Нэспе ме у нэспе пер

Боз
Бозхалхали
Бэлэк
К'омэйт
Сор
Сорбоз
Р'эшбоз
Хал-хали
Чал
Щэ'ния т'ор'
Ше
Шинбоз
Qэр
Qэмэр
Qыч'спи

К'эр

Боз
Бозшин
Р'эш
Мак'эра р'эш

Куч'ьк

Бэлэк
Гөрэ
Гевр
Сор
Сор'он
Р'эш

Хамаз	Һ'әмьз
Хешин	Һешин
Хавраш	Қавр'әш
Хол	Қол
Холишин	Қолишин

Интересные данные можно почерпнуть и из названий домашних животных по цвету и другим признакам (форме рогов, особенностей отдельных частей тела и др.). Многообразие таких названий указывает на большие навыки в области разведения тех или иных видов домашних животных. Сравнительный анализ выявляет особое богатство таких названий для мелкого рогатого скота, затем крупного рогатого скота. Сравнение соответствующих названий, записанных в различных частях Восточной Армении, также выявляет общекурдские элементы в этой специфической (языковой) сфере скотоводческой культуры курдов.

Хорошее знание экстерьерных особенностей скота нашло свое отражение в соответствующих терминах. Опытные и умелые курдские пастухи, оранизовывавшие выпас 400—500 голов овец, прекрасно различали одну овцу от другой и в названиях отражали ее специфические индивидуальные признаки. Они безошибочно могли по виткам рогов и по зубам определить возраст той или иной скотины, определить, сколько раз окотилась та или иная овца. Веками выработанные навыки передавались из поколения в поколение, каждое из которых вносило свою лепту в систему культурных ценностей в области скотоводства.

Сопоставление с аналогичными данными по другим народам показывает, что у курдов перечень названий отличается большим разнообразием, в особенности применительно к мелкому рогатому скоту⁴⁹.

Как результат тесных хозяйственно-культурных контактов следует рассматривать тот факт, что армяне Восточной Армении в целом ряде историко-культурных районов восприняли некоторые названия и употребляли взамен армянских⁵⁰.

С этнографической точки зрения определенный интерес представляют и клички различных домашних животных, распространенные в курдской этнической сре-

Клички животных

Овец и баранов	Пэзе ме пезе нер		
Басе	Бэсе	Камар	Qэмэр
Баше	Бэше		
Сисе	Сисе	Калаш	К'элэш
Соре	Соре	Коло	К'оло
Харе	Qэре		
Коров	Ч'елэк		
Алтун	Алт'ун		
Басе	Бэсе	Нане	Нэне
Басо	Бэсо	Сисе	Сисе
Гаваз	Гэвэз	Сурме	Сөрме
Голе	Гөле	Сайран	Сэйран
Джейран	Шейран	Кобар	К'обар
Джамо	Щэмо	Хане	Хане
Марджан	Мърщан	Хазе	Хэзе
Оско	Оско	Хатун	Хат'ун
Оре	Ор'е	Хаме	Хэме
		Шаме	Шэме
Быков	Бог'э		
Дуко	Дук'о		
Думан	Думан	Холо	Qоло
Калаш	К'элэш	Рашо	Р'эшо
Хшто	Хьшто	Черкез	Чэркэз
		Шамо	Шэмо
Кобыл	Мьн'ин		
Бежан	Бещан		
Бозе	Бозе	Зозан	Зозан
Гяваз	Гэвэз	Нане	Нэне
Гуре	Гуре	Порсор	П'ор'сор
Дидл	Дьндьл	Хазал	Хэзал
Джейран	Шэйран	Лейле	Лэйле
Зейнал	Зэйнал	Соск	Соськ
		Сайран	Сэйран
Жеребцов	Щэ'ну		
Бор	Бор'		
Зоро	Золо	Сатур	Сат'ур
Кафр	К'афър	Хрчо	h'ърчо
Куви	К'уви	Чаро	Чаро
		Живан	Щиван

Таблица 4 (Продолжение).

Собак		Куч'ьк	
Базн	Базьн	Занги	Зэнги
Башо	Бəшo	Золо	Золо
Бруск	Бьруск	Кафр	К'афьр
Богр	Бог'ьр	Руто	Р'уто
Бекж	Бёкьж	Сарраш	Сəрр'əш
Бгр	Бьгр	Сарек	Сəрəк
Бераз	Бəраз	Хераз	Qəрəз
Грджо	h'ьрчo	Хавраш	Qавр'əш
Грех	Гёрех	Хасав	Qəсав
Грто	Гьрто	Ханто	Qəйт'o
Гро	Гёро	Холо	Qоло
Годжэл	Гёщэл	Хаплан	Qап'лан
Дого	Дог'o	Тареш	T'ареш
Джандрма	Щендьрмə	Топлан	T'оплан
Давраш	Дəвр'əш	Топаз	T'опьз
Джеро	Щеро	Чомр	Чомьр
Джарек	Щəрəк	Чало	Чало
Джалал	Щəлал	Шапал	Шəп'ал
Ослов		К'эр	
Деле	Деле	Паре	Пəр'е
Зарде	Зерде	Кне	Кьне
Каве	К'аве	Фиде	Фиде
Хрдже	h'ьрче	Чале	Чале
Чархе	Чəрхе	Чиле	Чиле

де. Данные таблицы 4 выявляют интересные явления. Волам, баранам и жеребцам давали нередко имена отдельных личностей, выделявшихся своими достоинствами, храбрцов, хороших всадников, опытных пастухов, народных умельцев и др. Коровам и овцам же давались часто женские имена⁵¹.

Полевые этнографические материалы, собранные автором, а также литературные и фольклорные данные определенным образом выявляют многие явления, свидетельствующие о многочисленных обрядах и обычаях, верованиях, связанных с функционированием скотоводческого хозяйства. Примечательно, что в фольклоре нашли самое разнообразное отражение особенности хозяйственного уклада курдов, поверья, связанные с разведением различных домашних животных. Особен-

но ярко отражены представления и верования, связанные с лошадей, овцой, крупным рогатым скотом, собакой и др.⁵² В известной мере обилие материалов, отражающих отношение к тому или иному животному, обусловливается местом и ролью данного животного в быту курдов. В этом смысле фольклорные материалы становятся ценным этнографическим источником для раскрытия отдельных сторон скотоводческой культуры курдов Восточной Армении⁵³.

Примечательны предания о покровителе скота Маме Шване, благодаря которому увеличивается и размножается скот. Ежегодно в честь покровителя Маме Швана делали жертвоприношения и это должно было, по поверью курдов, обеспечить целостность и безопасность многочисленных стад. У него был даже ангелохранитель, чьи обязанности исполняло духовное лицо, которого каждый год одаривали, преподнося, как правило, овцу, ягненка или козленка.

В другом предании говорится о том, что Маме Шван—покровитель мелкого рогатого скота, был пастухом диких овец и коз. И весьма показательно, что у курдов запрещалось убийство диких овец и коз, чтоб не вызвать гнева божества-пастуха Маме Швана. Среди курдов широко бытовало поверье, что рога диких баранов или козлов приносят удачу, изобилие, безопасность.

Наряду с культом Маме Швана, у курдов был распространен и культ крупного рогатого скота, известный у различных групп курдского населения под именем Гаване Зэрзан. Различные поверья и обряды своим происхождением были связаны с почитанием этого покровителя. Сравнительные материалы показывают, что по степени распространенности культ Гаване Зэрзана несколько уступал культу Маме Швана, что, несомненно, объясняется преобладающим значением мелкого рогатого скота, т. е. реальное соотношение отраслей скотоводства отражалось в характере и степени распространения культов покровителей различных видов скота. С другой стороны, эти же материалы указывают на древность и масштабность крупного рогатого скотоводства в хозяйственном быту курдов⁵⁴.

Отдельные элементы декоративно-прикладного искусства, танцевального и музыкального фольклора так-

же находят объяснение в специфике хозяйственной жизни курдов⁵⁵.

Сравнительное рассмотрение исторических, этнографических, фольклорных и статистических материалов дает основание и для дифференцированной характеристики хозяйственных укладов различных групп курдов. На образ жизни курдов Восточной Армении довольно значительное воздействие оказывали способы организации содержания различных видов и половозрастных групп скота, к рассмотрению которых мы и переходим в следующей главе.

ГЛАВА III.

ПОЛУКОЧЕВАЯ ФОРМА СКОТОВОДСТВА

Сравнительное изучение полевых этнографических материалов, данных литературы, архивных источников и др. позволили выделить две основные формы скотоводства, которые практиковались курдами Восточной Армении во второй половине XIX - начале XX века: *полукочевую и отгонную*, каждая из которых сложилась и функционировала в определенных природно-экологических, социально-экономических, политических и этнокультурных условиях.

Исходя из теоретико-методических принципов, рассмотренных и представленных в первой главе, а также особенностей естественно-исторических условий, выявленных во второй главе, применительно к курдам Восточной Армении для периода второй половины XIX - начала XX века, представляется неправомерным в системе способов ведения скотоводства, способов ведения его в различных природно-экологических условиях, выделение кочевой формы скотоводства, как самостоятельной, практикуемой наряду с другими.

Вторая половина XIX - начало XX в. в Восточной Армении является периодом дальнейшего углубления капиталистических производственных отношений, что приводит в итоге к постепенному изменению экономического облика сельского и городского населения. Экономико-статистические материалы показывают процесс дальнейшего усиления социально-экономической (имущественной) дифференциации, поляризации сельского населения. С одной стороны, уменьшается число состоятельных курдских хозяйств, а с другой — увеличивается число обнищавших семей, не имевших скота, или же имевших весьма незначительное его количество, что

вынуждало их переходить к другим видам сельскохозяйственных занятий¹. И полевые этнографические материалы выявляют характер расслоения в курдском обществе в рассматриваемое время, что особенно наглядно проявлялось в системе пользования пастбищами Восточной Армении, как зимними, так и летними, в формах организации сообществ по выпасу скота, в характере трансформации родственных и соседских отношений у курдов. Такие материалы засвидетельствованы в ряде селений Арагатской долины, Ширака, Зангезура и других районов².

Материалы по социально-имущественной дифференциации важны для нас в том плане, что позволяют выявить вариации в системах содержания различных видов скота у различных социально-имущественных групп населения. Выясняется, что хозяйства одного и того же курдского общества отличавшиеся по уровню состоятельности могли практиковать различные формы скотоводства. Это обстоятельство следует иметь в виду, чтобы суметь раскрыть не только сущностные стороны той или иной формы, но и их вариации, разновидности у различных групп населения. Только такой подход может способствовать познанию причин сложения и функционирования всего многообразия практиковавшихся форм скотоводства.

Конкретные этнографические материалы показывают, что при функционировании выделенных форм скотоводства у различных групп и в различных частях Восточной Армении складывались локальные разновидности, варианты, которые находят объяснение или в традициях данной группы курдов, или в местных условиях, в их пространственно-временных континуумах с их социально-политической и этно-культурной средами.

Этнографические материалы по курдам Восточной Армении свидетельствуют о сложении и функционировании двух разновидностей полукочевой формы скотоводства. Для первой разновидности было характерно круглогодичное содержание на пастбищах почти всех видов скота, использование четырех категорий сезонных пастбищ—весенних, летних, осенних и зимних; превалирование мелкого рогатого скота в общем поголовье стада, значительная амплитуда перекочевов, наличие сенокосения, запасание кормов для скота, приобретен-

ных в обмен на скотоводческие продукты, наличие эпизодического земледельческого хозяйства.

Для второй разновидности полукочевой формы скотоводства также было характерно использование четырех категорий пастбищных участков, но имело место определенное сокращение амплитуды перекочевов, значительное увеличение удельного веса крупного рогатого скота при некотором уменьшении общего поголовья всех видов скота по сравнению с предыдущим, наличие постоянно практикуемого земледельческого хозяйства при преобладающей роли скотоводства во всей системе хозяйственной жизни, заметное увеличение оседлости части населения.

Хозяйственный год делился на ряд последовательных циклов, обусловленных сезонным содержанием скота—весенний, летний, осенний и зимний. Выпас скота во все сезоны был пастбищный, только в зимний период пастбищное содержание сочеталось со стойловым кормлением.

Примечательно, что в ряде мест, где часть курдов практиковала указанную форму скотоводства, причина заключалась в нехватке полезных пахотных участков. В связи с этим, показательные следующие строки из работы В. И. Массальского: «Следует отметить, что недостаток хороших пахотных мест заставил курдов прибегать к более удобным и легким занятиям, к скотоводству. В подтверждение этого можно привести тот факт, что в тех местностях, в которых курды получили удобные пахотные места, они превратились из скотоводов в земледельцев»³. Становится понятным, что у данной группы курдов фактически были навыки ведения земледельческого хозяйства, но отсутствие возможностей их реализации приводило к расширению масштабов экстенсивного скотоводства.

Ниже мы переходим к детализированной характеристике годового скотоводческого цикла при ведении полукочевой формы скотоводства.

Годовой скотоводческий цикл

Весенний уход за скотом. Для весеннего периода характерным была организация окота и ухода за молодняком, а также обеспечение их пастбищами. Курды с нетерпением ждали наступления весны, знаменовавшей начало их хозяйственного года⁴. С приходом вес-

ны начиналась и новая жизнь для курдских скотоводов. Такие природные явления, как таяние снега и появление новой растительности, указывали на то, что настало время кочевок на весенние пастбища⁵.

После наступления весны курды и азербайджанцы начинали кочевье на весенние пастбища⁶, которые находились на открытых полянах и чащах естественных лесных покровов Араратской равнины, Муганской и Мильской степей и других местностей.

Весенними пастбищами для Радик и других курдских общин считались летние дачи Хана Макинского⁷, Дашкесана, Кюракана, Кизилара. Гагурчинцы оставались весной в местности Багарак, принадлежащей генералу Каханову, а некоторые выпасали скот в этом районе на государственных пастбищах⁸. Курды Елисаветпольской губернии как весной, так и осенью пользовались пастбищами Хонешенской равнины⁹.

Курды, перегонявшие скот на весенние пастбища, брали с собой почти все свое имущество¹⁰. Курдские скотоводы до прихода на летовку оставались на весенних пастбищах, откуда постепенно переходили на летние.

В этом смысле весенняя пастьба являлась как-бы подготовкой к первому этапу сезона пастьбы.

А. А. Калантар отмечал, что большие и малые общины Радик оставляли свои зимовки в период с 10 по 20 марта и переходили в предгорные районы, т. н. «крер», где оставались на этих же или иных весенних пастбищах в течение 30—70 дней¹¹. Другие курдские общины также практиковали такие переходы в предгорные зоны, где оставались выпасывать свой скот в течение месяца¹².

Курды-мусульмане, живущие на нынешней территории Талинского района, в конце XIX века выпасали скот на близлежащих весенних пастбищах, откуда после потепления отправлялись на летние пастбища Арагаца (Алагяза)¹³.

Многие этнографические группы курдов из Игдира и прилегающих районов с начала марта перегоняли скот на весенние пастбища окрестностей Еревана, а отсюда—в горы¹⁴. Некоторые богатые скотовладельцы из Игдира, как например, Алашхан-бек, уже в начале марта доходили до современных окрестностей Еревана и только в мае через село Гарни поднимались на Гегамские горы¹⁵.

Перевод скота на весенние пастбища еще не означал, что разрешены все трудности, связанные с уходом за скотом, особенно в деле обеспечения пастбищами. Здесь мы не можем не учесть многовековой опыт народа, связанный с вопросами перегона скота на весенние пастбища с учетом погодных условий, в частности, когда в начале весны погода была всегда обманчива и постоянно менялась. Имеется множество примеров, свидетельствующих о пагубных последствиях ранневесенней погоды, когда вследствие обильного снегопада в этот период могли погибнуть несколько сот голов скота. В таких случаях для выхода из положения курды приобретали корм для скота у армян и азербайджанцев, с которыми они находились в дружественных связях.

Скотоводы, практиковавшие экстенсивные формы скотоводства, по выражению А. А. Калантара «кочевники и полукочевники», имея определенное поголовье крупного рогатого скота, покупали корм у оседлых жителей (при нехватке корма на весенних пастбищах)¹⁶.

Поскольку весенние пастбища, используемые курдами, принадлежали фактически более состоятельным лицам и чиновникам, курды за их аренду платили определенную сумму за каждое поголовье.

В период пастбы в целях заполучения большого количества продуктов курдские скотоводы образовывали отдельные стада крупного и мелкого рогатого скота по поло-возрастным признакам. Составление стада зависело также в определенной степени и от возможностей пастбищ. При обширных пастбищах поголовье стада было, естественно, большим.

В период весенней пастбы поголовье стада было меньшим, нежели летом или осенью, потому что травяной покров был меньше, и это диктовало необходимость уменьшения поголовья скота.

Мелкий рогатый скот делился на ягнят, овец, баранов и др. Поголовье скота могло быть большим или меньшим. Оно достигало 200—350 в маленьком стаде, а в большом насчитывало до 500—700 голов. Если же количество принадлежащего общине скота доходило до 1500 голов, то скот разбивался на два стада, из которых одно состояло из дойного скота, а другое—недойного¹⁷. Информаторы утверждают, что поголовье нормального стада составляло 400—500 голов, а поголовье же стада ягнят—от 100 до 350. При наличии большого

поголовья пастба становилась невозможной, поскольку пастбища становились непригодными. В курдских хозяйствах коз было мало, потому и не создавались отдельные стада.

Весенние пастбища, как было уже отмечено, были известны под названием «долга»¹⁸, что дословно означает место окота. Таким образом, весенние пастбища являлись не только местом для пастбы, а также и местом окота мелкого рогатого скота. Первым необходимым условием для принятия окота на весенних пастбищах являлась разбивка шатров, под которыми должны были оставаться новорожденные ягнята. «Разбивку шатров у зимников курды начинают к началу ягнения»¹⁹. И повсюду до прибытия на летовку курдские общины спускались на «...первый юрт», где принимали ягнение²⁰, и только после этого отправлялись на летовку²¹.

Возникает вопрос: чем обусловлено принятие ягнения весной на весенних пастбищах? Оказывается, время ягнения рассчитано так, чтобы оно произошло на первой кочевке²², т. е. после перехода на весенние пастбища. По мнению Иванова, ягнение овец весной зависело от природно-климатических и хозяйственных условий²³. Далее автор отмечает положительные стороны весеннего ягнения, и что оно эффективнее происходило в сравнительно теплое время. Важным было и кормление молодняка молоком, чем и облегчался уход за ними на весенних пастбищах.

Что касается отеливания, то необходимо отметить, что здесь не было определенного периода, поскольку их оплодотворение происходило свободно и также не имело определенного периода. Весенний уход также имел особые заботы и трудности, особенно на весь период окота и отеливания. Пасли скот спокойно, без перерыва на большие расстояния. По утрам в обязательном порядке скот выпасали после восхода солнца, в противном случае беременные овцы опухали и происходил выкидыш. То же происходило, когда утром давали соль и воду, что строго было воспрещено. Во избежание этого соль и воду давали после пастбы.

В дни окота чабаны дежурили всю ночь, чтобы избежать потерь. Каждое утро, перед тем как вывести стадо на пастбу, умелые чабаны определяли, на основании внешних признаков, у какой овцы возможен окот.

Их отделяли и внимательно следили за ними. Окопившихся овец 3—4 дня подряд пасли недалеко от кочевки, давали теплую воду.

Для обеспечения окота без потерь чабаны применяли те средства и методы, которые были знакомы испокон веков.

До прибытия на летовку молодняк подготавливали для пастбы: сначала на близких пастбищах, и только потом—на более отдаленных. Эффективным методом для подготовки к дальним переходам являлось смешение ягнят одного стада с овцами другого, с тем, чтобы ягнята привыкли к более быстрому движению.

Скот мелкого рогатого скота являлся важным событием в хозяйственной жизни курдских скотоводов, традиционным праздником, обряды и представления которого имели одну основную цель: способствовать увеличению поголовья скота.

Необходимо отметить, что мелкий рогатый скот оставался на весенних пастбищах до окончания окота. Однако, насколько нам известно, переход на летовки совершался тогда, когда молодняк уже мог пастись и мог следовать за стадом.

Летний уход за скотом. Перегон скота на летовку, несомненно, исходил из экономических выгод скотоводов. Жаркая летняя погода, недостаток растительности и воды делали невозможным оставание скота на весенних пастбищах (долинный район). Если на весенних пастбищах после продолжительных дождей вырастала богатая растительность, то тоже самое нельзя сказать о летнем периоде. Наоборот, в летний период эти пастбища высыхали и становились непригодными для пастбы. Переход на летовки и объясняется вышеуказанными причинами. Высокогорные альпийские пастбища и луга²⁴, вода, прохладный климат были очень благоприятны для пастбы скота.

Невысокая температура делала невозможным выращивание здесь зерновых культур²⁵.

Летний уход за скотом начинался с мая и продолжался до начала сентября и считался органическим продолжением весеннего ухода.

Курдские скотоводы, практикующие различные разновидности полукочевой формы скотоводства, перегоня-

ли скот на летовки тогда, когда в горных районах была уже богатая растительность, достаточная для кормления стада²⁵.

Интересным представляется тот факт, что курды поднимались на летние пастбища не сразу, а постепенно, с таянием снега. Курдские общины, такие, как Большие и Малые Радик и другие, с 20 мая переходили на склоны горы Арагац, где оставались 40—60 дней, после чего поднимались на верхние высокогорные пастбища²⁷.

Летние пастбища курдов, практиковавших полукочевую форму ведения скотоводства, известны в литературе под названиями яйла²⁸, зозан, сар и размещены в различных горных районах Восточной Армении. Первоисточники показывают, что летние пастбища курдских скотоводов находились на расстоянии свыше 100 км.²⁹ Отдельные курдские группы, чьи зимники находились на территории Эчмиадзинского уезда (Калашбек, Зага, Зорбу, Гялто, Акко, Камишлу и др.) летом перекочевывали на принадлежащие им Арагацские пастбища³⁰.

Курды, обосновавшиеся на современной территории Октемберянского района из кишлаков (Гре Ско, Гре Гиска, Ромие Грдо), в начале XX в. гнали скот из Байсз (нынешний Таллинский район) на близлежащие пастбища³¹.

Информаторы нынешнего Гарни (Абовянский район Армянской ССР) сообщали, что с 20 мая Алашхан Бек (Сурмалинский уезд) гнал свой скот на яйлу Гола Бэга (Гегамские горы)³².

Курды-сунниты, жившие в селе Муш, что упоминается С. Егiazаровым³³, поднимались на летовку на яйлы Гакувиа, Гюлизаре³⁴. Исследователи отмечают, что курды, практиковавшие полукочевую форму скотоводства, совершали кочевье на яйлы всем имуществом. С. П. Зелинский в 1880 г. писал, что курды «...покидают на лето зимние жилища и перекочевывают на эйлагы со своими стадами, забрав весь домашний скот»³⁵.

Другой исследователь отметил, что курды с Чорохской и Кахаберской долин «с наступлением лета со всем своим домашним скарбом, чадрами, женами и детьми, собаками и даже домашними птицами» перекочевывали на летовку³⁶.

К приведенным первоисточникам добавим слова М. М. Баязиди, который отмечает перекочевье курдов всем имуществом, «когда курды снимаются с вара

(здесь имеется в виду весенняя кочевка—М. Д.) и перебираются на другой, они складывают и погружают (на коней) все свои пожитки»³⁷.

Полевые этнографические материалы более позднего периода показывают, что вплоть до 20-х годов XX в. курды перекочевывали почти со всем своим имуществом.

Курды, практиковавшие полукошевую форму скотоводства, в период весенней и летней пастбы оставляли свои места жительства без всякого присмотра, на произвол судьбы³⁸.

То же делали и курды, живущие в кишлаках³⁹. Однако интересно, что курдские скотоводы родственной группы Шаркиа до летовки снимали двери и бревна (для перекрытия), доставляли в армянские соседние села до возвращения с летовки⁴⁰.

Жители курдских сел, в чьих хозяйствах значительный удельный вес занимало земледелие,—«...вслед за посевами хлебов перекочевывают на эйлаги целыми семьями, оставляя свои зимние жилища на попечение одних сторожей, для уборки же хлебов и трав с кочевки приходит в селение только необходимое число работников»⁴¹. Подобную мысль выражает также А. А. Калантар,—«курды прерывают связь со своими деревнями, оставляя лишь караульных для охраны землянок и для защиты сенокосов»⁴². Часто за населенными пунктами следили соседние армяне, с которыми курды были в тесных дружественных связях⁴³.

Особый интерес представляют способы перекочевки на летовку и связанные с этим особенности. С. А. Егиазаров пишет: «Накануне перекочевки, при закате солнца курды, опустив палатку, все укладывают; ночью, когда петухи поют, они навьючивают скот, а потом пускаются в путь...»⁴⁴.

Перекочевка всегда происходила на рассвете, что было очень целесообразно, поскольку в жару скот передвигался медленно, более того, в ночное время (во время дорожных переходов) скот пасли на пастбищах, расположенных вдоль дорог, что было невозможно днем.

Уместно отметить, что скотоводческие семьи, остающиеся на одних и тех же кочевьях, вовлеченные в оба⁴⁵, перекочевывали одновременно, хотя «...каждая семья идет отдельно...»⁴⁶.

Курды, поднимающиеся на летовки, перевозили кочевье волами, лошадьми, а иногда и ослами. Об этом есть множество упоминаний как в опубликованных первоисточниках, так и в полевых этнографических материалах⁴⁷.

Курды, временно обосновавшиеся на берегу Аракса, во время кочевья на летовки выючили коров и даже собак,—пишет А. Муравьев⁴⁸. Случаи выючения коров наблюдались у родственных групп Шаркиа во время кочевья на летовку, когда проходили через село Байсз Талинского района⁴⁹. Одновременно с этим курды (особенно практиковавшие стгонную форму скотоводства) в летний период кочевья перевозили также телегами⁵⁰.

В течение кочевого перехода каждый член семьи совершал определенный объем работы. Подобные данные сообщали С. А. Егiazаров, В. Ф. Каменский, С. П. Зелинский, А. Е. Хан-Агов и др. Кочевье и крупный рогатый скот, которые были не навьючены, гнали «...девицы, юноши и мужчины»⁵¹, или «...старшие дети лет семи—десяти...»⁵². Далее, вместе с кочевьем двигались жены с детьми, старухи и старики обыкновенно едут верхом»⁵³. Стада мелкого рогатого скота, идущего вслед за кочевьем, гнали чабаны, т. е. мужчины.

К летовке скотоводы готовились почти в течение всей зимы: ремонтировали шатры, приобретали все необходимое для летнего периода. Более того, уточняли численность семей, поднимающихся на летовку, маршируют следования и другие детали. В этот весенний праздник ягнят смешивали с матерями и передвигались на летние пастбища. К передвижению подготавливали также и молодежь крупного рогатого скота.

Общую характеристику движения скота на горные пастбища с Муганской и Мильской степей дает также И. Сегаль: «...тогда воздух оглашается непрерывным блеянием овец, лаем многочисленных овчарок и пронзительным криком пастухов, курдов, одетых в войлочные бурки и в такие же колпаки с рожками»⁵⁴.

Интересны также описания П. С. Варавина⁵⁵. До прибытия на летовку ягнята свободно кормились у матерей, а телят не подпускали к сосанию молока, надевались намордники. Подобные обычаи, связанные с переходом на летовку, мы встречаем также и в быту других народов⁵⁶, занимающихся скотоводством.

После выбора места летовки первоочередной задачей скотоводов являлась установка шатров, в которой участвовали как мужчины, так и женщины. Согласно обычаю, оставшийся в одном и том же месте и входящий в одну и ту же оба «каждый дом разбивает палатку в определенном месте, называемом варом»⁵⁷.

В летний период пастбы курды, практиковавшие полукочевую форму скотоводства, в качестве временного жилья использовали традиционный шатер (кэн). Курдский кон одновременно весной и, частично, летом служил также в качестве хозяйственного помещения.

Однако необходимо отметить, что в начале XX в. одновременно с шатром курды в качестве жилища использовали также небольшие каменные строения⁵⁸.

В прошлом, когда курды жили в Междуречье (в бассейнах рек Евфрат и Тигр), курдский кон использовался круглый год и полностью соответствовал местным природно-климатическим условиям. В дальнейшем, переселяясь в горные районы, становилось невозможным его круглогодичное использование⁵⁹.

Однако в холодную зимнюю погоду, особенно в обильный снег, житье под ним, как свидетельствуют первоисточники, было невозможным⁶⁰. По этому поводу О. Л. Вильчевский пишет: «Совершенно не приспособлен для относительно суровых зимних горных условий, он (кон—М. Д.) не предохраняет ни от холода, ни от снега»⁶¹. Более того, зимой невозможно было оставаться в шатрах⁶².

В исследуемый период курды, практиковавшие полукочевую форму скотоводства, использовали в качестве жилья волосяные, войлочные и холщевые шатры. Наиболее распространенным среди них был кон, сырьем для которого служили конский и козий волос. Хотя войлочные шатры не имели широкого распространения, тем не менее они существовали у курдов Азербайджана. И кон и холщевые шатры готовились в домашних условиях и использовались в течение более чем 15 лет. Холщевые шатры имели богатые скотоводы и в отличие от двух других были фабричного производства.

Курдские традиционные шатры были разных размеров и длины. Шатры богатых и по размерам, и по качеству отличались от шатров бедных. Богатые семьи ткали шатры больших размеров. Они были настолько большими, что их невозможно было передвигать одним

золом, поэтому на их верхних частях оставляли места (халаки) для соединения и разъединения частей в случае необходимости.

Исходя из необходимости рационального использования пастбищ, курдские скотоводы, практиковавшие молукочевую форму скотоводства, в летний пастбищный период кочевья меняли два-три раза. Каждое кочевье имело свое название: нижнее, среднее и верхнее⁶³.

Подобные передвижения наблюдались также у курдов Персии⁶⁴.

Организация летнего ухода за скотом характеризуется накоплением продуктов животноводства и откормом скота. Общеизвестно, что эффективность летнего ухода за скотом во многом зависела от его правильной организации и от качества пастбищ.

Пастбища, исходя из их хозяйственного значения, делились на два типа: выгоны и собственно пастбища. Опытные пастухи прекрасно знали все виды растений. Полезными растениями для скота были «альпийский подорожник, альпийская львиная лапа, маточная трава, зряный тысячелистник, белый и черный клевер, мышиные и зацвын горошки, манжетки, лапчатки, эсларсат, овечья ореганица, ковыль и т. д.»⁶⁵.

Пастбищный период имел свои отличительные особенности. Во-первых, пастбища делились по половозрастным группам и, во-вторых, они классифицировались по категориям. Для пастбищного периода важным была правильная организация выпаса, посменная пастьба.

В летний период дневной цикл начинался с рассвета, когда солнечные лучи уже немного согревали землю, когда отходил иней, чем и исключалась возможность опухлей и отравлений.

Раньше всех на выпас выгоняли яловых овец и баранов, затем—дойных овец и коров, и только после этого—молочняк. В утренние часы стадо паслось на солнечных и не очень богатых растительностью пастбищах. Пастбища с обильной растительностью всегда оставляли на полдень и вечер, поскольку сытый скот уже передвигался спокойно и не топтал траву.

В пастбищный период вели особый уход за дойными животными, которых пасли на лучших пастбищах, находящихся недалеко от кочевков⁶⁶.

С целью большего получения молочных продуктов и удлинения продолжительности доения курдские скотоводы на летовках организовывали доение два раза в день. Овцы доились в 12 часов дня и в 5 часов вечера, а коровы—соответственно в 10 и в 9 часов⁶⁷. Перед доением коров по утрам пасли, чтобы не допустить трескания сосков коров от острого горного воздуха⁶⁸.

На летовках интересно и содержательно проходила жизнь населения, несмотря на напряженную работу, поскольку не было трудностей и забот зимнего периода. «Жизнь курдов на кочевке идет весело. Надо быть в юртах и видеть, как этот матриархальный народ наслаждается жизнью в горах, на свободе. Ранним утром, в сумерки, со всех сторон слышны звуки пастушеской свирели: в лунную ночь молодежь устраивает хороводы и пляшет под звуки зурны до позднего времени»⁶⁹.

Работа начиналась на летовках с раннего утра и кончалась поздно вечером. Каждый член семьи выполнял определенную работу. Возвращение с летовки было большим событием в хозяйственной жизни курдов. Они приносили в жертву скот, приглашали на пир членов общества и желали друг другу благополучного преодоления зимних трудностей и возвращения на кочевку в будущем году.

Осенний уход за скотом. Осенний цикл включал сентябрь—ноябрь месяцы. Основной задачей осеннего периода была организация случки мелкого рогатого скота и обеспечение его откорма.

Хотя период летней пастбы кончался в конце августа, тем не менее курды, практикующие полукочевую форму скотоводства, пасли скот на горных пастбищах вплоть до конца сентября и начала октября. Истощение травяного покрова и наступление холодов вынуждали скотоводов переходить на предгорные и долинные участки.

Передвижение кочевья и скота на долинные пастбища проходило по тому же маршруту, по которому поднимались на летовки⁷⁰. Общеизвестно, что пастбища долинных районов находились там же, где и осенне-зимние. Эти пастбища вообще не использовались для пастбы в течение всего лета, поскольку в это время скот находился на летних пастбищах; по этой причине осенью, особенно после дождей, там росла пышная рас-

тельность. Скот на этих пастбищах пасся до обильных снегов. Подобные пастбища считаются лучшими⁷¹.

Если весной и летом скотоводы довольствовались пастбой мелкого рогатого скота в течение дня, то осенью необходимо было пастись как днем, так и ночью. Дневной цикл осенней пастбы начинался с рассвета. Пасли до 11 часов, а затем, после небольшого перерыва—до 5—6 часов. После вечернего водопоя мелкий рогатый скот пасли до 11—12 часов ночи, после чего им давали возможность отдохнуть.

Интересно отметить, что случка мелкого рогатого скота происходила осенью на 40 день⁷², т. е. после первой декады октября, с тем, чтобы окот произошел в ранневесенний пастбищный период. Почти все скотоводы имели баранов, по одному на 25—30 овец для случки. Случка всегда сопровождалась обрядовыми действиями. «В середине осени,—пишет М. Баязиди,—они (курды), согласно принятому обычаю, пекли гату и, украшая баранов, шли навстречу стадам (овцам). Присутствующие раздавали гату, они также ели и веселились, после чего баранов подпускали к овцам»⁷³.

Курды-езиды украшали баранов разноцветными шерстяными пучками (красными и желтыми), а курды-мусульмане растворяли землю (красного цвета) в воде и этим красили животных⁷⁴. Курды-мусульмане на лбу баранов вешали зеркало, веруя, что это сделает удачным оплодотворение⁷⁵. У курдов-езидов было принято выводить украшенных баранов, с обеих сторон которых становились несовершеннолетние девушки, под звуки зурны и доола, навстречу овцам. Подобные обычаи наблюдались также у армян⁷⁶.

Зимний уход за скотом. Зимний уход за скотом у курдов, практиковавших полукочевую форму скотоводства, велся в предгорных и долинных районах. Почти там же находились и кишлаки. Анализ материалов показывает функциональное назначение кишлаков и расположенных вокруг них угодий.

Курдские общества, в том числе Брука, Длхерана, Большая и Малая Радик и другие, зимой пасли мелкий рогатый скот (при хорошей погоде также и крупный) на территориях кишлаков Арпачая, Аракса, Мегри и др.

Нередко курды, практиковавшие полукочевую форму скотоводства, на территориях кишлаков не имели

зимних пастбищ. Подобные кишлаки служили местом поселения зимой и весной. Они были распространены, в основном, в предгорных районах. На территории современного Талинского района курды-мусульмане кишлаков Зага, Абдурахман, Гялто и другие, не имея зимних пастбищ, вынуждены были гнать мелкий рогатый скот на окрестные пастбища нынешнего Октемберянского района в сопровождении пастухов, а население оставалось в вышеперечисленных кишлаках⁷⁷.

То же наблюдалось у определенной части курдского населения Азербайджана, которая посылала из своих кишлаков мелкий рогатый скот на зимние пастбища Милья и Мугана⁷⁸.

Зимние пастбища Закавказья располагались в тех местах, где земля не обрабатывалась и считалась непригодной для земледелия, они были пригодны только для пастбы скота⁷⁹.

На этих пастбищах скот пасся в глубокую осень, зиму и весной⁸⁰. Самым важным для скотоводов было преодоление трудностей зимнего периода. В этот период необходимо было обеспечить уход за стельным скотом. Трудности ухода состояли в гарантировании воспроизводства стада на следующий хозяйственный год.

Курды, практиковавшие полукочевую форму скотоводства, вынуждены были пастись мелкий рогатый скот на зимних пастбищах. Пастьба здесь продолжалась вплоть до обильного снега.

В некоторых долинных районах, там, где природно-климатические условия позволяли, скот пасли даже всю зиму. На этих пастбищах очень часто пасся также крупный рогатый скот. Первоисточники упоминают, что пастьба крупного рогатого скота на зимних пастбищах была возможна при наличии определенного травяного покрова⁸¹.

На зимних пастбищах об упитанности скота не могло быть и речи. Более того, «подножный корм, которым питается скот зимой, это трава, сожженная солнцем, а потому скот, пробыв всю зиму на таком корму, сильно тощает»⁸².

Таким образом, становится ясно, что зимняя пастьба является составной частью зимнего ухода. На зимних пастбищах, после дневной пастбы мелкого рогатого скота, для их защиты от холода и ветров, в ночное время помещали в специально приготовленные (без крыши) агылы⁸³. Они были широко распространены в

Восточной Армении. В. Бочкарев пишет, что «...у курдов баранта чаще всего содержатся в открытых помещениях—агыл»⁸⁴. О том же упоминается и у И. Андроникова⁸⁵.

В русской литературе агилы часто назывались овчарней. Агыл как овчарня мы встречаем у С. Егназарова, Ф. Маркова и др.⁸⁶ Под овчарней понимались также зимние пастбища⁸⁷. Зимние агилы, в основном, были построены из камня⁸⁸. Высота стен агылов достигала 1,5—2,2 м., а толщина превышала 40—50 см. Агилы были разных размеров, в самых больших помещалось более 500 овец.

В агыльный период необходимо было следить за состоянием скота. Опытные пастухи знали, что долгое содержание овец в агилах (в лежачем или стоячем положении) могло привести к простуде. По этой причине в ночное время овец несколько раз выводили из агылов, а потом снова загоняли туда.

В течение зимнего времени скотоводы кормили скот сеном. Обеспечение кормом мелкого рогатого скота в этот период было очень трудным. И по этой причине «курды кормят свое стадо только в суровые зимы, когда снег чрезвычайно глубок и стадо не может двигаться с места»⁸⁹. «...Только в снежные дни овцы получают сено в самом небольшом количестве»,—писал Х. Вермишев⁹⁰.

Недостаточный запас корма и большое поголовье мелкого рогатого скота не позволяли длительное время содержать в стойле, более того, скотоводы стремились пасти скот как можно больше. «Курды запирают скот на 3—6 недель,—пишет А. Калантар,—хотя холод и снег требуют стойлового содержания в течение 2,5—3 месяцев с подкормлением в течение 4—5 месяцев»⁹¹.

Трудности зимнего периода, особенно в суровые зимы, становятся очевидными тогда, когда наступали холода и необходимо было иметь в достаточном количестве запас корма, ибо его недостаток отрицательно влиял на личное хозяйство курдов. По этому поводу В. Бочкарев отмечает, что «их овцы часто гибнут и болеют не только от холода, но и без корма»⁹².

Как мы уже отметили, курдские скотоводы хотя и временно, но все-таки переводили скот на стойловое содержание. Однако возникает вопрос: а откуда корм для

кормления скота? Об этом имеются достоверные сведения, полученные от информаторов.

Во-первых, курды жившие в кишлаках и армянских селах и не имевшие посевных площадей и сенокосов, в стойловый период для кормления скота приобретали корм у оседлых жителей с помощью обмена продуктов животноводства.

По этому поводу И. Шопен пишет, что «...за корм для скота они расплачиваются сыром, маслом, шерстью, скотом и т. д.»⁹³. Сведения информаторов говорят о том, что курды, особенно живущие в армянских деревнях, заранее покупали сено и солому у знакомых армян и, в случае необходимости, (в суровую зиму) использовали их⁹⁴.

Что же касается курдов, живших в кишлаках, то они после возвращения с летовок уже занимались вопросом приобретения корма. Многие из них имели знакомых в армянских селах, у которых они накапливали рогатый скот, а для крупного рогатого скота корм доставлялся в кишлаки на волах⁹⁵.

Иногда оседлое население предоставляло курдам место жительства, хозяйственные строения, обеспечивало кормом без обмена продуктами животноводства. Они, по взаимному соглашению, взамен предоставленных услуг и помощи, в пастбищный период (весенне-летний и осенне-зимний) пасли скот армян⁹⁶.

Курды имели покосы, считавшиеся их собственностью, но, кроме того, государством предоставлялись дополнительные покосные участки, за которые курды платили определенную сумму. О наличии таких покосов интересные данные передает С. Егназаров: «Покосы распределяются следующим образом: или ежегодно по жребию делят их между собой и каждый, наняв косарей, косит свой участок, или же вся деревня делится на несколько групп и соответственно их числу все луга разделяются на участки; затем каждая группа на общем счету косит сено, каждый берет столько сена, сколько ему нужно на зиму, и пропорционально своей части вносит плату»⁹⁷.

Подобную мысль выражает И. Бахтадзе⁹⁸. С. Зелинский также отмечает, что курды Зангезурского уезда имели покосы⁹⁹.

В период накопления запаса корма отдельные чле-

ны семьи возвращались с летовок на места жительства с тем, чтобы косить покосы¹⁰⁰. Кроме сена, для зимнего содержания скота курдские скотоводы летом накапливали также солому, которую получали из остатков зерновых культур.

Необходимо отметить, что хотя отдельные группы населения совершали дальние сезонные переходы, однако имели посевные площади для возделывания зерновых культур.

Подводя итог характеристике особенностей годового скотоводческого цикла у тех групп курдского населения, которые практиковали полукочевую форму скотоводства, можно отметить, что данная форма функционировала в специфических условиях Восточной Армении в двух своих разновидностях, обусловленных как традициями, существовавшими в курдской этно-культурной среде,—причем в среде определенной, исторически сложившейся,—так и локальными условиями, наложившими свой отпечаток на характерные признаки.

При наличии некоторых общих черт в системе организации хозяйственной жизни все же выявляются и определенные различия, проявляющиеся в структуре всего уклада, способах и сроках организации выпаса скота, амплитуде перегона скота с одних сезонных пастбищ на другие, в степени оседлости части населения. На обе разновидности полукочевой формы скотоводства существенное влияние оказали: наличие постоянных зимовников; устойчивая традиция запасаения кормов; практика сенокосения; элементы, порой (при второй разновидности) значительные элементы стойлового содержания различных видов скота; ведение эпизодического или даже постоянно практикуемого, хотя и незначительного по масштабам, земледельческого хозяйства.

Весной перегоняли скот с зимних на ранневесенние пастбища (с начала марта до конца мая). В этот период проходили окот овец и на него приходились заботы о сохранении и выпасе молодняка; летний период (начало июня—конец августа) был характерен содержанием скота на высокогорных альпийских пастбищах с переменой мест стоянок по несколько раз, откормом скота на различных категориях пастбищных участков, накоплением продуктов скотоводства, в особенности, изготовлением молочных продуктов впрок, часть которых шла в обмен на продукты земледелия с населени-

ем с традиционно земледельческим укладом хозяйства; основу осеннего периода (с сентября до начала ноября—середины ноября) составляла организация случки мелкого рогатого скота и выпас животных на поздне-осенних пастбищах, удаленных от мест летнего выпаса; зимний период содержания скота (середина ноября—конец февраля)—период пастбищно-стойлового содержания скота в районе зимовников, ухода за стельными животными. Курдские пастухи, умело используя разнообразные возможности природно-климатических условий Восточной Армении, в течение всего хозяйственного года совершали сезонные переходы с равнинных лугов на предгорные, а оттуда—на альпийские, т. е. применяли систему вертикально-зонального выпаса скота.

Пространственное распространение указанных двух разновидностей полукочевой формы скотоводства у курдов Восточной Армении выявляет преобладание второй, при которой выше уровень оседлости, меньше амплитуда кочевания, систематическое ведение, хотя бы незначительного по масштабам, земледельческого хозяйства. Данное явление (преобладание второй разновидности), на наш взгляд, объясняется целым рядом факторов: старинными земледельческими традициями у курдов, в особенности у езидов, составлявших преобладающую часть курдского населения исследуемого региона; определенным влиянием окружающего местного армянского населения с глубокими традициями земледельческой культуры; дальнейшим усилением процесса расслоения в курдском обществе, приведшим ко все большему обращению к земледелию, к фактическому повышению уровня оседлости; определенным влиянием местных природно-экологических условий Восточной Армении, исключавшим бесстойловое содержание скота, прежде всего крупного рогатого. Все эти факторы в совокупности обусловили фактическое отсутствие кочевой формы скотоводства у этой части курдского населения.

Сложение и функционирование полукочевой формы скотоводства в двух ее разновидностях дает основание считать, что ее следует рассматривать как вполне самостоятельную, существовавшую наряду с другими формами. Хотя, конечно, вследствие последующего прогресса, она должна была преобразоваться в более интенсивную форму.

ГЛАВА IV.

ОТГОННАЯ ФОРМА СКОТОВОДСТВА

Литературные данные, а также полевые этнографические материалы дают основание выделить, наряду с полукочевой формой, и отгонную форму скотоводства, которая во второй половине XIX- начале XX в. получила сравнительно значительное распространение среди курдов Восточной Армении.

Комплекс изученных материалов выявляет определенные различия в практиковании данной формы скотоводства в различных местах. Как и в предыдущем случае, представляется возможным выделение двух разновидностей, разнящихся в системе организации содержания скота, в соотношении поголовья различных его видов, масштабах ведения земледельческого хозяйства

Для первой разновидности отгонной формы скотоводства были характерны: сочетание пастбищного и стойлового содержания домашних животных, существенное сокращение сезонных переходов, запасание значительного количества сена на зимний период, широкое использование солончаковых и каменистых участков в ранневесенний и позднеосенний периоды, существенное увеличение поголовья крупного рогатого скота, ведение масштабного земледельческого хозяйства, оседлость значительной части населения.

Для второй разновидности отгонной формы скотоводства были характерны: двухсезонное использование пастбищных участков, сравнительное сокращение удельного веса всего скотоводческого хозяйства во всем укладе жизни, наличие многоотраслевого хозяйства, значительное превалирование рабочего скота в общем поголовье крупного рогатого скота, прочная оседлость основной части населения. Данная разновидность от-

гонной формы скотоводства сложилась и функционировала в рамках ведения симбиозного скотоводческо-земледельческого хозяйства.

В историко-этнографической литературе по курдам на эту форму скотоводства, тем более на ее две разновидности, было обращено весьма мало внимания. Разумеется, это прежде всего результат того, что скотоводческое хозяйство курдов Восточной Армении во второй половине XIX- начале XX века еще не было предметом специального монографического этнографического изучения. Только таким путем можно выявить конкретные способы организации выпаса скота, конкретные варианты практиковавшихся форм скотоводства.

Сложение различных разновидностей отгонной формы скотоводства у курдов Восточной Армении следует объяснить целым рядом факторов, воздействие которых можно выявить при анализе имеющихся материалов.

Прежде всего, хотелось бы коснуться вопроса о том, что ведение широкомасштабного земледельческого хозяйства не только создавало реальные предпосылки для утверждения оседлости, но и связывало определенную часть населения только с земледелием; другая часть могла вести комплексное земледельческо-скотоводческое и скотоводческо-земледельческое хозяйство (в зависимости от того, какая отрасль хозяйства преобладала), а третья, — как правило, численно весьма немногочисленная, — даже могла заниматься исключительно или почти исключительно скотоводством. Это обстоятельство варьировало формы содержания скота в различных хозяйствах одного и того же селения. И эту особенность следует иметь в виду при анализе материалов по годовому скотоводческому циклу.

Полевые этнографические материалы показывают, что в одних, типично скотоводческо-земледельческих, селениях могли проживать несколько скотоводов, которые с ранней весны перегоняли скот на весенние пастбища, летом — на альпийские луга, а осенью и зимой держали скот на позднесенних и зимних пастбищах, нередко удаленных от основного поселения на многие десятки километров; в других же, с преимущественно скотоводческим укладом, население которых проживало зимой в зимовниках, а с весны преобладающая часть переселялась на сезонные пастбища, определенное число семей продолжало проживать в районе зи-

мовников и занималось земледелием или домашними промыслами¹. Такие данные определенным образом дают возможность выявить все конкретное многообразие вариаций хозяйственных комплексов не только между отдельными курдскими обществами, но и между отдельными курдскими семьями внутри одного и того же общества. Поэтому становится ясным, что никакая типологическая классификационная схема не может отразить все разнообразие практиковавшихся способов содержания скота. Однако для целей настоящей работы уже выделенные аспекты и принципы отбора материалов достаточны, чтобы отобразить наиболее существенные стороны практикуемых форм скотоводства.

Во введении и первой главе мы отмечали, что нужно различать форму скотоводства и быт населения. Так вот, если подходить с этой точки зрения, то весь комплекс быта курдов нельзя сводить лишь к формам скотоводства. На эти аспекты мы обращаем внимание по той причине, что нередко можно встретить определения, что курды практиковали «оседлое» скотоводство. Это несколько неправомерно: оседлое курдское население фактически практиковало отгонную форму скотоводства, поскольку в летние месяцы, как правило, перегоняли скот на сравнительно неотдаленные пастбища — альпийские луга. Оседлое население может практиковать оседлое скотоводство при условии, что скот круглый год содержат либо в селениях, либо на ближайших присельских пастбищах и выгонах, без отгона на отдаленные пастбища, вызывающего необходимость переселения части населения на несколько месяцев.

Сложение и функционирование скотоводческо-земледельческого уклада было характерно для некоторых групп курдов, переселившихся и обосновавшихся в Восточной Армении в течение XIX в., еще задолго до их переселения (речь здесь идет о тех группах, которые в местах прежнего обитания в Турецком Курдистане, или Иранском Курдистане практиковали комплексное скотоводческо-земледельческое или земледельческо-скотоводческое хозяйство)². Говоря о них уже как о жителях Восточной Армении, находившихся в процессе адаптации к местным природно-экологическим и социокультурным условиям, следует подчеркнуть дальнейшее расширение земледельческого хозяйства во всем комплексе хозяйства, обогащение ассортимента земледель-

ческих культур, применение новых земледельческих орудий, заимствованных преимущественно у армян, обогащение традиций народной агротехники и др. Для определенных групп курдов Восточной Армении именно в таком аспекте следует рассматривать и квалифицировать тенденции хозяйственно-культурного развития.

Говоря о соотношении земледелия и скотоводства в хозяйственном комплексе курдов Восточной Армении во второй половине XIX- начале XX века, следует подчеркнуть повсеместное доминирование скотоводческой отрасли, являвшейся наиболее доходной³.

В связи с рассмотрением вопросов, связанных с отгонной формой скотоводства, представляется целесообразным коснуться и определения «полуоседлое» население, «полуоседлое» скотоводство⁴, встречающееся в литературе. На наш взгляд, этот термин несколько расплывчат и не дает четких критериев для разграничения. С. И. Вайнштейн в своей работе, посвященной формам и характеру скотоводческого хозяйства у тувинов, предложил разграничивать понятия «полукошачье» и «полуоседлое» скотоводство. Он, в частности, пишет: «...к полуоседлым целесообразно отнести те хозяйства скотоводов, которые совершают сезонные переселения (обычно только два—с зимы на лето и обратно), имея на каждом месте, где они живут, постоянные жилища»⁵. Если принять определение С. И. Вайнштейна, что только при наличии двух поселений (летних и зимних) с постоянными постройками можно говорить о «полуоседлом» скотоводстве, то это не применимо к курдскому населению Восточной Армении. У них существовали основные поселения—зимовники, или же просто настоящие селения с постоянными постройками только в одном месте; на сезонных же пастбищах они, как правило, не имели постоянных построек⁶. Употребление же в ином смысле определения «полуоседлое» вряд ли целесообразно, поэтому мы не употребляем данного определения в качестве дефиниции для характеристики форм ведения скотоводства или быта курдов Восточной Армении.

В литературе есть многочисленные упоминания о том, что те или иные группы курдов в различных частях Восточной Армении и Закавказья, в целом, вели оседлую жизнь. Об этом есть сведения в работах Л. П. Загурского, П. И. Аверьянова, С. А. Егiazарова и др.⁷

Важную группу источников составляют материалы, опубликованные в армянской периодической печати, которые характеризуют наличие земледельческого хозяйства у курдов Восточной Армении, часть которых предстает как оседлое население⁸. Сравнительный анализ других материалов дает возможность для сопоставительного анализа. А. А. Калантар писал в 80-ых годах прошлого столетия, что «...из общего числа курдов следует выделить оседлых курдов-езидов селений Кондагсаз и Сичанлу...»⁹.

М. А. Скибницкий и А. Алекперов, характеризуя курдов, проживавших в ряде районов Азербайджана, а также пользовавшихся Карабахскими летними пастбищами, выделяют ту часть курдов, которая была оседлой и занималась комплексным земледельческо-скотоводческим хозяйством. Более того, по данным А. Алекперова все курдское население, жившее на территории нынешних Лачинского и Кяльбаджарского районов, было оседлым, практиковавшим довольно масштабное земледельческое хозяйство¹⁰. Примечательны слова А. Букшпана, полемизировавшего с В. Гурко-Кряжиным: «...и в Кяльбаджарском районе животноводство связано с земледелием, и там, где представляется к тому хоть небольшая возможность, последнее имеет известное значение в жизни населения. Понятно, что при этих условиях средняя площадь пашни, падающая на дом, значительно меньше, чем в Лачинском районе, и доходит в некоторых селах до 1/2 гектара. И все же курды Кяльбаджара, не говоря уже о лачинских курдах, не кочевники, не афганские номады, какими пытался их изобразить В. Гурко-Кряжин»¹¹.

Таким образом, выясняется, что для курдского населения, проживавшего как на территории Восточной Армении, так и соседних с нею территориях Азербайджана и Грузии, были характерны разные хозяйственные уклады в зависимости от характера занятия земледелием. И наличие земледелия не только видоизменяло образ жизни, но и оказывало влияние на способы организации содержания различных видов домашних животных.

Исследуя формы скотоводства у армян Восточной Армении в интересующих нас хронологических рамках и выделяя отгонную форму скотоводства как доминирующую форму, Ю. И. Мкртумян отмечал, что на сло-

жение отгонной формы скотоводства у армян два основных фактора сыграли формообразующую роль: преобладание земледельческого уклада в хозяйственном комплексе, включение основной части близлежащих к селу участков в категорию пахотных земель и наличие высокогорных альпийских лугов, благоприятствовавших использованию в летние месяцы¹².

На основе учета конкретных данных Ю. И. Мкртумян в различных историко-культурных районах Восточной Армении у армян выделил три разновидности: в одних, преимущественно безлесных, нагорных местах (большая часть Ширака, Гехаркуника, Джавахка и др.) сложилось отгонное скотоводство альпийского подтипа, характерной чертой которого было содержание всех видов скота в селении или поблизости от него в осенне-весенне-зимний периоды и отгон его на удаленные от села горные пастбища летом, с переселением некоторой части населения (преимущественно пастухов, женщин и детей) для содержания скота и ведения молочного хозяйства на летовке.

В других местах (Арагацоти, часть Ширака и др.) данная форма представлена несколько иной разновидностью, характерными чертами которой были: содержание скота в селении зимой, отгон мелкого рогатого скота на ранневесенние и поздние осенние пастбища (агутнер Араратской долины) и летнее содержание скота либо на присельских пастбищах, либо на горных пастбищах, отдаленных от селений.

В Тавуше, Лори, Арцахе, Сюнике, частях Вайоцдзора и Джавахка сложилась своеобразная разновидность отгонной формы скотоводства, находящая объяснение в местных природно-хозяйственных условиях: содержание основной части скота в зимовниках, устроенных на лесных полянах или южных склонах гор, удаление (2—8 км), где были возведены целые комплексы жилых и хозяйственных построек; на ближайших пастбищах в районе зимовников и селений в весенне-осенний периоды и на горных пастбищах летом. Содержание скота в зимовниках и летовках требовало также переселения части населения, что, естественно, оказывало заметное влияние на весь быт населения¹³. Автор рассматривает соотношение между этими основными

разновидностями отгонной формы скотоводства, выявляет местные факторы, вызвавшие их к жизни, определяет особенности пространственного их распространения¹⁴.

На эти разновидности стгонной формы скотоводства у армян Восточной Армении мы остановились несколько подробнее с той целью, чтобы, во-первых, рассмотреть принципы детализированного подхода к характеристике отгонной формы скотоводства; во-вторых, при анализе отгонной формы скотоводства у курдов Восточной Армении попытаться провести параллели и определить роль природно-экологических факторов в сложении тех или иных разновидностей и место этнокультурных традиций в этом процессе.

Сравнительное рассмотрение материалов может послужить основой для выявления механизмов формирования, функционирования и развития форм скотоводства и их основных разновидностей.

В современной кавказоведческой литературе наряду с дефиницией «отгонная форма скотоводства» употребляются и многие другие, часто синонимичные с ней—«яйлажная», «альпийская», «горная» и др.¹⁵ Нам представляется более правильным применение определения «отгонная форма скотоводства», поскольку оно предполагает наличие постоянного основного поселения, откуда «отгоняется» скот на сравнительно непродолжительное время и вновь пригоняется. Термины «альпийский» и «яйлажный» предполагают лишь использование альпийских лугов или наличие летних стоянок, но о характере формы скотоводства мы не получаем четкого представления.

В этом смысле показательно, что в ряде мест Восточной Армении, в наиболее высокогорных селах практиковалась оседлая форма скотоводства, при которой поселения располагались в смежности с альпийскими лугами и население в течение значительного времени выпасало свой скот на присельских альпийских пастбищах, в зоне высокогорья. В известной мере и здесь альпийская форма скотоводства, если понимать под этим использование альпийских лугов. И другие термины не столь четки для дифференциации одних форм от других

Годовой скотоводческий цикл

— *Весенний уход за скотом.* У курдов, практиковавших отгонную форму скотоводства, также наблюдалась необходимость перегона мелкого рогатого скота на весенние пастбища.

Мелкий рогатый скот сел Байсз и Сичанлу Талинского района в течение весны пасся на Каракертских, Талинских и частично примыкающих к ним пастбищах, расположенных на территории нынешнего Октемберянского района¹⁶.

Мелкий рогатый скот почти всех курдских сел современного Арагацского района гнали на пастбища Аштаракского района¹⁷.

Имеются упоминания об использовании этих пастбищ и принятии окота мелкого рогатого скота в марте-апреле месяце¹⁸.

Весенними пастбищами пользовались также некоторые курдские села Западной Армении, практиковавшие отгонную форму скотоводства—Гозлша, Зор и др.¹⁹

Богатые скотоводы Лачинского, Кялбаджарского, Кубатлынского и Зангеланского районов (Азербайджанская ССР) с марта месяца гнали мелкий рогатый скот на Муганские и Мильские равнины. После принятия окота передвигались на летовки²⁰. Часть населения принимала окот в «бинэ», как отмечает А. Алекперов²¹.

Бедняцкое население упомянутых районов весной не перегоняло скот²², принимало окот на месте. Информаторы пожилого возраста утверждают, что не все курдские села, практиковавшие отгонную форму скотоводства, перегоняли овец на весенние пастбища. К их числу можно отнести Аманчаир, Ширкой, Айла-Мнджо, Тркашен, Морхли и другие села Карсской области²³.

Считаем необходимым отметить, что если курдское население, практиковавшее полукочевую форму ведения скотоводства, совершало кочевье на весенние пастбища всей семьей, то у курдов, практиковавших отгонную форму, мелкий рогатый скот перегонялся в начале весны на весенние пастбища в сопровождении чабанов, а во время окота к ним на помощь приходили женщины и дети для принятия окота и организации доения.

Маршруты на ранневесенние пастбища в основном проходили через села²⁴. Так, курды Арагацского района

свой мелкий рогатый скот перегоняли по маршруту Апаран—Кучак—Аштарак.

Скот сел Байсз и Сичанлу Талинского района перегонялся по маршруту Байсз—Какавадзор—Талиш—Сичанлу—Какавадзор—Талиш.

Курдское население, практиковавшее отгонную форму скотоводства, не посылало крупный рогатый скот на ранневесенние пастбища. Весенний выпас крупного рогатого скота начинался в конце апреля²⁵.

Большая часть скотоводов в начале мая возвращалась с весенних пастбищ и затем только перекочевывала на летовки.

Летний уход за скотом. Курды, практиковавшие отгонную форму скотоводства, с целью предохранения скота от болезней и получения большего количества продуктов, в летнюю жару перекочевывали на прохладные и одновременно богатые растительностью горные пастбища.

Переход на летние пастбища у курдов, практиковавших отгонную форму скотоводства, начинался позднее, нежели у групп населения, рассмотренных в третьей главе²⁶. По словам Ю. Гагеймстера, некоторые курдские семьи после окончания определенных земледельческих работ только в июле поднимались на летовки²⁷.

Курды, обосновавшиеся на прибрежных районах Арпачая, Аракса и Куры поднимались на горы во второй половине июня²⁸. Практиковавшие земледелие курды-исмаиллы также в июне поднимались на Инджа-суйские горы²⁹. Как показывают и полевые этнографические материалы, почти все курды, ведущие отгонную форму скотоводства, также поздно поднимались на летовки³⁰.

Сравнительно поздняя перекочевка курдов на летовку объясняется нахождением на весенних пастбищах, где скот пасся в течение всей весны, примыканием к летним пастбищам и наличием земледельческого занятия в их хозяйствах³¹.

Курды, практиковавшие отгонную форму ведения скотоводства, посылали на летовки только отдельных членов семей, занятых скотоводством³², пожилых людей, юношей и девушек. Последние помогали пасти ягнят и телят и выполнять определенную домашнюю работу. Остальные члены семьи оставались в селениях и выполняли земледельческие и другие хозяйственные работы.

К. Хачатуров отмечает, что курды Кагизмана управляли на летовки женщины, пожилых мужчин и детей, а в селениях оставались молодые мужчины, следующие за садами³³.

Езиды, живущие в селе Зор,—пишет В. Девичкий,—летом поднимались в горы, за исключением нескольких мужчин, которые оставались для покоса³⁴.

Интересна также мысль А. Калантара, где сказано, что из курдского населения в горы шли чабаны и еще другие люди, несколько членов семей в районе основного поселения вели земледельческие работы, заготовку зерна и другие работы³⁵. Аналогичные материалы засвидетельствованы и среди части курдского населения Азербайджана для рассматриваемого времени:

«Здесь после весенней вспашки и других земледельческих работ этого времени года, часть мужчин с семьями и скотом уходит на летние пастбища, часть же остается для летних земледельческих работ на полях своего селения»³⁶,—пишет Е. Пчелина.

Отдельные курдские села имели специальные летовки, находящиеся на расстоянии 10—50 км. Так, например, курдские летовки Сурмалинского уезда находились в горах Чингил, Зор, Асланлу, Агадава и др.³⁷

Летовки курдов Карсская область находились на горных склонах Гулейран, Думальян, Агбаба-Даг и др.³⁸ Часть езидского населения сел Кондагсаз и Мирак Арагацского района, как упоминается в первоисточниках, летом вместе со скотом перекочевывала на северо-восточные склоны горы Арагац³⁹. Село Малые Джарри-Булаг, расположенной на северном склоне горной системы Арагац⁴⁰.

Курды Зангезурского, Джебраильского и Арешского уездов, численностью 3510 семей, которые жили в 69 селах, летом пользовались Карабахскими пастбищами⁴¹. По сообщениям А. Букушпана и А. Алекперова горы Люлп, Исти-су и другие Лачинского и Кялбаджарского районов считались летними пастбищами вышеуказанных районов⁴².

Часть курдских сел, находившихся непосредственно в зоне горных альпийских пастбищ, перекочевывала летом на верхние окраины села, т. е. не имела специальных летовок. К числу этих сел относятся Алагяз, Корбулаг, Карвансара и многие другие⁴³.

В этом отношении интересны и данные, приводимые в вышеназванной работе В. П. Никитина. Он отмечал, что среди курдов, обосновавшихся на Армянском нагорье, есть группы, которые «...засевают поля, а затем, оставив часть людей ухаживать за ними, поднимаются вместе со стадами в горы на летние пастбища. Иногда эти пастбища находились *неподалеку от зимнего жилья...*» (разрядка наша—М. Д.)⁴⁴.

Курды, проживавшие на территории Азербайджана, также летом перекочевывали на пастбища, являвшихся продолжением их лугов, «на самом же деле часть обследованных нами курдских сел не имеет эйлага, причем, как нам удалось выяснить, их не было и в прошлом»⁴⁵. «Это, по-видимому, объясняется, во-первых, незначительной удаленностью пастбищ от селений и, во-вторых, большим удельным весом земледелия в жизни курдов Азербайджана»⁴⁶.

Особый интерес представляет изучение маршрутов перегона скота на летовки⁴⁷. «Передвижение скота с зимних пастбищ на летние и обратно происходило по определенному маршруту»⁴⁸.

Маршруты, в основном, проходили через села⁴⁹. Благодаря систематическому использованию одних и тех же путей маршруты становились традиционными⁵⁰.

В. Каменский пишет, что «курды, поднимающиеся на пастбища Кейт-Яных кочевали по маршруту Сардарак—Эйшен—Топдаг, далее через долину Большой Ариндж и село Яных-Карвансара доходили до Кейт-Яных»⁵¹. Часть курдов доходила до Айриджских пастбищ: Сардарак—Кярка—Биралу. О маршрутах перекочевков упоминается также и у А. Калантара. Миланлийцы поднимались на Арагац двумя маршрутами: Аднан—Мастара—Крмзлу—Талин. Джамадинны и курды Безикана тем же маршрутом. А Длхеранцы, как тем же маршрутом, так и через села Ешил (ныне Какавадзор)⁵² и Агджагалу (ныне Базмаберд Талинского района).

Жители зимовника Тлык проходили по маршруту Акко—Гялто—Сорик—Сабунчи—Верхн. Талин—Акунк—Агагчи—гора Арагац; зимовника Акко—по маршруту Гялто—Сорик—Сабунчи—Верхн. Талин—Акунк—Агагчи—гора Арагац; зимовника Гялто по маршруту Сорик—Сабунчи—Верхн. Талин—Акунк—Агагчи—гора Арагац; зимовника Сорик по маршруту Сабунчи—Верхн. Талин—Акунк—Агагчи—гора Арагац; зимовни-

ка Сабунчи по маршруту Верхн. Талин—Агагчи—гора Арагац.

Курдские села Арагацкого района проходили по маршруту следующих армянских сел: жители села Малый Джамушван—Алагяз—Кондагсаз—Мирак—Апаран—Сари-Булаг (на гору Тегенис Разданского района), жители села Кондагсаз—Корбулаг—гора Арагац.

Курды-мусульмане Шамирама (на территории нынешнего Аштаракского района) проходили через земли с. Ошакан на летовку в район Арагаца⁵³.

Осенний уход за скотом. Осенью курды вообще не отгоняли крупный рогатый скот на зимние пастбища, их пасли на окрестных пастбищах селений⁵⁴. На этих пастбищах, при наличии достаточного корма, крупный рогатый скот паса до выпадения снега.

Курдские села, примыкающие к естественным лесам, также никуда не отгоняли крупный рогатый скот, их пасли там не только осенью, но и весной. В этом аспекте интересно сообщение М. Скибницкого, что «прилегающие к присельским землям леса дают возможность осенью и весной держать скотину на хорошем подножном корме»⁵⁵. Это объясняется тем, что скоточением бедняцкого населения), всю зиму кормили этим скотом. Кроме того, на зимних пастбищах не было достаточного покрова для кормления скота, а мелкий рогатый скот мог пастись даже при недостаточном покрове. Ко всему этому добавим также зимние холода, во время которого мелкий рогатый скот мог пастись, в отличие от крупного, не переносящего холода.

Что касается мелкого рогатого скота, то жители некоторых курдских сел, в том числе Джарджариса, Гурубоза, Корбулага (Арагацкий район), осенью свой мелкий рогатый скот никуда не посылали. Их пасли на пастбищах, расположенных на окрестных территориях.

Оставление мелкого рогатого скота в селах было обусловлено, во-первых, тем, что упомянутые села находились в предгорных районах, примыкавших к пастбищам долинных районов; во-вторых, не имели большого поголовья мелкого рогатого скота и, в-третьих, имели огромных пастбищ и посевных площадей, где собирали значительный запас корма.

Курдские села: Байсз, Автона (Талинский район),

Алагяз, Кондагсаз, Сангяр (Арагацский район)⁵⁶, не имевшие в районах селений зимних пастбищ и достаточного запаса корма, для их экономного использования глубокой осенью посылали мелкий рогатый скот на осенне-зимние пастбища долинных районов; их возвращали обратно только после выпадения снега.

Необходимо отметить, что мелкий рогатый скот посылали на «зимнее пастбище с пастухами»⁵⁷. Этот осенне-зимний уход поручался наемным людям или отдельным членам богатых скотоводов. В течение этого времени население постоянно поддерживало связь с пастухами.

Зимний уход за скотом. Зимний уход за скотом, как удостоверяют первоисточники и полевые этнографические материалы, организовывался двумя основными способами: пастбищным и стойловым содержанием.

Зимняя пастьба мелкого и крупного рогатого скота у курдов, практиковавших отгонную форму скотоводства, не имела определенного периода окончания, она была обусловлена природно-климатическими условиями местности и наличием травяного покрова.

В приморских районах (Аджарская АССР) мелкий и крупный рогатый скот курдов пасся всю зиму и никогда не переходил на стойловое содержание⁵⁸.

Курды, живущие в долинных районах (в армянских селах Араратской долины), а также в прибрежных районах Арпачая и Аракса свой крупный рогатый скот на пастбищном корму держали до конца сезона выпаса⁵⁹.

Если пастьбе крупного рогатого скота в указанных районах способствовали местные климатические условия, то пастьба крупного рогатого скота в горных и предгорных районах по климатическим условиям была почти невозможна, что и обусловило специфику его содержания⁶⁰.

Курдское население горных и предгорных районов (села Корбулаг, Карвансара, Гурубогаз Арагацкого района) пасло крупный рогатый скот до выпадения снега, после чего переводили на стойловое содержание⁶¹.

Курдские скотовладельцы, не имеющие специальных зимних пастбищ, пасли мелкий рогатый скот в районе селений, и при недостатке покрова давали дополнительный сухой корм утром до выпаса, или же вечером после возвращения.

Курды Эриванского уезда, по сообщению С. Еги-

зарова, ягнят и козлят «в первую зиму оставляют в зимовниках и кормят дома»⁶². Информаторы также удостоверяют, что вообще курдское население, практиковавшее отгонную форму скотоводства, ягнят и козлят на зимние пастбища не выводит.

При благоприятной зиме мелкий рогатый скот мог пастись на зимних пастбищах (в долинных районах) при наличии достаточного травяного покрова. Однако при обильном снегопаде их возвращали в села на стойловое содержание.

Корм у курдов, практиковавших отгонную форму скотоводства, был в значительном количестве. В качестве корма использовалась в основном солома. Несомненно, большому запасу корма способствовало примыкание ряда сел предгорных районов к территориям, богатых растительностью. Это были села Чобанмаз, Джарджарис, Корбулаг, Гурубогаз, Карвансара, Мирак (Арагацский район), Байсз, Сичанлу (Талинский район) и др.⁶³

Курдские села Лачинского, Кялбаджарского и Зангеланского районов (Азербайджанская ССР), находившиеся в подобных условиях, также накапливали достаточный запас корма из покосов и зерновых культур⁶⁴.

В этом смысле представляет интерес сообщение М. Скибницкого, что «обширные горные сенокосы вполне обеспечивают скотоводов сухим кормом на зиму»⁶⁵. О факте накопления запасов корма упоминает и С. Егнazarов, «...в зимовниках разбросаны в большом количестве скирды сена»⁶⁶. Из покосов «некоторые курды накашивают на дом 40—60 возов сена и больше»⁶⁷ — писал в 80-ых гг. XIX в. А. А. Калантар.

Несмотря на все это, необходимо отметить, что не все скотоводы могли обеспечить кормом свой скот. Так, например, накопленный запас корма у курдов Карсской области «...далеко не достаточен для прокормления рогатого скота и баранов»⁶⁸.

Стойловое содержание скота велось в селах. Поэтому ясно, что в селах должны были быть места для содержания скота, т. е. строения с крышей, где бы скот защищался от холодов и, что самое главное, чтобы скот, особенно крупный рогатый, кормился внутри строения.

Анализ материалов приводит к выводу, что хозяйственные строения курдов Восточной Армении находились

под одной общей крышей с жильем или же рядом с ним. Более того, наши наблюдения и сообщения информаторов подтверждаются дореволюционными источниками, что в конце XIX- начале XX века хозяйственные строения курдов Восточной Армении были в основном однотипными⁶⁹.

Интересно следующее сообщение Е. Пчелиной, согласно которому домашние животные помещались «за перегородкой в наглухо закрытых помещениях. Скот, выходя и входя, должен переходить через помещение людей»⁷⁰.

Сравнительные данные показывают, что и в других регионах часть курдов, в особенности малосостоятельные, также «со скотом жили в общих помещениях, разделенных лишь стенами»⁷¹.

Жилые и хозяйственные помещения условно можно разделить на 5 типов.

1. Жилой дом находился в левой или правой части общего коридора, на другой стороне коридора был маран, а в конце—стойло. Двери всех отделений открывались в общий коридор, кроме марака, имеющего отдельную дверь и строящегося рядом с жилым строением.

2. Этот тип также имел общий коридор, на одной стороне которого находился маран, а на другой—жилое помещение, в конце его было стойло. Марак также находился рядом с жилым строением, как и в первом случае. Как видим, в обоих случаях для мелкого и крупного рогатого скота не было отдельного строения, их содержали в одном общем стойле.

3. Жилое помещение, маран, стойло, марак были идентичны первому, однако здесь имелось также особое строение для мелкого рогатого скота—хлев, который строился рядом с жилым строением с отдельным входом, у богатых скотоводов.

4. Данный тип имел то же, что и третий, с той лишь разницей, что здесь марак находился на расстоянии 50—60 метров от хозяйственных строений и далее, если в предыдущих типах отсутствовала гостиная, то в четвертом типе она была и называлась «ода». Т. Ф. Ариштова пишет, что «ода» обязательно примыкала к конышине и имела с ней смежную стену»⁷².

Оду имели только богатые скотоводы Восточной Армении. В домашнем комплексе курдов Азербайджана и Туркмении она отсутствовала⁷³.

Хозяйственные комплексы, их количество и размеры были, несомненно, обусловлены социальной дифференциацией. Эти особенности исходили из материальных возможностей скотоводов⁷⁴.

5. Этот тип был присущ бедняцкому населению, которое оставалось вместе со скотом в одном общем доме⁷⁵ (без хозяйственных строений).

Курды Туркмении, в отличие от курдов Восточной Армении, хозяйственные строения строили на одном ряду с отдельной кровлей⁷⁶. По всей видимости, эта характерная особенность объясняется тем, что курды Туркмении переселились из Ирана, где климатические условия были благоприятны и не было нужды строить хозяйственные строения под одной кровлей, как это делалось в Восточной Армении. Хозяйственные строения в Закавказье, особенно хлев, стойло, строились под общей кровлей для сохранения тепла и пресечения воровства скота⁷⁷.

Стойловое содержание крупного рогатого скота начиналось раньше, чем мелкого рогатого скота. Крупный рогатый скот курдов живших в зимовниках на территории современных Арагацского, Талинского и других районов переводился на стойловое содержание в начале или в конце декабря. Стойловое содержание крупного рогатого скота у них длилось около 5—6 месяцев.

В стойловый период крупный рогатый скот кормили два раза в день: утром и вечером. Крупный рогатый скот кормился внутри строения. По утрам очень рано: в 4—5 часов. Кормили в основном соломой. Вечером корм давали в 6—7 часов. Коровам давали солому до начала отела, после чего давали только сено, что, несомненно, повышало удойность скота. Быкам давали сено в конце февраля, а до этого давали солому.

Курды по отношению к лошадям в стойловый период вели особый уход. Кормили лошадей сеном, ячменем, соломой и овсом.

М. Баязиди отмечает, что «курды верховых коней всегда кормят овсом, за ними хорошо ухаживают, держат их в конюшне»⁷⁸. Перед вскармливанием скота всегда чистят полы стойла. Скотоводы постоянно заботились о чистоте скота.

В зимний период скотине давали воду два раза в день после кормления. При отсутствии воды скотине да-

вали снеговую воду. Собранной снеговой водой делали также стирку и использовали для других нужд⁷⁹.

После обильного снега каждый скотовод отделял свой мелкий рогатый скот из общего стада и кормил сеном⁸⁰.

Мелкий рогатый скот кормили два раза в день: утром (в 9 часов) и вечером (в 6 часов) содержали в хлеву или стойле.

Кормили мелкий рогатый скот обычно вне помещения, на снегу. Кормили соломой с небольшим добавлением ячменя⁸¹. Ячмень, как добавочный корм, давали стельным овцам (кормление прекращалось за 10—15 дней до окота). Зимой крупному и мелкому рогатому скоту соль давали один раз в 15 дней.

В зимний период скотоводы обращали особое внимание стельному рогатому скоту. Было очень важным своевременное кормление и обеспечение надлежащего ухода в целях предупреждения выкидыша.

«За месяц до ягнения перестают давать соль беременным самкам, так как будет выкидыш»⁸².

Для скотоводов было большим событием отмечать праздник стодневного оплодотворения (саде пез). М. Баязиди пишет, что «спустя сто дней после праздника баранов снова готовят гату и различные кушанья и снова веселятся, радуясь благополучию своих овец»⁸³. Во время этих обрядов курдские скотоводы задабривали духов, делали дары в их честь.

Для обеспечения роста поголовья скота и получения большего количества молочных продуктов большое значение имели профилактика и лечение болезней. Для мелкого рогатого скота была очень опасна оспа, которой скот заболел особенно в зимние периоды в результате холода и плохого ухода. Опытные пастухи определяли болезнь по внешним приметам, изолировали больную скотину и вели за ней особый уход. Особый интерес представляет собой упоминание о лечении оспы в газете «Карс»: «Единственное средство, к которому овцеводы прибегают, особенно в случае эпидемии—это известковый камень, называемый «бунджух»: опустив его в воду, овцеводы поливают им больной скот и потом привязывают на шею одного из больных баранов»⁸⁴.

Информаторы утверждают, что эта болезнь «лечилась также с помощью волшебной чаши и бус», имевшихся преимущественно у богатых⁸⁵. Бусы обычно

укрепляли над дверью, через которую проходили овцы, или же вешали на шею одной из них, чтобы исключить всякую болезнь. Аналогичные обряды и обычаи были характерны и для многих других народов Кавказа и Передней Азии⁸⁶. Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняется двумя основными факторами. Во-первых, ведение одной и той же отрасли хозяйства, разведение одних и тех же видов скота, сходство основных условий их содержания и др. обусловили общность целого ряда культурных явлений⁸⁷. Во-вторых, сходные явления сложились здесь также благодаря тесным хозяйственно-культурным связям, существовавшим между различными этническими общностями.

Использование одних и тех же или же смежных пастбищ, торгово-обменные сношения, наем пастухов иноэтнической принадлежности (так, известно, что армяне широко прибегали к найму пастухов из числа курд-ов и азербайджанцев, проживавших во второй половине XIX- начале XX века на территории Восточной Армении) и др. приводило к широким сношениям, расширению спектра контактов, в результате чего формировался и принимал устойчивые формы комплекс общих черт в культурном облике.

Анализ этнографических материалов, связанных с годовым скотоводческим циклом при ведении отгонной формы скотоводства, показывает, что сложились значительные вариации, которые в целом могут быть сгруппированы в две разновидности.

В одних местах содержание всех видов скота в зимний период осуществлялось в районе основных поселений и в самих поселениях, весной лишь мелкий рогатый скот перегоняли на пастбища, где и получали молодняк, а все остальные виды скота держали вблизи от поселений, на выгонах. Летом весь скот, за исключением рабочего, перегоняли на высокогорные пастбища, где содержали до конца лета. По сравнению с разновидностями полукочевой формы скотоводства, здесь наблюдается сокращение пастбищного сезона. Кроме того, на летовки поднимались лишь те члены семьи, которые вели уход за скотом и обрабатывали молоко, изготавливали молочные продукты впрок и для сравнительно непродолжительного хранения; основная же часть населения оставалась в селении для ведения дру-

гих отраслей хозяйства, прежде всего земледельческих работ.

В других местах отгон на весенние пастбища, как правило, не осуществлялся. Большинство населения использовало лишь летние пастбища. Но зато частью населения практиковался отгон скота на отдаленные зимние пастбища, причем отгон преимущественно мелкого рогатого скота. Примечательно, что это практиковали лишь наиболее состоятельные хозяйства, имевших сотни и более голов овец, которых, однако в этих группах курдов было сравнительно мало.

Указанные данные позволяют сделать вывод: характер имущественного расслоения в курдском обществе во второй половине XIX- начале XX века вызвал и определенное разнообразие в практике содержания различных видов скота и сказывался на уровне оседлости отдельных семей или групп семей.

Так, в преимущественно оседлых группах курдов были семьи или группы семей, которые держали значительное поголовье скота и широко использовали различные категории пастбищ,—как зимних, так и летних, ранневесенних и позднеосенних. Отсюда становится понятным, что одна часть населения вела одну форму скотоводства, а другая, численно незначительная—иную. Как видим, социальные параметры накладывают свой отпечаток на характер организации скотоводческого хозяйства.

Изучение маршрутов перегона скота на сезонные пастбища, масштабов их использования, в известной мере, проливает свет на степень и направления хозяйственно-культурных связей различных этнических общностей, т. е. становится возможным решить некоторые вопросы этнокультурного развития.

Изучение отгонной формы скотоводства показало, что соотношение и пространственное размещение выделенных двух разновидностей было таково, что первая разновидность превалировала над второй. Однако тенденции их дальнейшего развития из десятилетия в десятилетие шли в сторону расширения и распространения второй разновидности, связанной с более интенсивными формами хозяйствования.

Примечательно, что при отгонной форме скотоводства значительного видоизменения претерпевает и комплекс материальной культуры. Речь идет и о жилищно-

поселенческих комплексах, и о системе питания, и об организации домашнего быта. Эти изменения знаменовали появление таких явлений, которые свидетельствовали об упрочении оседлости, об «основательности» организации жизни в основных поселениях, об увеличении удельного веса растительных продуктов в компонентах системы питания.

Если при полукочевой форме ведения скотоводства растительные продукты в основном приобретались благодаря товаро-обменным сношениям с армянами, то при отгонной форме скотоводства растительные продукты добывались в собственном хозяйстве, что способствовало более систематическому и частому употреблению в пищу. Сложились различные блюда и кушанья, которые изготовлялись сочетанием мясных и зерновых, молочных и растительных продуктов.

Видоизменяется и утварь курдского населения. Если при полукочевой форме скотоводства значительное место занимали предметы, изготовленные из кожи, ткани, меди, то в быту курдов, практиковавших отгонную форму скотоводства, большое распространение получают предметы, изготовленные из глины, дерева, даже стекла. Стал несравненно более многочисленным компонентный состав мебели, который использовался в повседневном быту.

Значительные изменения происходят и в семейном быту курдов Восточной Армении со сложением и функционированием отгонной формы скотоводства. Сущность этих изменений состояла в том, что менялась структура хозяйственных занятий, разделявшихся между членами семьи.

При отгонной форме скотоводства, как было показано в работе, возрастает удельный вес полевых земледельческих работ, обработка зерновых и других земледельческих культур, что должно было отразиться и на характере внутрисемейных отношений, разделении труда.

Если при полукочевой форме скотоводства почти все члены семьи были заняты уходом за скотом, обработкой скотоводческих (в том числе и молочных) продуктов, то при отгонной форме скотоводства расширяется спектр работы не только за счет земледелия, но и за счет появления других отраслей хозяйства.

Происходит формирование и закрепление новых

ценностных ориентаций, больше связанных с земледельческими работами, земледельческими культурами, земледельческими продуктами. В условиях Восточной Армении эти процессы протекали весьма ощутимо и доступны методом этнографического анализа.

Рассмотрение двух основных разновидностей отгонной формы скотоводства, впервые предпринятое в работе, приводит к заключению: хотя формы скотоводства—это лишь одна из сфер изучения хозяйственного быта в целом, все же при детализированном изучении определенным образом выявляют связь многих элементов материальной культуры, общественно-семейного быта и духовной культуры с формами практиковавшихся способов ведения скотоводства. В этом одна из существенных задач этнографической науки: изучением отдельных элементов культуры познать не только особенности их сложения и функционирования, но и познать жизнь людей, этнических общностей, основные факторы сложения их специфики.

* * *

Изучение скотоводческого хозяйства курдов Восточной Армении показало параллельное функционирование двух основных форм его ведения—полукочевой и отгонной. Анализ материалов выявил значительные различия между ними, обусловленные преимущественно масштабами ведения земледельческого хозяйства.

Данные за различные десятилетия показывают изменение исторической динамики между этими формами хозяйства. Если в первый период переселения и обоснования на территории Восточной Армении среди курдов были кочевники и полукочевники и курды-земледельцы, практиковавшие комплексные скотоводческо-земледельческие хозяйства, то кочевники вскоре превращаются в полукочевников, а некоторые из них постепенно переходят к категории оседлого населения, практикующего симбиозное скотоводческо-земледельческое хозяйство.

Как уже указывалось, такая тенденция развития была объективно обусловлена целым рядом факторов, среди которых важное значение приобретают природно-экологические и социально-экономические условия.

Стало возможным заключение, что кочевая форма скотоводства, о которой в литературе по курдам есть

много указаний, фактически, к концу XIX- началу XX века у курдов уже не существовала. Для такого заключения основанием для нас послужили следующие критерии, ставшие исходными для определения форм скотоводства. Для кочевой формы скотоводства должна быть характерна такая система содержания скота, при которой скот круглый год содержится на пастбищах, население не имеет постоянных построек в местах сезонного выпаса скота, когда население не занимается сенокосением или земледелием, когда состав стад состоит из определенных видов скота, преимущественно мелкого рогатого, сравнительно более приспособленного для круглогодичного пастбищного содержания.

Для полукочевой же формы скотоводства должна быть характерна такая система содержания различных видов скота, когда, наряду с пастбищным содержанием, практикуется и стойловое содержание, а это, в свою очередь, предполагает практику сенокосения, наличие зимников с постоянными утепленными постройками, когда определенного развития достигает крупное рогатое скотоводство (и разведение рабочего скота, в частности), когда существует комплексное хозяйство, население частично занимается земледелием, а часть его ведет менее подвижный образ жизни.

Анализ материалов по курдам Восточной Армении показал, что у всех групп либо практиковалось сенокосение со значительными элементами зимнего пастбищно-стойлового содержания различных категорий скота, либо практиковалось и земледелие, удельный вес которого во всей системе хозяйственной жизни был различным, что и обусловило различные разновидности полукочевой и отгонной форм скотоводства. В литературе на эти явления в курдской действительности до сих пор мало внимания обращалось, они не становились критериями для четкой типологической классификации форм скотоводства, а обобщенные характеристики не давали возможности для выявления сущностных характерных черт скотоводческой культуры различных групп курдского населения.

Т. Ф. Аристова в своей работе по курдам Закавказья, где исследован и быт дореволюционного периода и быт, сложившийся за годы социалистического строительства, характеризовала формы ведения скотоводческого хозяйства у курдов как «кочевую и полукочевую с вертикальными откочевками»⁸⁸. Однако не дает в работе

тех принципов и критериев, которые, в одном случае, служат основанием для выделения кочевого скотоводства, а в другом—полукошевого скотоводства. В работе не указывается вообще о практиковании и отгонной формы скотоводства, о чем свидетельствуют материалы данной главы.

Определенного уточнения требуют и некоторые характеристики годового скотоводческого цикла. Так, Т. Ф. Аристов пишет, что «обычно с началом весны курдские пастухи угоняли скот на альпийские пастбища (язлар). Там они останавливались на время окота овец, а затем направлялись на лучшие пастбища»⁸⁹. Материалы показывают, что с началом весны курдские пастухи не перегоняли скот на альпийские пастбища, которые были расположены в высокогорных частях и освобождались от снежного покрова только к началу лета, а использовались преимущественно ранневесенние пастбища, лежавшие в долинных и предгорных частях Восточной Армении, которые рано освобождались из-под снега и могли уже в эти ранневесенние дни прокормить скот в пастбищных условиях. На альпийские пастбища скот перегоняли лишь к началу лета. Кроме того, вряд ли правомерно говорить о перегоне с альпийских пастбищ «на лучшие пастбища». Здесь речь должна идти о том, что скот перегоняли с пастбищных участков, расположенных в более низких местах, на пастбищные участки, расположенные в более высокогорных частях. Высотная зональность Восточной Армении, да и не только Восточной Армении, но и Закавказья в целом, обуславливала постепенное освобождение из-под снега вначале долинных районов, затем предгорных, а уж после горных и высокогорных и это обстоятельство накладывало значительный отпечаток на сроки и характер использования пастбищных участков, расположенных на различных высотных уровнях.

Данные литературы и полевых этнографических материалов позволили внести коррективы в формулировки и определения, которые до сих пор давались различными авторами.

Определение форм скотоводства, как кочевой и полукошевой, можно встретить и в работе Аминне Авдала, где он подразделяет курдов на кочевых, полукошевых и оседлых⁹⁰. Однако и здесь не даны критерии для разграничения одних форм скотоводства от других. Кроме того, не понятно, какую форму скотоводства практико-

вали оседлые курды. Известно, что оседлое население в принципе может практиковать две основные формы скотоводства—оседлую (при пастбищно-стойловом содержании всех категорий скота в самих поселениях либо поблизости от них), либо отгонную (при сочетании пастбищно-стойлового содержания скота в районе основных поселений с отгоном скота на удаленные горные пастбища, предполагавшую также переселение части населения на сезонные стоянки). Отсюда становится ясным, что курды, ведущие оседлый образ жизни, могли практиковать либо оседлое скотоводство, либо отгонное, однако об этом ничего не сказано. Понятно, что целью работы Амине Авдала не было специальное изучение скотоводческой культуры курдов, поэтому и материалы по этой сфере сравнительно немногочисленны, что не только затрудняет проведение сравнительно-типологического анализа, но и не выявляет культурно-бытовых особенностей в этой, весьма характерной для курдов Восточной Армении, области жизни. Кроме того, остается не выясненным вопрос о соотношении земледелия и скотоводства у различных групп курдского населения, вопрос, который весьма важен для понимания сущности скотоводческого хозяйства, его места во всем укладе.

Приведенный в работе материал дал основание для выявления различных вариаций в вопросе соотношения скотоводства и земледелия у курдов Восточной Армении, определенным образом показал обусловленность особенностей ведения скотоводческого хозяйства наличием или отсутствием земледельческой отрасли хозяйства, ее значительным или сравнительно небольшим удельным весом в системе хозяйства. Кроме того, эти же данные показали тенденцию развития хозяйственной деятельности курдов Восточной Армении, характеризовавшейся увеличивающимися масштабами ведения земледелия, повышавшимся уровнем оседлости, возрастающей интенсивностью ведения скотоводческого хозяйства. Эти факторы и обусловили формирование и функционирование двух основных форм скотоводства—полукочевой и отгонной,—практиковавшихся курдами Восточной Армении в конце XIX- начале XX века, каждая из которых имела свои разновидности, вызванные определенными природно-экологическими, социально-экономическими, политическими и этно-культурными условиями.

ГЛАВА V.

ФОРМЫ СООБЩЕСТВ ПО ВЫПАСУ СКОТА. ПАСТУШЕСТВО.

Этнографическое изучение скотоводческого хозяйства у курдов позволяет выделить не только хозяйственную и бытовую особенности народа, но дает также ценные материалы для исследования характера общественных отношений в курдском обществе в рассматриваемое время.

Вторая половина XIX- начало XX века в Восточной Армении является периодом зарождения и развития капиталистических производственных отношений. В этих условиях хозяйственная жизнь сельского населения стала широко связываться с рынком и постепенно приобрела черты товарного хозяйства. В результате этого усиливался процесс расслоения крестьянства, что наблюдалось как в среде армянского населения, так и среди курдов Восточной Армении¹. Однако процесс ломки старого патриархального уклада шел медленно, и одной из причин этого явилось сохранение общинных устоев в курдском обществе.

Интересные материалы в этом отношении дает изучение сообществ по выпасу скота у курдов во второй половине XIX- начале XX века.

Сравнительный анализ полевых этнографических данных позволяет выделить различные формы функционирования названных сообществ. Формы эти у курдов выступают в виде т. н. «об» или «зом». Сообщества по выпасу скота в прошлом образовались преимущественно в период перегона скота на сезонные пастбища.

Дореволюционные исследователи быта сельского населения Кавказа, изучая скотоводческое хозяйство, как например С. П. Зелинский², В. Ф. Каменский³,

А. В. Парвицкий⁴, И. Л. Бахтадзе⁵, П. С. Варавин⁶, А. С. Егназаров⁷, А. А. Калантар⁸, А. Е. Хан-Агов⁹ и другие, в своих трудах обращались также к скотоводческому хозяйству курдов и описывали существовавшие в нем формы сообществ между семьями—скотовладельцами.

Наибольшую ценность представляют исследования С. А. Егназарова. Он дал характеристику бытовавшего у курдов Эриванской губернии хозяйственного объединения типа «оба». Исследования С. А. Егназарова—результат его многолетних непосредственных наблюдений и в силу этого являются первоисточниками, имеющими важное значение для изучения социально-экономических отношений курдов данного периода.

К изучению объединения «оба» обращался также бывший русский консул в Персии В. Никитин. Сообщения всех этих авторов являются важными источниками по дореволюционному быту курдов, но в них не раскрыты в необходимой степени эксплуатация и социальное неравенство, существовавшие в объединениях типа «оба».

Из советских авторов, обративших внимание в своих исследованиях на этот институт, следует упомянуть: Ф. Б. Ростопчина¹⁰, Г. Б. Акопова¹¹, А. Ш. Шамилова¹², О. Л. Вильчевского¹³, А. И. Калавеша¹⁴, Х. М. Чатоева¹⁵, А. Авдала¹⁶, Т. Ф. Аристов¹⁷, Джалиле Джалила¹⁸, Ш. Ч. Аширяна¹⁹, Г. Е. Маркова²⁰ и других.

Необходимо отметить, что известный востоковед О. Л. Вильчевский первым из исследователей пытался выявить внутреннюю структуру курдской «оба» и ее социально-классовую сущность²¹.

Формы сообществ в своих характерных проявлениях изучены также в хозяйственном быту ряда других скотоводческих народов Кавказа²², Передней²³ и Средней Азии²⁴.

Несмотря на это, значение «оба» в курдском хозяйственном быту все еще не стало предметом специального изучения. Поэтому здесь нами сделана попытка дать общую характеристику и оценку форм подобных сообществ у курдов.

Изучение этнографических материалов приводит нас к заключению, что формы сообществ в хозяйственном быту курдов во всех своих специфических проявлениях выступают под общим названием «оба» (ова) или

«зома»²⁵. У курдов «оба» обычно создавалась в период ранневесеннего и летнего пастбищного сезонов с целью облегчения ведения скотоводческого хозяйства, обеспечения скота пастбищами, сокращения расходов, связанных с содержанием пастбищ, и, наконец, обеспечения скотовладельцев.

С. А. Егназаров правильно замечает, что «крестьян, как и всех людей, связывает прежде всего известный экономический интерес; отдельные домохозяева, имеющие стада рогатого скота, вступают в артельные отношения и образуют кочевую общину, они сообща занимают юртовое место и нанимают пастухов, совместно с другими. Но, кроме чисто экономических соображений, есть более серьезная причина, способствующая образованию и распространению кочевых общин,—самозащита и безопасность.

С точки зрения безопасности было-бы, конечно, целесообразно выезжать на кочевье целыми общинами, как это делают небольшие отселки и жители нагорных районов»²⁶.

Число членов «обы» зависело от количества мелкого рогатого скота. Характер и размеры пастбищных угодий определяли максимальный размер формирующихся «оба». «Оба» могла охватывать от 5 до 25 семей, в зависимости от состоятельности членов «обы». Главной «обы» избирался самый состоятельный и влиятельный человек, который часто сам бывал инициатором организации «обы», от его согласия зависело включение той или другой семьи в «обу». При организации «обы» обычно учитывались кровно-родственные связи будущих членов «обы». «Чужие», если включались в «обу», были или нанятые пастухи, или семьи, отколовшиеся из-за сор или кровной мести от других общин.

Если пастбище было общим для всех членов «обы» и скот пасся в одной отаре, то сбор шерсти, дойка скота и другие работы велись в каждой семье отдельно²⁷ (хотя, в случае необходимости, имела место, конечно, взаимовыручка и взаимопомощь). «Общность» пастбища вводит С. А. Егназарова в заблуждение и в оценке «обы», не замечая имущественную дифференциацию внутри ее, на основании внешнего господства кровно-родственных отношений в «обе», он считает ее «демократической, патриархальной общиной»²⁸.

Все исследователи правильно отмечают закреплен-

ность пастбища за той или иной «обой». О. Л. Бильчевский пишет: «Кооперация простирается только на совместный выпас овец на закрепленных за данной «обой» пастбищных землях и маршруте»²⁹.

Фактически пастбища закреплялись за оба-башой, т. е. главой обы, а члены обы ежегодно могли или менять свой состав, или оставаться постоянно одними и теми же. При изучении социального положения членов обы важное значение имеет учет тех условий и путей, при которых происходило кооперирование. Наши наблюдения привели к выводу, что в основе образования нового сообщества—обы, лежал учет кровно-родственных связей. Полевые этнографические материалы, которыми мы располагаем, дают возможность выделить три основные формы сообществ: сообщества кровно-родственных семей на равных началах, сообщества кровно-родственных семей и не кровно-родственных семей также на равных началах, и сообщества хозяйств на неравных началах.

Разумеется, это деление не абсолютно и носит условный характер, так как эти формы, в свою очередь, могут выступать с отклонениями и переходными вариантами.

Остановимся на характеристике каждой из вышеуказанных форм.

Сообщества кровно-родственных семей на равных началах

При этой форме кооперирования семьи—скотовладельцы включались в такие «оба» или «зома», где все его члены—«джоли» («джол»—курдское слово, обозначающее «член», «участник») —скотовладельцы—являются кровными родственниками между собой и жителями одного и того же поселения. Количество семей в таких «оба» колебалось от 5 до 10. Курдские деревни Сичанлу, Байсз, Курдский Памб, Чобаимаз и другие образовались на основе родственных групп—«бар». То же Т. Ф. Аристова наблюдает у курдов Азербайджана³⁰.

В селе Байсз первоначально поселились пять-шесть кровно-родственных семей из бара Стуркиа³¹, в Джарджарисе—семь-восемь семей из бара Баравиа³², четыре семьи в Кондахсазе—из бара Котоя³³, в селе Курдский Памб—шесть семей из бара Шамскиа³⁴, шесть семей в

Корбулаге из бара Михаила³⁵, пять семей в Каравансарае из бара Рожка³⁶. Такими же были и кишлаки (зимовники), которые были также заселены кровно-родственными семьями.

7—8 семьями из бара Шаркиа был заселен кишлак Ромиз-Крдо, 6 семьями—кишлак Гасэ-Хде, 7 семьями—кишлак Джавоэ Разго³⁷, причем личные имена основателей—родоначальников бара входили как составная часть в наименование кишлаков.

Ромиз-Крдо со своей патронимии поднимался на принадлежащее ему кочевье на горе Арагац (Алагез). Оно также называлось его именем—зома Ромиз-Крдо. Мелкий рогатый скот, поголовье которого доходило до 800, пасли его сыновья. Гасэ-Хде и Джавоэ-Разго со своими родственниками также поднимались на эйлаги на горе Арагац, оставляя в поселениях только охрану.

Таким образом, многие родственные группы, которые кочевали по ранневесенним и летним пастбищам, в течение ряда лет имели почти неизменный состав. Эта специфика была присуща заселенным родственными группами курдским деревням и кишлакам и одновременно была характерной для этой формы кооперирования.

Если в начальный период, как отмечалось выше, заселение курдских деревень большей частью совершалось единой патронимической принадлежностью, то в дальнейшем, благодаря расширению родственно-своих связей, эти деревни пополнялись семьями других родственных групп. Каждый бар занимал отдельный квартал³⁸ в пределах одной деревни или поселка, продолжая сохранять тесные связи между своими семьями. С. А. Егiazаров замечает, что «более или менее многочисленные деревни образуют несколько «оба», каждая из них фигурирует как самостоятельная община с интересами, совершенно отличными от интересов всей деревни, как целого. Далее при наличии в деревне нескольких оба, состав их часто изменяется: члены одной оба свободно переходят в другую, когда возникают розни и раздоры между ними»³⁹.

Имя главы бара переходило и на название постоянного кочевья кровно-родственной группы—на «вар»⁴⁰. Об этом свидетельствует множество курдских названий летовок на горных пастбищах. Руководители групп родственных семей курдской деревни Зор Сурмалин-

ского уезда (Западная Армения) Саидэ Брдо (с 9 семьями), Магэ Джаво (с 8 семьями), Калашэ Бенав (с 8 семьями) в летние месяцы поднимались на принадлежащие им отдельные эйлаги. Саид, Калаш и Магэ считались вожаками сообществ и распорядителями кочевий, и по их именам и назывались сами кочевья: варэ Саидэ Брдо, варэ Магэ Джаво, варэ Калашэ Бенав⁴¹.

Скотовладельцы деревни Байсз также сотрудничали кровными семьями и каждое сообщество было известно по имени вожака-распорядителя вара, например, варэ Гусейнэ Муса, варэ Ахоэ Хато и т. д.⁴² В Чобанмазе также встречаем варэ Джаво, варэ Авдо, варэ Бала⁴³.

Горные курдские деревни Чобанмаз, Памб Курдский, Мирак, Корбулаг и другие не имели отдельных летних пастбищ, а в летние месяцы родственные семьи пасли свой скот на пастбищах, находившихся в 3—4 км от деревни (в присельских угодьях), причем на определенном расстоянии друг от друга, на участках, также называвшихся «вар». Это обстоятельство объясняется тем, что упомянутые деревни сами по себе находились в зоне летних пастбищ⁴⁴.

В отличие от курдских кишлаков (зимников), крестьянство постоянно обитаемых деревень занималось, помимо скотоводства, также земледелием. В летние месяцы определенное количество людей отправлялось со скотом на пастбища, прежде всего старухи и старики, юноши и невестки (не все), а остальное население занималось полевыми работами и другими хозяйственными делами.

Вот что пишет по этому поводу А. С. Амбарян: «В отличие от сельской общины, которая опиралась на связи между соседями, «оба» образовывались преимущественно по кровным связям. Патриархальные отношения также играли определенную роль в политической и духовной жизни и быту курдов»⁴⁵.

Семьи-скотовладельцы, входящие в сообщество «оба», номинально, казалось бы, имели равные права и обязанности. Руководящую роль играл предводитель «оба» или «зома» (сэркаре обэ, сэркаре зомэ)—организатор, который своим авторитетом и богатством, т. е. прежде всего поголовьем скота, отличался от других членов. Обязанность главы обы часто носила наслед-

ственный характер, что определялось социальным положением данной семьи. С. А. Егнazarов по этому вопросу пишет: «Юрт (т. е. кочевье—М. Д.) находится во владении главы обы и его потомков до тех пор, пока они настолько богаты, что могут без затруднения содержать пастухов»⁴⁶. Фактически, социальное неравенство и эксплуатация в этой форме сообщества тщательно прикрывались внешней оболочкой кровно-родственных отношений. На это указывают и ряд дореволюционных и советских исследователей курдского быта⁴⁷.

Среди ряда кавказских, а также других народов можно найти сходные формы сообщества и кооперирования.

Н. А. Абелов, изучавший быт сельского населения Азербайджана, указывает, что в 80-х годах прошлого века существовало товарищество по пастыбе скота—«дьянга», которое состояло из родственных семей⁴⁸.

Ту же мысль выражает Ю. И. Мкртумян, находя, что во второй половине XIX века среди армян существовало сообщество родственных семей с целью ведения скотоводческого хозяйства⁴⁹.

Эта форма сообществ, существовавшая в курдской действительности, сложилась в весьма отдаленные времена, видимо, в ранне-феодальный период, но при живучести патриархальных родственных отношений, системы патронимических связей, когда патронимия характеризовалась экономической и локальной общностью. Однако, для периода конца XIX—начала XX века, когда капиталистические отношения проникали в курдское общество, данная форма скорее сохранялась в пережиточной форме.

В конце XIX—начале XX вв. в хозяйственном быту курдских скотовладельцев значительной была роль объединения «оба», основанного на кровных связях, объединения, которое способствовало также сохранению пережитков более ранних форм общественных отношений.

Сообщества кровно-родственных и не кровно-родственных семей на равных началах

Эта форма отличается от предыдущей тем, что при ней кооперируются не только родственные, но и не кровно-родственные, как живущие в данном, так и в соседних поселениях, скотовладельцы-родственники и свойственники, принадлежащие к разным патронимическим группам.

При наличии между сородичами, а иногда и между целыми патронимическими группами вражды, как следствия иногда возникавшего между ними противоборства (по разным причинам—умыкание девушки, причинения материального ущерба и, возможно, убийства), создавались сообщества, включавшие ряд не кровно-родственных семей, не вовлеченных в подобные конфликтные отношения между собой. Соседские семьи, не имевшие необходимого количества пастбищ или же возможностей их аренды, обычно включались в состав обы. Фактически здесь объединялись родственные и соседские семьи.

В этой форме объединения опять-таки взаимоотношения членов внешне носят равноправный характер. На наш взгляд, однако, при ослабленности действия кровно-родственных отношений социально-правовая дифференциация членов обы здесь несколько более ощутима и явна. Здесь больше ощущается власть, преимущество оба-баши и его близких родственников. Время подъема на эйлаг и спуска с них, а также место стоянки, порядок пользования пастбищами—все это определялось по его указаниям, члены обы были обязаны перевозить его имущество, устанавливать его шатер, купать и стричь его овец, а также выполнять немало других работ⁵⁰.

В условиях свойственно-родственных связей очень часто скотовладельцы объединялись с обой близких родственников жены, более того, даже поселялись у них.

Ибрагимэ Усуб, живущий ныне в армянской деревне Зар Абовянского района Армянской ССР, рассказывает, что в его родном селении в Сурмалинском уезде бывшей Эриванской губернии (откуда они с семьей переселились в годы первой мировой войны), его родители в составе трех семей двоюродных братьев (из бара Карка), объединились в одну обую с 8 кровно-родственными семьями (из бара Мамка), возглавляемыми Саидэ Авдалом. Первые три семьи были в свойственно-родственных связях с семьей главы обы Саидэ Авдала. Братья были женаты на его дочерях и племяннице, и этого было вполне достаточно, чтобы они были включены в состав его обы и в течение многих лет поднимались на отведенные им эйлаги Кызыл Зиарат на Гегамских горах⁵¹.

Оба Сулейманэ Сиджо (из другой деревни того же Сурмалинского уезда) состояла из 10 семей. В летние месяцы они поднимались на кочевье Гре-Сор на Гегамских горах. Семь из этих семей были кровно-родственными, а остальные три—не кровно-родственными, принадлежащими к духовному сословию (пир) соседнего поселения⁵².

В курдской действительности замужняя женщина вместе с сыновьями оставалась в тесной связи с отцовской семьей. Это обстоятельство проявилось в процессе объединения в обу в раннебесенный и летний пастбищный периоды. Мирзоэ Зайне (из бара Кашагия) из Сардарапата (ныне Октемберян) вместе с семьей своего тестя Рашидэ Аташе ранней весной кочевали в пустошах и в окрестностях Талыша (ныне Аштаракский район), а летом в том же составе—на угодыя деревни Байсз⁵³.

Это явление продолжало существовать и в первые годы Советской власти. Так, Усубэ Авди (село Цахкунк Эчмиадзинского района) в течение многих лет вместе с родственниками жены (из Октемберянского района) с поднимался на летовки, расположенные в районе пастбищ Гегамских гор⁵⁴.

Ашоэ Аташ (из села Цахкунк Эчмиадзинского района) в течение лета объединялся в обу с родственниками жены (из бара Шаркиа). Оба имела два стада мелко-го рогатого скота—650 дойных овец, 400 голов молодняка, баранов и яловых овец, а «маленькие стада» ягнят возле обы по отдельности пасли 14—16 летние подостки⁵⁵.

Полевой материал из курдской деревни Агджи-кенда (Келбаджарский район Азербайджанской ССР) свидетельствует о существовании подобной формы общества среди местных курдов. Так, Халжиэ Джалил, хозяин 400 овец, 15 быков, 6 пар лошадей, был оба-баши (оба состояла из семи семей). Членами его сообщества были родственники со стороны жены. В Мин-кенде (Лачинский район Азербайджанской ССР) Хаджи Вали в свою обу включил неродственную семью. Подобные примеры у курдов Азербайджана встречались еще чаще, чем у курдов Армении⁵⁶.

Во всех описанных «обах» пастухи обязательно были членами «обы», а во многих случаях—из семьи главы обы.

Остальные мужчины занимались полевыми работами, торговлей и другими хозяйственными делами, управлялись на временные заработки в Тифлис и другие места, а часть—нанималась пастухами в армянские деревни⁵⁷.

Сообщества хозяйств на неравных началах

При третьей форме в оба входили наиболее состоятельные и сравнительно бедные скотом хозяйства, в этом случае полновластным хозяином обы был богач, которому выплачивали бедные члены обусловленную плату натурой (скотом или молочными продуктами) или иногда деньгами. В таких сообществах нередко осуществлялась эксплуатация бедных членов, привлекавшихся для различных работ в пользу состоятельного руководителя обы.

По С. А. Егиазарову, оба создавалась также «под главенством одного-двух лиц, отличающихся от прочих членов богатством, а иногда и знатным происхождением»⁵⁸. Здесь почти отсутствуют предпосылки тех «демократических» основ, которыми С. А. Егиазаров характеризовал равное положение джолов сообщества. Основы организации обы всецело определялись главой сообщества.

Многие скотовладельцы, не имея другой возможности, вынуждены были обращаться к богачу, имевшему обширные пастбища, с просьбой включить их в состав своей обы. Таким образом, они попадали в полную зависимость от богатого владельца.

Исследователь социально-экономических отношений в Иранском Курдистане А. Калавеш, характеризуя классовое расслоение, возникшее в условиях частной земельной собственности, заключает, что в таких условиях объединение «оба» становилось необходимостью. «В условиях появления частной собственности на землю все лучшие угодья сосредотачивались в руках землевладельцев. Поэтому крестьянские семьи могли пользоваться ими, в том числе пастбищами, только на началах аренды»⁵⁹.

В связи с этим, обычно весной ряд семейств крестьян (не обязательно связанных родственными отношениями) объединяются и сообща арендуют пастбищный участок земли⁶⁰. Члены обы—арендаторы пастбищ

несли и ряд дополнительных повинностей в пользу главы обы.

Вот что пишет по этому поводу известный курдский писатель А. Шамилов в автобиографической повести «Курдский пастух». «На летних кочевках курды объединяются в своеобразные коллективы («оба») — небольшие общины от сорока до восьмидесяти хозяйств для совместной пастбы скота на горных пастбищах. Во главе оба стоит «оба-баши», самый богатый и влиятельный член общины. Он ведает всеми делами, распределяет налоги, указывает место пастбы и время перехода скота с одной кочевки на другую. Должность эта выборная и считается почетной: оба-баши беспрекословно подчинялись все. Оба-баши всегда глава рода и кулак... Поэтому от пастухов требуется, чтобы они, кроме своих прямых обязанностей, выполняли бесплатно всю работу по пастбе и уходу за скотом оба-баши: пригонять скот к кочевкам, пересчитывать каждый вечер скотину и сообщать об этом хозяину, по утрам убирать «агалы» — огороженные места для овец, относить мусор и навоз подальше от летовки»⁶¹.

Наряду с правильным в целом описанием, данный автор допускает неточность в указании количества семей, входивших в общину. Письменные источники и полевые этнографические материалы свидетельствуют, что оба как хозяйственное объединение включала в себе максимум 20—25 семей⁶², тогда как А. Шамилов это число доводит до 40—80⁶³.

О. Вильчевский, подсчитав общие расходы оба-баши, совершенно верно заключает, что полученные от членов обы доходы были больше, чем его расходы за период кочевья. «Итак, оба-баши, забирая в свои руки управление стадами обы, присваивает себе все выгоды крупного скотохозяйства и получает возможность фактически выпасать бесплатно свой скот, перекладывая оплату пастухов на джолов»⁶⁴. Далее он подчеркивает, что «оба-баши получал большую выгоду, так как содержание пастухов обходилось ему не более половины того, что собирал он у джолов»⁶⁵.

Так, Гаджи Будаг был главой одной из общин зимовника⁶⁶ Шамирама (курдская деревня в нынешнем Аштаракском районе), оба называлась его именем. Оба состояла из 10 семей, 7 из них — кровно-родственные, 3 — неродственные (тесть Гаджи Будага со свои-

ми двумя братьями). Семья Будага—одна из богатых в селении, имела многочисленные стада овец (500 голов), выхолощенных баранов и молодняка—300 голов, ягнят—400 голов, а также десятки голов крупного рогатого скота (20 коров, 6 пар быков, 4—5 лошадей). Каждый из остальных членов обы имел по 25—40 голов мелкого рогатого скота, 3—4 головы крупного рогатого скота. Они объединяли свои стада со стадом главы обы. Получалось 2 стада дойных овец (по 500 голов), которые пасли два пастуха с двумя подпасками (14—16 летние парни). Стадо баранов и молодняка в 500 голов пасли два пастуха, а стада ягнят (700 голов) пасли два пастуха с двумя подпасками, своими сыновьями. Причем двое из пастухов были сыновьями Гаджи Будага, другие пастухи и подпаски—членами обы. Ясно, что при таком соотношении количества скота между оба-баши и остальными членами сообщества должно было преобладать абсолютное преимущество первого.

Кроме Гаджи Будага в Шамираме и других поселениях были скотовладельцы, которые сами, будучи оба-баши, одновременно занимались также земледелием, имели обширные пахотные земли. Вот что пишет по этому А. А. Калантар: «В Шамираме земледельцами являются богатые курды Гаджи Исмаил, Маруф Исо и Гасо Базо. В Харабабанке земледелием занимаются курды Гасан-ага, Гаджи Абдула и Амо Надо. В селении Байрамли—Гаджи Гусейн и Гаджи Аслан—все курды имеют громадное количество скота на Алагезе и относятся к богатому классу курдского населения; они сеют пшеницу, некоторые из них разводят бостаны»⁶⁷.

В курдских оазах Армени, как правило, общее поголовье овец не превышало 1000, максимум 1500 голов, это было обусловлено местными условиями, ограниченным пространством пастбищ, что не позволяло содержать большее количество скота на одних и тех же участках⁶⁸.

Когда количество голов овец превышало 500, создавалось несколько стад и для каждого стада (по 400—500 голов) нанималось по два пастуха на период с марта по ноябрь месяцы. За этот период каждый пастух получал по 10—15 ягнят, а за содержание стада в зимний период (с 10 ноября по 9 марта)—столько же годовалого молодняка⁶⁹. Надоэ Мирзо из Козылджи (Карсская область) считался одним из богатых ското-

владельцев деревни, его оба состояла из 11 семей, из которых 8 было кровно-родственных, 3—не кровно-родственных (семьи принадлежащие к духовному сословию поселения). Семья главы обы была под религиозным воздействием последних, что было важной предпосылкой для включения их в состав обы Надое Мирзо. Оба имела два стада мелкого рогатого скота (около 1000 голов), из них 300 овец и 200 ягнят принадлежали главе обы, остальные—другим членам. Каждый член имел по 2-3 коровы, по одной лошади, по одному быку.

Перевозку грузов или имущества курды производили на быках, а лошади использовались только для верховой езды. Поэтому, как писал А. А. Калантар, «курды стараются иметь столько рабочего скота, чтобы навьючить на него свое имущество в один переезд, успеть перекести на новую стоянку»⁷⁰.

Содержание овец, особенно дойных, поручалось пастухам, которые пользовались большим авторитетом у народа, их называли «пспор» (умелый) пастух. Вся ответственность за содержание скота ложилась на пастуха. При пропаже скота (бэ бэрэтэ) или убытке, нанесенном хищниками, пастух был обязан возмещать урон натурой или деньгами. Во всех остальных случаях (перелом ног, отравление, падеж скота и т. д.), по обычаю, пастух ничего не платил владельцу.

Подпаски не несли никакой материальной ответственности, но получали плату меньше, чем пастухи. Годовое вознаграждение их составляло от 3 до 7 ягнят. Почти о том же говорит и С. А. Егiazаров: «Достигши юношеского возраста, они поступают в прислуги или пастухи (дуажо—М. Д.); прежде он пасет небольшое стадо и получает в год от 3 до 10 барашек, а спустя несколько лет, приобретши опытность в пастушестве, он пасет стадо баранов и коз и получает уже от 15 до 22 барашек; если же его родители состоятельны и имеют свой собственный скот, то он пасет их стадо»⁷¹.

В курдской деревне Косасогутлу Карсской области были очень богатые скотовладельцы. Они были главами отдельных общин. Каждый имел от 700 до 1000 голов мелкого и десятки голов крупного рогатого скота. В состав обы включалось от 8 до 15 кровно-родственных и неродственных семей. Если ягнята членов обы Гаджи Будага составляли отдельные стада, то в обах Косасогутлу каждая семья самостоятельно пасла своих

ягнят и телят. Если же семья не имела пастушка, соседи пасли своих ягнят совместно, под наблюдением 14—16 летних подростков. Сообщества из Косасогушту поднимались на отведенные им пастбища в Гегамских горах в определенной отдаленности друг от друга⁷².

Согласно положению от 29 июня 1884 года, начная с 1885 года была введена подесятинная плата в казну за пользование летними и зимними пастбищами. В связи с этим, на летние пастбища направляли специальные отряды, которые закрепляли пастбищные участки за оба-баши и за определенным числом его соседей. Таким образом, оба-баши становился хозяином летнего пастбищного участка⁷³.

Юридическое закрепление за оба-баши права на пастбище существенно способствовало их освобождению от патриархальных обязательств и увеличивало их возможности для прямой эксплуатации членов сообщества.

А. А. Калантар писал: «В последние 10—20 лет оба-баши стали чувствовать себя более своевольными, безнаказанными: они стали злоупотреблять почетными правами, признававшимися за ними, не стали церемониться с более слабыми своими соседями и образовали массу безземельных курдов, не имеющих ныне себе пристанища, несмотря на то, что в распоряжении курдских обществ имеются громадные пространства пастбищной земли, вполне достаточной для всех их членов»⁷⁴.

В практике курдов были известны и сообщества, которые создавались обычно осенью, с целью организации выпаса мелкого рогатого скота, когда основные оба временно распадались до начала весны. Члены таких сообществ совместно несли расходы по найму пастухов и содержанию скота в присельских районах.

Такие сообщества иногда образовывались между главами оба. С. А. Егиазаров замечает, что «если глава обы не имеет средств содержать всех пастухов, или просто не желает обременять себя расходами, то приглашает к себе в товарищи другого, который половину содержания пастухов принимает на себя»⁷⁵.

Курды, жившие в районах Араратской долины, осенью собирали небольшие стада—200—300 голов и, объединяясь между собой, создавали общее стадо—около 1000 голов⁷⁶. Обычно осенью поголовье скота в стаде было большим, чем весной⁷⁷. Уход за этим об-

щим стадом поручался трем чабанам, вознаграждение которых, согласно традиции, было от каждых 20 овец — по одному ягненку⁷⁸. Причем один из чабанов находился в постоянной связи со скотовладельцами. Об этом свидетельствуют многочисленные сообщения информаторов, записанные в период полевых этнографических изысканий.

Данная форма сообщества имела место и между кровно-родственными семьями скотовладельцев. В осенние месяцы, до выпадения снега, овцы села Байсз паслись на пастбищах в окрестностях села Шамирам, где к ним присоединялся скот нескольких владельцев Памб Курдского (ныне Арагацского района) из бара Стуркиа и создавалось общее стадо. Здесь также существовало сообщество чабанов. Информаторы свидетельствуют, что курды-пастухи также сообща отправлялись в армянские деревни и нанимались там в пастухи.

Ранне-весенние и осенние пастбища курдов Армении находились в основном на неиспользуемых землях районов Арарартской долины. Изучение форм сообщества в курдском скотоводстве дает возможность сделать некоторые выводы.

Различные формы сообществ, со своими специфическими чертами, были общим явлением в хозяйственном быту ряда народов, занимавшихся скотоводством и земледелием. Этнографическое изучение скотоводческого хозяйства курдов показывает, что оно сохраняет в себе пережитки архаичных форм общественных отношений, некоторые из которых продолжали существовать и в первые годы Советской власти. Дальнейшее скрупулезное изучение этих архаичных форм позволит выявить пока неизвестные их стороны и одновременно осветить сущность эксплуатации при объединении в общину.

Несомненно, в изучаемый период в хозяйственном быту курдов Восточной Армении значительное место занимали сообщества, основанные на кровно-родственных связях, что объясняется как низким уровнем развития социально-экономических отношений, когда архаичные формы последних переплетались с патриархально-феодальным укладом, так и эффективностью применения этих форм сообществ в хозяйстве.

Пастушество

В курдской действительности сравнительно широкое распространение получило пастушество. Полевые

этнографические материалы выявляют многообразие форм найма пастухов для различных видов и половозрастных групп скота. Этим и объясняется тот факт, что у курдов засвидетельствовано большое количество названий для пастухов—«бәрхван», «шъване пез», «шъване пэзе нер», «шъване пэзе стәвр», «шъване пэзе дошани», «шъване кавьр'а», «голькван», «мозькван», «гаван» и др.

Пастухи нанимались как богатыми скотовладельцами, так и группами скотоводческих семей—сообществами. Наличие богатых скотоводов в среде курдов делало необходимым использование труда наемных пастухов, которые, в качестве платы за труд, получали традиционно установленное количество продуктов, скота, а в некоторых случаях—и деньги.

Между скотовладельцами, с одной стороны, и пастухами, с другой, заключались устные договоры. Достаточно было наличие нескольких почтенных людей при заключении договоров.

Поголовье стада мелкого рогатого скота обычно составляло 400—500 овец. За стадом следили 2 человека: один—опытный пастух и другой—его помощник, который, кстати, был или сыном или родственником пастуха. В курдских обществах члены семей богатых скотоводов самостоятельно вели уход за скотом, поскольку в семье количество совершеннолетних мужчин было достаточным.

Многие богатые курдские семьи, не имея возможности ухода за скотом силами своей семьи, вынуждены были прибегать к найму со стороны, в основном из числа родственников и соседей.

Собранные автором данные свидетельствуют о многообразии форм найма, когда члены семей нанятого пастуха (жена, брат и др.) привлекались к ведению скотоводческого хозяйства богачей. Приведем пример, удостоверяющий этот факт, на хозяйстве богатого скотовода Гусейна Мусая. Усубе Авди и Рашиде Аташ, работавшие в доме Гусейна Мусая, были его племянниками, они работали круглый год и получали плату—по 13 ягнят в год, кроме того, получали различную одежду (белье, поршни), питались в доме у хозяев, и кроме всего этого, их жены также получали в определенном количестве молочные и другие продукты⁷⁹.

Аналогичные данные засвидетельствованы во мно-

тих курдских обществах⁸⁰, хотя и выявляются вариации в оплате труда наемных пастухов. Нередко им давали по 14—15 ягнят и больше ничего⁸¹.

Помимо индивидуального найма пастухов, широкое распространение имела также практика общественного найма. Общественные пастухи нанимались скотоводческими семьями, вовлеченными в объединение общин, как правило, избирались из членов их семей, хотя нередко их нанимали и со стороны.

Чабаны, нанятые на весенне-летний период, за уход за мелким рогатым скотом получали следующую плату: за каждые 20 выпасенных овец пастуху полагался один ягненок, а за 10 овец—один козленок.

Сравнительные материалы свидетельствуют о значительной распространенности в Закавказье⁸² аналогичных систем оплаты наемных пастухов. В некоторых местах пастухи получали также один пуд зерна и один пуд ячменя⁸³. А. А. Калантар упоминает, что некоторые курды давали пастухам (кроме одного ягненка за каждые 20 овец) также «...подарок от хозяина, по 6—7 ледяшек хлеба, некоторые количества мацуна и молока, шерсть от десятка овец в одну стрижку и т. д.»⁸⁴, более того, многие скотоводы давали также сыр⁸⁵.

По сообщению М. Скибинского, пастух дополнительно получал несколько пар поршней и каждый день—хлеб⁸⁶. С. А. Егизаров отмечает, что несмотря на то, что плата пастухов составляет один ягненок за 20 овец, «...но случается так, что вместо ягненка берут зерно или же молоко, или же и то и другое вместе»⁸⁷.

Плата пастухам в осенне-зимний период была почти такой же, что и в весенне-летний период⁸⁸.

Ф. Т. Марков отмечал в 80-х годах XIX в., что курды «за исключением подесятинной платы, которая взимается наличными, все остальные расходы, в том числе и плата пастухам, производится натурой»⁸⁹.

Пастухи, беря на себя заботы по уходу за скотом, обязывались также сохранять скот скотовладельцев от потерь и в установленное время возратить хозяину.

Пастух считался центральным лицом в скотоводческом хозяйстве курдов. Занятие его считалось престижным в особенности у тех групп курдов, которые практиковали полукошевую форму скотоводства. В этом смысле показательно следующее выражение, распространенное среди курдов: «шванти—меранти» (букв.

«пастушество—достоинство», ассоциируемое с понятием «мужская доблесть», «мужество»).

Испокон веков курдские скотоводы ориентировались по солнцу, луне, звездам, по повадкам животных. По этой ориентировке они определяли время доения различных видов скота, время выпаса, время загона скота и т. д.

О глубоких традициях и ценных навыках, выработанных курдами на протяжении веков, свидетельствуют не только данные по народной зоотехнике, но и выведенные и разводимые курдами различные породы мелкого и крупного рогатого скота, народные способы профилактики и лечения скота от различных заболеваний. Знание экстерьерных особенностей разводимых животных позволяло делать искусственный отбор, что способствовало улучшению породного состава скота.

Особый интерес представляют материалы, собранные нами в различных местах, свидетельствующие о весьма рациональных способах стравливания различных категорий пастбищных и выгонных участков различными видами и половозрастными группами скота, что, в определенной мере, способствовало длительному использованию одних и тех же участков, стравливаемых по определенному порядку и в определенной очередности, в зависимости от погодных условий данного года, количества выпасаемого скота, сезонности пастбы⁹⁰. Эти материалы представляют значительную ценность и в практическом отношении, поскольку для дальнейшего развития современного животноводства республики весьма будет полезен опыт и достижения в этой области, накопленные армянским крестьянством и различными этническими группами, в разное время переселившимися и обосновавшимися на территории современной Армянской ССР, в том числе и курдами.

Знание повадок различных видов скота позволяло умело организовать его выпас, обеспечить постоянный нагул, повысить экономическую эффективность выращивания животных. Следует здесь определенным образом отметить, что еще во второй половине XIX- начале XX вв. у курдов встречался исхудалый скот (в особенности после зимнего содержания), случались падежи огромного количества скота, о чем свидетельствуют статистические данные, проявлялась беспомощность в случаях эпизоотии чумы, сибирской язвы, копытной бо-

лезни и др. (хотя и здесь были выработаны ценные народные знания и навыки преимущественно профилактического характера)⁹¹, но все это прежде всего свидетельствовало об общей социально-экономической отсталости населения, а не об отсутствии рациональных, веками выработанных навыков и опыта.

Не случайно, что курдские пастухи среди армян обычно слыли опытными и умелыми знатоками своего дела и нередко нанимались ими для организации выпаса скота на присельских и отдаленных летних пастбищах. Ю. И. Мкртумян приводит в своей работе многочисленные данные, свидетельствующие о практике найма курдских пастухов в армянских селах Араратской долины, Ширака и других историко-культурных районов. Некоторые из них со всем семейством переселялись на время найма в армянские селения, где им предоставлялось жилье⁹².

В фольклоре курдов содержится интересный материал, свидетельствующий о высоком общественном положении пастухов в курдском обществе, в особенности в тех частях Восточной Армении, где наиболее широкое распространение получила полукочевая форма скотоводства, где пастушество считалось престижным занятием. Менее ярко это отражено у традиционно земледельческих групп курдского населения⁹³.

Хотя экипировка курдского пастуха мало отличалась от обычной одежды, тем не менее, некоторые элементы, в особенности пастуший посох занимал видное место в традиционной празднично-обрядовой жизни курдов, что, видимо, свидетельствует о глубоких традициях скотоводческой культуры. Изучение статуса пастуха в курдском обществе проливает свет на многие стороны хозяйственного и общественно-семейного быта курдского населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог всему вышесказанному, можно заключить, что скотоводческое хозяйство курдов Восточной Армении во второй половине XIX- начале XX века характеризовалось целым рядом характерных черт, которые находят объяснение как в этно-культурной истории курдского населения, так и в специфических природно-экологических и социо-культурных условиях исследуемого региона.

На особенности развития хозяйственной жизни курдов наложили отпечаток целый ряд факторов. Во-первых, различные части курдского населения рассматриваемой территории были выходцами из различных мест, к тому же переселились и обосновались здесь в разное время. Это обстоятельство, как показано в работе, наложило свой отпечаток на степень и формы адаптации курдов как в хозяйственном, так и социальном отношениях, что и обусловило наличие и сохранение в течение продолжительного времени целого ряда этно-социального и культурно-бытового своеобразия. Во-вторых, специфические природно-климатические условия Восточной Армении не благоприятствовали круглогодичному пастбищному содержанию скота, обусловившему наличие многих элементов оседлости, которое нередко ускользало от внимания исследователей или же ими умалялось. В-третьих, старинные традиции земледельческого населения, в особенности, среди курдов-езидов, обусловило наличие в хозяйстве практики сенокосения, практики заготовки кормов для скота на зиму, практики стойлового содержания скота в отдельные зимние периоды, что, несомненно, вырабатывало традиции оседлости среди населения.

Анализ годового скотоводческого цикла при ведении скотоводческого хозяйства позволил выделить две основные формы—полукочевую и отгонную. Сравнительный анализ материалов по курдам Восточной Ар-

мени приводит к выводу о сложности и функционировании двух разновидностей полукочевой формы скотоводства. Для первой было характерно круглогодичное пастбищное содержание почти всех видов скота, использование четырех категорий сезонных пастбищ—зимних, весенних, летних и осенних; превалирование мелкого рогатого скота в общем поголовье, значительная амплитуда перекочевов, наличие сенокосения, запасание кормов для скота, приобретенных в обмен на скотоводческие продукты, наличие эпизодического земледельческого хозяйства.

Для второй разновидности полукочевой формы скотоводства также было характерно использование четырех категорий пастбищных участков, определенное сокращение амплитуды перекочевов, значительное увеличение удельного веса крупного рогатого скота при некотором уменьшении общего поголовья всех видов скота по сравнению с предыдущим, наличие постоянно практикуемого земледельческого хозяйства при преобладающей роли скотоводства во всей системе хозяйственной жизни, заметное увеличение оседлости части населения.

В работе выявлены своеобразия годового скотоводческого цикла у курдов Восточной Армении при ведении полукочевой формы скотоводства. Хозяйственный год делился на ряд последовательных циклов, обусловленных сезонным содержанием скота—весенний, летний, осенний и зимний. Выпас скота во все сезоны был пастбищный, только в зимний период иногда сочетался со стойловым содержанием.

Весной перегоняли скот с зимних на ранневесенние пастбища (с начала марта по конец мая). В этот период происходил окот скота и на него приходились заботы о сохранении и выпасе молодняка; летний период (начало июня—конец августа) характерен накоплением продуктов животноводства и откормом скота на горных пастбищах; основу осеннего периода (с сентября до начала ноября) составляла организация случки мелкого рогатого скота и обеспечение откорма животных на соответствующих пастбищах; зимний период содержания скота (середина ноября—конец февраля)—период ухода за стельными животными, выпас на зимних пастбищах. В суровые зимние дни скот переводили на стойловое содержание. Умело используя разнообразные

возможности природно-климатических условий, курды Восточной Армении в течение всего хозяйственного года совершали сезонные переходы с равнинных лугов на предгорные, а оттуда—на альпийские, т. е. применялась система вертикально-зонального выпаса скота.

Исследование показало, что важнейшие события, связанные с содержанием скота (переход с одних сезонных пастбищ на другие, окот, стрижка, доение, случка и др.), сопровождались разнообразными традиционными обрядами и празднествами, характерными для быта и культуры полукучевых курдов. Сравнительный материал показывает, что аналогичные явления были присущи и для курдов, проживающих на территории Грузии и Азербайджана, что дает основание для выявления некоторых общекурдских обычаев и обрядов.

Как в дореволюционной, так и в советской историко-этнографической литературе (работы А. А. Калантара, В. Ф. Каменского, Х. А. Вермишева, А. Авдала, Т. Ф. Аристовой и др.) неоднократно подчеркивалось, что во второй половине XIX- начале XX вв. значительная часть курдов практиковала кочевую форму скотоводства. Собранные этнографические материалы определенным образом показывают, что в условиях Восточной Армении курды к исследуемому периоду практиковали значительные элементы стойлового содержания скота; наличие же сенокосения, а при второй разновидности—земледельческого хозяйства, с постоянными жилыми и хозяйственными комплексами в поселениях, дают основание для определения практиковавшейся формы скотоводства как полукучевой, а не кочевой.

Пространственное распространение указанных двух разновидностей полукучевой формы скотоводства у курдов Восточной Армении выявляет преобладание второй по сравнению с первой, что объясняется целым рядом факторов: старинными земледельческими традициями у курдов, в особенности у езидов, составляющих преобладающую часть курдского населения исследуемого региона; определенным влиянием окружавшего местного армянского населения с глубокими традициями земледельческой культуры; дальнейшим усилением процесса расслоения в курдском обществе, приводившим ко все большему обращению к земледелию; постепенным сокращением пастбищных участков и включением их в земледельческий оборот; определенным влиянием местных природно-экологических усло-

вий Восточной Армении, фактически не позволявших зимнее безстойловое содержание скота, прежде всего крупного рогатого. Все эти факторы в совокупности обуславливали фактическое отсутствие кочевой формы скотоводства у этой части курдского населения.

Формирование и функционирование полукочевой формы скотоводства дает основание считать, что ее следует рассматривать как вполне самостоятельную, существовавшую наряду с другими формами. Хотя, в конечном счете, вследствие последующего прогресса, она, несомненно, должна была преобразовываться в более интенсивную форму.

Исследование выявило функционирование у определенной части курдов Восточной Армении отгонной формы скотоводства.

Сравнительные данные выявляют определенные различия в практиковании данной формы в различных местах. Как и в предыдущем случае, представляется возможным выделить двух разновидностей разнящихся в системе организации содержания скота, в соотношении поголовья различных его видов, масштабах ведения земледельческого хозяйства, уровне оседлости.

Для первой разновидности отгонной формы скотоводства были характерны сочетание пастбищного и стойлового содержания домашних животных, существенное сокращение сезонных переходов, запасание значительного количества сена на зимний период, широкое использование солончаковых участков в ранневесенний и позднесенний периоды, существенное увеличение поголовья крупного рогатого скота, ведение масштабного земледельческого хозяйства, оседлость значительной части населения.

Для второй разновидности отгонной формы скотоводства были характерны двухсезонное использование пастбищных участков, сравнительное сокращение удельного веса всего скотоводческого хозяйства, наличие многоотраслевого хозяйства, значительное превалирование рабочего скота в общем поголовье крупного рогатого скота, прочная оседлость основной части населения. Данная разновидность отгонной формы скотоводства сложилась и функционировала в рамках ведения симбиозного скотоводческо-земледельческого хозяйства.

Годовой скотоводческий цикл значительно разнился у тех групп курдов, которые практиковали данную

форму скотоводства. В одних местах содержание всех видов скота в зимний период осуществлялось в районе основных поселений и в самих поселениях, весной лишь мелкий рогатый скот перегоняли на пастбища, где и получали молодняк, а все остальные виды скота держали вблизи от поселений, на выгонах. Летом весь скот, за исключением рабочего, перегонялся на высокогорные луга, где содержался до конца лета. По сравнению с разнообразностью полукочевого скотоводства, здесь наблюдается сокращение пастбищного сезона; кроме того, на летовки поднимались лишь те члены семьи, которые вели уход за скотом и обрабатывали молоко, а также дети и пожилые люди; все остальное население оставалось в селении.

В других местах отгон на весенние пастбища, как правило, не осуществлялся. Большинство населения использовало лишь летние пастбища. Но зато частью населения практиковался отгон на отдаленные зимние пастбища, преимущественно мелкого рогатого скота. Примечательно, что его практиковали лишь наиболее состоятельные хозяйства, которых в этих группах курдов было сравнительно мало. В этой связи в работе показывается, что имущественное расслоение среди курдов вызвало и определенное разнообразие в практике содержания различных видов скота и сказывалось на уровне оседлости отдельных семей. Так, в преимущественно оседлых группах курдов были семьи или группы семей, которые держали значительное поголовье скота, почему и использовали различные категории пастбищ, как зимних и летних, так и ранневесенних и позднеосенних, т. е. подавляющая часть населения вела одну форму скотоводства, а незначительная — другую. Как видим, социальные параметры накладывают свой отпечаток на характер организации скотоводческого хозяйства.

В работе выявлены скотопрогонные маршруты; масштабы их использования, в известной мере, определяли направления и степень хозяйственно-культурных связей различных этнических групп населения, т. е. становится возможным решить некоторые вопросы этно-культурного взаимодействия.

Здесь на конкретных материалах показывается, что при различных формах скотоводства формируются различные культурно-бытовые элементы, проявляющиеся не только в хозяйственном быту и материальной

культуре, но и общественно-семейном быту и духовной культуре. Становится возможным не только на данных о способах ведения скотоводства, но и на данных материальной культуры и общественного быта дифференцировать практиковавшиеся формы скотоводства.

Интересные результаты получены при изучении сообществ по выпасу скота и статуса пастуха в курдском обществе.

Изучение состава отдельных обществ позволило выявить три основные формы сообществ: общества кровнородственных семей на равных началах, общества кровнородственных и не кровнородственных семей также на равных началах, и общества хозяйств на неравных началах. Эти общества играли значительную роль в хозяйственной жизни курдов рассматриваемого периода, и они проявлялись прежде всего в институте «оба» или «зомэ», создавались они для весеннего, летнего, а иногда и зимнего содержания скота.

При первой форме общества кооперировались семьи, которые имели примерно равное имущественное положение и были кровными родственниками. Существование таких сообществ находило объяснение в значительной живучести патронимических отношений у курдов рассматриваемого периода. Число семей варьировало от 5 до 10, в зависимости от количества кооперируемого скота и площади используемых пастбищ.

При второй форме сообществ кооперировались не только родственники, но и не родственники. Здесь также сохранялось равенство членов «обы», хотя оно уже нередко было формальным, ибо авторитет отдельных членов, в особенности руководителя общины — «оба-баши», был настолько высоким, что часто они решали вопросы, связанные с организацией содержания скота в различные сезоны, с наймом и оплатой труда пастухов и др.

При третьей форме обществ кооперировались состоятельные и сравнительно бедные скотом хозяйства, в этом случае полновластным хозяином общины был богатый, которому выплачивали обусловленную плату натурой (скотом или молочными продуктами) или иногда деньгами. В таких обществах нередко осуществлялась эксплуатация бедных членов, привлекавшихся для различных работ в пользу состоятельного руководителя общины.

В практике курдов были известны и общества, которые создавались обычно осенью, с целью органи-

зации выпаса мелкого рогатого скота, когда основные оба временно распадались до начала весны. Члены таких сообществ совместно несли расходы по найму пастухов и содержанию скота в присельских районах.

Этнографические материалы выявили дифференцированную роль и место пастуха у различных групп курдов, что находилось в прямой связи с характером всего хозяйственного уклада и соотношением скотоводства и земледелия. Значительные вариации выявлены и при рассмотрении форм общественного и индивидуального найма пастухов для различных видов скота, особенности вознаграждения их труда, экипировка и др. Фольклорные материалы, приводимые в работе, характеризуют почетное общественное положение пастуха в обществе, наделяют их высокими добродетелями, хотя и определенным образом выявляются своеобразия, видимо, вызванные характером всего хозяйственного уклада, масштабами ведения скотоводческого хозяйства. Выработанные веками навыки ухода за скотом, в особенности мелкого рогатого, снискали уважение и высокий авторитет курдскому пастуху. Не случайно многие хозяйства армян, например, в различных частях Восточной Армении прибегали к найму пастухов из числа курдов, которые временно поселялись в армянских селах, нередко с семьями, и из года в год выпасали скот на летних и весенне-осенних пастбищах.

На конкретных материалах выявлены природно-экологические и социо-культурные факторы формирования, функционирования и развития основных форм скотоводства у курдов Восточной Армении во второй половине XIX- начале XX вв. Показано, что качественное своеобразие скотоводческого хозяйства курдов было обусловлено определенными физико-географическими, социально-политическими и этно-культурными условиями Восточной Армении, при живучести многих элементов традиционной общекурдской культуры в области скотоводства.

ПРИМЕЧАНИЯ

К введению

- 1 Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии.—Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 248; Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857—1858 г.г.).—Там же, т. 12, с. 724; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.—Там же, т. 21, с. 29; Маркс К. Капитал, т. 1.—Там же, т. 23; Маркс К. Теория прибавочной стоимости.—Там же, 26; Энгельс Ф.—Марксу К.—Там же, т. 35, с. 110; Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. с. 454—459; Ленин В. И. Развитие капитализма в России.—Полн. собр. соч., т. 3.
- 2 Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т.т. I—VII, Тифлис, 1885—1889; Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе, т.т. I—IV, Тифлис, 1887—1899.
- 3 Зелинский С. П. Экономический быт государственных крестьян в Шорагяле Александропольского уезда Эриванской губернии.—МИЭБГКЗК, т. I, Тифлис, 1885; Его же, Экономический быт государственных крестьян в Зангезурском уезде Елисаветопольской губернии.—Там же, т. II, Тифлис, 1888; Ерицов А. Д. Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда Елисаветпольской губернии.—Там же, т. II, Тифлис, 1886; Аргутинский А. М. Экономический быт государственных крестьян Сигнахского уезда Тифлисской губернии.—Там же, т. IV; Вермишев Х. А. Экономический быт государственных крестьян в Ахалцихском и Ахалкалакском уездах Тифлисской губернии.—Там же, т. III, Тифлис, 1886; Деконский А. Г. Экономический быт государственных крестьян в западной части Шаруро-Даралагезского уезда Эриванской губернии.—Там же, т. I, Тифлис, 1885; Его же, Экономический быт государственных крестьян в Шушинском и Джебраильском уездах Елисаветпольской губернии.—Там же, т. IV, Тифлис, 1886; Марков Ф. Т. Экономический быт государственных

- крестьян Эриванского уезда Эриванской губернии.—Там же, т. II, Тифлис, 1886; Никифоров Н. К. Экономический быт государственных крестьян западной части Нахичеванского уезда Эриванской губернии.—Там же, т. I, Тифлис, 1885; Парвицкий А. В. Экономический быт государственных крестьян юго-западной части Новобаязетского уезда Эриванской губернии.—Там же, т. I, Тифлис, 1885; Его же, Экономический быт государственных крестьян северо-западной части Новобаязетского уезда Эриванской губернии.—Там же, т. IV, Тифлис, 1886; Его же, Экономический быт государственных крестьян северо-западной части Шарура и восточной части Даралагеза Эриванской губернии.—Там же, т. IV, Тифлис, 1886; Хан-Агов А. Е. Экономический быт государственных крестьян в Эчмиадзинском и Сурмалинском уездах Эриванской губернии.—Там же, т. III, Тифлис, 1886; Андронников И. З. Скотоводство в Закавказском крае.—СМИЭБГКЗК, т. V, Тифлис, 1888; Бахтадзе И. Л. Кочевники Закавказского края.—Там же, т. III, Тифлис, 1888 и др.
- 4 Свод материалов для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т.т. I—V, Тифлис, 1887—1889.
 - 5 Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 1—46. Тифлис — Махачкала, 1881 — 1929; Известия Кавказского отдела Русского Географического общества, Тифлис, 1872—1917; Записки Кавказского отдела императорского Русского Географического общества, т.т. XIII, XX, XXIII и др., Тифлис, 1881—1891; Калантар А. А. Нужды кавказского скотоводства.—Кавказское сельское хозяйство, 1897, № 161 и др.
 - 6 Эвлия Челеби, Книга путешествия, вып. 3, М.: Наука, 1983; Шопен И. И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи, СПб., 1852; Дандиг Б. М. Русские путешественники на Ближнем Востоке, М.: Мысль, 1965 и др.
 - 7 Егиазаров С. А. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии.—ЗКОИРГО, Тифлис, 1891, т. XIII.
 - 8 Калантар А. А. Состояние скотоводства на Кавказе.—МУКЛЗПИСК, Тифлис, т. II, 1890, с. 1.
 - 9 Там же, с. 2—15.
 - 10 См. работы: Андронников И. З. Скотоводство в Закавказском крае.—МИЭБГКЗК, т. V, Тифлис, 1889; Вермишев Х. А. О скотоводстве на Кавказе в связи с пастбищным вопросом.—МУКЛЗПИСК, т. I, Тифлис, 1887.
 - 11 См. например, Каменский В. Ф. Кейты-Яныхские эйлаги Ново-

- баязетского уезда Эриванской губернии. — МУКЛЗПИСК, т. II, Тифлис, 1889, с. 320.
- 12 Аристова Т. Ф. Курды Закавказья (историко-этнографический очерк), М.: Наука, 1966; Вильчевский О. Л. Курды: введение в этническую историю курдского народа, М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1961; Его же, Мукринские курды.—Переднеазнатский этнографический сборник, т. I, М., 1958; Его же, Экономика курдской кочевой сельскохозяйственной общины Закавказья и прилегающих районов во второй половине XIX века.—СЭ, 1936, № 4—5; Чатоев Х. М. Курды Советской Армении (исторический очерк), Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1965; Արիստով Թ. Գ. Հայաստանի քուրդերի կենցաղը, երկուն, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1957;
 - 13 Аристова Т. Ф. Указ. раб., с. 54—55.
 - 14 Там же, с. 54.
 - 15 Արիստով Թ. Գ., Հայաստանի քուրդերի կենցաղը, էջ 11—17.
 - 16 Чатоев Х. М. Курды Советской Армении, с. 10—24.
 - 17 Там же, с. 10.
 - 18 Алекперов А. К вопросу об изучении культуры курдов.—Труды Азербайджанского ФАН СССР, XXV, Баку, 1936, с. 33—61; Букшпан А. Азербайджанские курды, Баку, 1932.
 - 19 Мамедназаров А. и Аристова Т. Ф. Курды.—В кн. Народы Средней Азии и Казахстана. т. II, М.: Наука, 1963; Мамедназаров А. Курды Туркмении, Ашхабад: Изд-во АН Туркм. ССР, 1963.
 - 20 Курдоев К. К. Курды.—В кн. Народы Передней Азии, М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 242—261; Мела Махмуд Баязиди, Нравы и обычаи курдов, М.: Изд-во восточной литературы, 1963, с. 9—63; Никитин В. П. Курды, М.: Изд-во Прогресс, 1964, с. 96—113, 126—134, 233—238. Примечательно, что в последней из упомянутых работ, есть небольшой раздел о «кочевниках-скотоводах Армении» в аспекте контактов с армянами (с. 132).
 - 21 Махмудов Н. Х. Курдский народ, Ереван: Арм. гос. изд-во, 1959.—На арм. яз.
 - 22 Аширян Ш. Ч. Национально-демократическое движение в Иракском Курдистане, М.: Наука, 1975.
 - 23 Аджие Джинди, Отражение дружбы армянского и курдского народов в фольклоре, Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1965.—На арм. яз.
 - 24 Джахиле Джахил, Восстание курдов 1880 года, М.: Наука, 1966; его же, Курды Османской империи в первой половине XIX века, М.: Наука, 1973.
 - 25 Мгон Ш. Х. Проблема национальной автономии курдского на-

- рода в Иракской республике, Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1977.
- 26 Шамилов А. Ш. К вопросу о феодализме у курдов, Эривань: Армгиз, 1936; его же, Курдский пастух, Ереван, Изд-во Айастан, 1971.—На арм. яз.
 - 27 Халфин Н. А. Борьба за Курдистан, М.: Изд-во восточной литературы, 1963.
 - 28 Акопов Г. Б. Критическая история проблемы происхождения курдов.—Автореферат диссертации, Ереван, 1969.
 - 29 Лазарев М. С. Курдистан и курдская проблема, М.: Изд-во восточной литературы, 1964; его же, Курдский вопрос (1891—1917), М.: Наука, 1972.
 - 30 Бакаев Ч. Х. Язык курдов СССР, М.: Наука, 1973.
 - 31 Чачани К. А. Дружба армянского и курдского народов, Ереван: Изд-во Советакан грох, 1977.—На арм. яз.
 - 32 Смирнов Н. А. Курдская женщина, М., 1927.
 - 33 Эйюби К. Р., Смирнова И. А. Курдский диалект мукри, Л.: Наука, 1968.
 - 34 Марков Г. Е. Кочевники Азии, М.: Изд-во МГУ, 1976; его же, Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология.—СЭ, 1981, № 4; Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувицев, М.: Наука, 1972; Лашук Л. П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов.—СЭ, 1968, № 1; Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана, М.: Наука, 1976; ее же, Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX- начало XX века).—СЭ, 1969, № 3; Еремеев Д. Е. Юрюки, М.: Наука, 1969; его же, Этногенез турок, М.: Наука, 1971; Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии, Тбилиси: Мецниереба, 1979; Оразов А. Хозяйство и культура населения северо-западной Туркмении в конце XIX- начале XX вв., Ашхабад: Ылым, 1972; Мкртумян Ю. И. К изучению форм скотоводства у народов Закавказья.—Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв., М.: Наука, 1971; его же, Формы скотоводства в Восточной Армении.—Армянская этнография и фольклор, т. 6, Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1974; Курылев В. П. Опыт типологии скотоводческого хозяйства казахов.—Проблемы типологии в этнографии, М.: Наука, 1979; Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв., М.: 1982; Бунятов Т. А. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в Эпоху бронзы, Баку: Изд-во АН Азерб. ССР.
 - 35 См. «Советская этнография», 1981, № 4; 1982, №№ 2 и 4.

- 36 Дискуссии и обсуждения. От редакции.—СЭ, 1982, № 4, с. 87.
- 37 Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 8, с. 568; т. 12, с. 733.
- 38 См. Тезисы докладов Конференции молодых научных сотрудников и аспирантов, ч. II, М.: Институт востоковедения АН СССР, 1974; Тезисы Конференции аспирантов и молодых сотрудников, ч. II, М.: Институт востоковедения АН СССР, 1976; Тезисы Конференции аспирантов и молодых научных сотрудников, т. II, ч. I, М.: Институт востоковедения АН СССР, 1978.

К первой главе

- 1 Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество..., с. 83.
- 2 Там же, с. 83—84.
- 3 Там же, с. 84.
- 4 Там же, с. 84—86.
- 5 Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев, с. 72—73.
- 6 Там же, с. 73.
- 7 Курылев В. П. Указ. раб., с. 166—171.
- 8 Там же, с. 170—171.
- 9 Тамамшев А. З. Крупный рогатый скот Армении в прошлом и настоящем, Ереван: Изд-во Армгиз, 1947, с. 17—18.
- 10 Симakov Г. Н. О принципах типологизации скотоводческого хозяйства народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX—начале XX века, с. 69.
- 11 Симakov Г. Н. Указ. раб., с. 71.
- 12 Там же, с. 72—73.
- 13 Шамиладзе В. М. Указ. раб., с. 63—197; Мкртумян Ю. И. К изучению форм скотоводства у народов Закавказья, с. 116—135.
- 14 Мкртумян Ю. И. К изучению форм скотоводства..., с. 121—129.
- 15 Там же, с. 127—128.
- 16 Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства у армян.—Вестник общественных наук АН Арм. ССР, 1968, № 12, с. 49—56.
- 17 Шамиладзе В. М. Указ. раб., с. 63—175.
- 18 Там же, с. 191—192.
- 19 Там же, с. 195.
- 20 Шамиладзе В. М. Указ. раб., с. 191—196.
- 21 См. настоящую работу, с. 10—13.
- 22 Калантар А. А. Алагезские казенные летние пастбища Александропольского и Эчмиадзинского уездов Эриванской губернии.—МУКЛЗПИСК, т. III, Тифлис, 1895; Его же, Задачи и способы исследования скотоводства.—Там же, т. I, Тифлис, 1890; Его же, Нужды кавказского скотоводства.—КСХ, 1897, № 161;

- Его же, Состояние скотоводства на Кавказе.—МУКЛЗПИСК, т. II, Тифлис, 1890; Вермишев Х. А. Джейранчельские казенные зимние пастбища Елисаветпольского и Казахского уездов Елисаветпольской губернии.—МУКЛЗПИСК, т. II, Тифлис, 1890; Вермишев Х. А. Скотоводство на Кавказе в связи с пастбищным вопросом.—МУКЛЗПИСК, т. I, Тифлис, 1887; Его же, Экономический быт государственных крестьян в Ахалцихском и Ахалкалакском уездах Тифлиской губернии.—МИЭБҚЗК, т. III, Тифлис, 1886; Андронников И. З. Указ. раб., с. 157—184; Аргутинский А. М. Указ. раб., с. 195—198; Бахтадзе И. Л. Указ. раб., с. 130—133 и сл.; Егназаров С. А. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии.—ЗҚОИРГО, вып. XIII, ч. II, Тифлис, 1891, с. 21—27 и др.
- 23 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 568.
- 24 Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество..., с. 85—86.
- 25 Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976; Ее же, Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана. (конец XIX- начало XX века).—СЭ, 1969, № 3, с. 44—49; Оразов А. О типах скотоводства в Ахале в конце XIX- начале XX вв.—В кн. «Хозяйственные-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана», М.: Наука, 1975, с. 206—219; Андрианов Б. В. Некоторые замечания о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства.—СЭ, 1982, № 4; Семенов Ю. И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества.—СЭ, 1982, № 2 и др.
- 26 Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении, с. 10.
- 27 Маркарян Э. С. Очерки теории культуры, Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1969, с. 89 и сл.; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса, М.: Наука, 1983, с. 88—142, 212—232; Мелконян Э. Л. Проблемы сравнительного метода в историческом знании, Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1981, с. 102—118.
- 28 Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии, М.: Наука, 1981, с. 81—257.
- 29 Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении, с. 29—63.

Ко второй главе

- 1 Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981, с. 239, 374 и др.; Никитин В. П. Указ. раб., с. 238—268, 295—299; Аристова Т. Ф. Указ. раб., с. 15—49;

- Амине Авдал, Указ. раб., с. 5—14; Вильчевский О. Л. Курды, М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 26—36, 80—86 и сл.
- 2 Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии, с. 10—80, 293—325; его же, Очерки теории этноса, с. 57—85.
- 3 См. Чурсни Г. Ф. Азербайджанские курды.—Известия Кавказского историко-археологического института, т. III, Тифлис, 1925; Миновский В. Ф. История Ширвана и Дербента, М., 1963; Аристова Т. Ф. Указ. раб., с. 42—49; Егназаров С. А. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии и др.
- 4 Там же.
- 5 См., например, Егназаров С. А. Краткий этнографический очерк курдов, с. 14—22.
- 6 Егназаров С. А. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии, с. 10—15; Амине Авдал, Быт курдов Закавказья; Список населенных мест Кавказского края. Эриванская губерния, Тифлис, 1879.
- 7 Аристова Т. Ф. Указ. раб., с. 46.
- 8 Там же, с. 46—47.
- 9 Амине Авдал, Патронимия у курдов Армении в XIX в.—СЭ, 1959, № 6.
- 10 Там же, с. 149—152.
- 11 Марков Г. Е. Кочевники Азии, с. 54—70, 115—135, 140—155 и др.; Лашук Л. П. Опыт типологии этнических общностей, с. 95—105.
- 12 Робакидзе А. И. Патронимия у народов Кавказа, М.: Наука, 1973
- 13 Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении, с. 14—15.
- 14 Тамашев А. З. Крупный рогатый скот Армении..., с. 15—16.
- 15 Мкртумян Ю. И. Указ. раб., с. 14—63.
- 16 Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье.—СА, XXIII, 1955, его же, Ванское царство, М.: Изд-во АН СССР, 1959; Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении, с. 25—65.
- 17 Пиотровский Б. Б. Ванское царство, с. 133.
- 18 Там же, с. 15.
- 19 Джинди Аджие. Отражение дружбы армянского и курдского народов в фольклоре, Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1965.—На арм. яз.; Чачани К. А. Дружба армянского и курдского народов, Ереван: Советакан грох, 1977.—На курд. яз.
- 20 Дарवेशян М. Х. Полевые этнографические материалы, 1974, папка № 1; 1976, папка №№ 1 и 2; 1977, папка № 1.
- 21 Чатоев Х. М. Указ. раб., с. 13; Джахиле Джахил. Курды

Османской империи в первой половине XIX в., М.: Наука, 1973, с. 157, 161.

- 22 См., например, Курдоев К. К. Курды.— В кн. Народы Передней Азии, М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 242—250.
- 23 Джалиле Джалил. Восстание курдов 1880 г., с. 12—13.
- 24 Ср. данные, приводимые в работах: Калантар А. А. Алагезские казенные летние пастбища Александропольского и Эчмиадзинского уездов Эриванской губернии.—МУКЛЗПИСК, т. III, Тифлис, 1895; Его же. Состояние кавказского скотоводства.— Там же, т. II, Тифлис, 1890; Каменский В. В. Кейты-Яныхские эйлаги Новобаязетского уезда Эриванской губернии.— Там же, т. I, Тифлис, 1887; Памятная книжка Эриванской губернии за 1892; 1893; 1902 гг., Тифлис, 1893, 1894, 1903; Обзор Эриванской губернии, Тифлис, 1887—1910; Шопен И. И. Исторический памятник состояния Армянской Области в эпоху ее присоединения к Российской империи, СПб., 1852; Андронников И. З. Указ. раб.; Аргутинский А. М. Указ. раб.; Бахтадзе И. Л. Указ. раб.; Варахии П. С. Летние и зимние пастбища Закавказского края.—СМИЭБГКЗК, т. V, Тифлис, 1888; Гласко А. А. Казенные летние пастбища Мазро-Гюнейского района Новобаязетского уезда Эриванской губернии.—МУКЛЗПИСК, т. II, Тифлис, 1890; Его же. Казенные летние пастбища Тарсачайского и Акстафинского районов Казахского уезда Елисаветпольской губернии.—Там же, т. III, Тифлис, 1895; Вермишев Х. А. О скотоводстве на Кавказе в связи с пастбищным вопросом.—Там же, т. I, Тифлис, 1887; Его же. Экономический быт государственных крестьян в Ахалцхском и Ахалкалакском уездах Тифлисской губернии.—МИЭБГКЗК, т. III, Тифлис, 1886; Деконский А. Г. Экономический быт государственных крестьян в западной части Шаруро-Даралагезского уезда Эриванской губернии.—Там же, т. I, Тифлис, 1885; Зелинский С. П. Экономический быт государственных крестьян в Шорагале Александропольского уезда Эриванской губернии.—Там же, т. I; Марков Ф. Т. Указ. раб. и др.
- 25 Хан-Агов А. Е. Экономический быт государственных крестьян в Эчмиадзинском и Сурмалинском уездах Эриванской губернии.—МИЭБГКЗК, т. IV, Тифлис, 1886; Калантар А. А. Алагезские казенные летние пастбища Александропольского и Эчмиадзинского уездов.—МУКЛЗПИСК, т. III, Тифлис, 1895.
- 26 Калантар А. А. Алагезские казенные летние пастбища..., с. 103.
- 27 Егиазаров С. А. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии, с. 25.
- 28 Там же, с. 25—26.
- 29 Там же, с. 21—22 (разрядка наша—М. Д.).

- 30 Там же, с. 20—21.
- 31 Там же, с. 22. Ценно то, что приводимая в работе С. А. Егиазарова комплексная этнографическая характеристика курдов выявляет региональные особенности и локальные культурно-бытовые черты, что служит основанием для дифференцированной характеристики различных групп курдского населения Эриванской губернии.
- 32 См., например, Марков Г. Е. Кочевники Азии, с. 54, 104—114 и др.; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А., Народы, расы, культуры, М.: Наука, 1971, 196—206.
- 33 Егиазаров С. А. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии, с. 22.
- 34 Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении, с. 14—63.
- 35 Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении, с. 26—60; его же, К изучению форм скотоводства у народов Закавказья, с. 120—130.
- 36 Шамиладзе В. М. Указ. раб., с. 194.
- 37 Там же, с. 192.
- 38 Букшпан А. Указ. раб., с. 29.
- 39 Гагеймстер Ю. А. Новые очерки Закавказья.—Журнал Министерства внутренних дел, 1847, с. 383, ч. 20; Букшпан А. Указ. раб., с. 30.
- 40 Калантар А. А. Алагезские казенные летние пастбища..., с. 41.
- 41 Вильчевский О. Л. Курды, М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 41—42.
- 42 Там же.
- 43 Дарвешян М. Х. Полевые этнографические материалы 1972—1983 гг.
- 44 Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев, с. 44—50.
- 45 Калантар А. А. Состояние скотоводства на Кавказе..., с. 5; Иванов М. Ф. Овцеводство, М., 1933, с. 224; Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении, с. 25.
- 46 Андронников И. З. Указ. раб., с. 188; Калантар А. А. Алагезские казенные летние пастбища..., с. 114.
- 47 Каменский В. Ф. Указ. раб., с. 320—325.
- 48 Дарвешян М. Х. Полевые этнографические материалы, 1975, папка 2, с. 10.
- 49 См., например, Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении, с. 21—23, 71—80; Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии, с. 75—81, 127—135, 176—185, 206—211; Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев, с. 33—48 и др.
- 50 Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении, с. 23—24.

- 51 Дарвешян М. Х. Полевые этнографические материалы. 1975, папка 5.
- 52 Курдские народные сказки, Ереван, Армгиз, 1947 и др.
- 53 Амине Авдал, Указ. раб., с. 85; 105; Аристова Т. Ф. Указ. раб. с. 168—176, 189—203.
- 54 Дарвешян М. Х. Полевые этнографические материалы, 1974, папка № 2, с. 10, 14, 17—18; его же. Некоторые обряды и обычаи курдов Закавказья, связанные с годовым скотоводческим циклом (конец XIX- начало XX вв.).—Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников, ч. I, М., 1976, с. 43—44; его же. *Աղբիւրների քրդերի անասնապահության հետ կապված հավատալիքները. — Ըրարեր հասարակական գիտություններ, 1977, №7, с. 72—83; Шамилов А. III. К вопросу о феодализме у курдов.—Проблемы истории докапиталистических обществ, 1984, № 9—10, с. 114.*
- 55 См., например, Аристова Т. Ф. Указ. раб., с. 198—203.

К третьей главе

- 1 Адонц М. А. Экономическое развитие Восточной Армении, Ереван, 1957; Амбарян А. С. Развитие капиталистических отношений в армянской деревне (1860—1920), Ереван, 1959; Туманян О. Е. Экономическое развитие Армении, ч. I, Ереван, 1954; *Հայ Ժողովրդի պատմություն, հ. 6, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1981, էջ 15—72, 301—330.*
- 2 Дарвешян М. Х. Полевые этнографические материалы, 1973, папки 1—2, папка 3; 1974, папка 1; 1975, папка 1; 1976, папки 1—2 и др.
- 3 Массальский В. И. Очерки южной части Карсской области.—ЗКОИРГО, т. XX, № 1—2, Тифлис, 1887, с. 117.
- 4 Поскольку хозяйственный год курдов начинался с весны, он совпадал с новогодним праздником. Новый год у курдов-мусульман Закавказья (Навроз) по мусульманскому календарю праздновался 21—22 марта. «Навроз» по-персидски означает Новый год. Навроз—это также название цветка, цветущего ранней весной, что является предвестником весны. Амине Авдал. Указ. раб., с. 96; Аристова Т. Ф. Указ. раб., с. 175; Руденко М. Б. Новогодние обрядные празднества у курдов.—Фольклор и этнография.—Л., 1974, с. 119. Празднование Нового года у курдов связывалось с рождением природы (Авдал А. Указ. раб., с. 96—97), и, особенно с окотом мелкого домашнего скота.
- 5 Эти пастбища, известные под названием «գրբ», «агуты», в

отличие от альпийских лугов обладали меньшим растительным покровом и представляли собой маловодную и каменистую местность. Это объяснение дает достаточно оснований для того, чтобы не согласиться с мнением Бакана Ч. о том, что эти т. н. «крер» представляют собой «...горную каменистую местность, лишенной растительности» (Курдско-русский словарь, М., 1957, с. 499).

- 6 Шопен И. Указ. раб., с. 520; Аристова Т. Ф. Указ. раб., с. 54.
- 7 Калантар А. А. Указ. раб., с. 97.
- 8 Варавин П. С. Летние и зимние пастбища Закавказского края.—СМИЭБГКЗК, т. V.—Тифлис, 1888, с. 122.
- 9 Сегаль И. Елисаветпольская губерния.—Кавказский вестник, Тифлис, 1902, № 5, с. 35.
- 10 Шопен И. Указ. раб., с. 44 и далее; Парвицкий А. В. Указ. раб., т. I, с. 329; Бахтадзе И. Л. Указ. раб., с. 79; Калантар А. А. Указ. раб., с. 96; Букшпан А. Указ. раб., с. 21; Мкртумян Ю. И. Указ. раб., с. 126 и далее.
- 11 Калантар А. А. Указ. раб., с. 96.
- 12 Там же, с. 96—97; Варавин П. С. Указ. раб., с. 122.
- 13 Дарвешян М. Х. Полевые этнографические материалы, 1975, папка № 8, с. 35—36.
- 14 Там же, 1974, папка № 7, с. 4—5.
- 15 Там же, 1973, папка № 3, с. 8—10.
- 16 Калантар А. А. Состояние скотоводства на Кавказе, т. III.—Тифлис, 1890, с. 136.
- 17 Егназаров С. А. Исследования по истории учреждений в Закавказье, с. 86.
- 18 Термин «долге» эквивалентен курдскому «варкоз», который состоит из двух слов: вар—место, а коз—внутри шатра.
- 19 Егназаров С. А. Краткий этнографический очерк курдов Восточной Армении, с. 27.
- 20 Там же, с. 24.
- 21 Калантар А. А. Алагезские казенные пастбища, с. 115.
- 22 Егназаров С. А. Указ. раб., с. 24.
- 23 Иванов М. Ф. Овцеводство, с. 355—356.
- 24 Калантар А. А. Указ. раб., с. 134; Зеллинский С. П. Указ. раб., с. 29; Аристова Т. Ф. Указ. раб., с. 54.
- 25 Варавин П. С. Указ. раб., с. 69—70.
- 26 Егназаров С. А. Указ. раб., с. 24.
- 27 Калантар А. А. Указ. раб., с. 130.
- 28 Яйла—тюркское слово, означающее удобная местность для пастбы скота, удобное пастбище, но летнее, обычно высокогорное.
- 29 Калугин И. И. Указ. раб., с. 195—200.

- 30 Дарवेशян М. Полевые этнографические материалы, 1973, папка № 3, с. 11—12.
- 31 Там же, с. 25—26; папка № 4, с. 315.
- 32 Там же, папка № 7, с. 34.
- 33 Егиазаров С. А. Указ. раб., с. 11.
- 34 Дарवेशян М. Полевые этнографические материалы, 1974, папка № 9, с. 68.
- 35 Зелинский С. П. Указ. раб., с. 15.
- 36 Воронов Ю. И. Указ. раб., с. 99.
- 37 Баязиди М. М. Указ. раб., с. 15.
- 38 Массальский В. И. Указ. раб., с. 118.
- 39 Дарवेशян М. Полевые этнографические материалы, 1973, папка № 8, с. 20—21.
- 40 Там же, 1974, папка № 9, с. 32—34.
- 41 Марков Ф. Т. Указ. раб., с. 66, 78.
- 42 Калантар А. А. Указ. раб., с. 98; Каменский В. Ф. Указ. раб., с. 322.
- 43 Дарवेशян М. Полевые этнографические материалы, 1974, папка № 7, с. 31—33.
- 44 Егиазаров С. А. Указ. раб., с. 24.
- 45 См. подробнее V главу настоящей работы.
- 46 Егиазаров С. А. Указ. раб., с. 24.
- 47 Егиазаров С. А. Указ. раб., с. 24; Калантар А. А. Указ. раб., с. 98; Зелинский С. П. Указ. раб., с. 15.
- 48 Муравьев А. Н. Грузия и Армения, ч. I—IV.—СПб, 1848, с. 128.
- 49 Дарवेशян М. Полевые этнографические материалы, 1975, папка № 7, с. 28.
- 50 Лихутин М. Указ. раб., с. 98.
- 51 Егиазаров С. А. Указ. раб., с. 24.
- 52 Каменский В. Ф. Указ. раб., с. 321.
- 53 Егиазаров С. А. Указ. раб., с. 24; Каменский В. Ф. Указ. раб., с. 321.
- 54 Сегаль И. Указ. раб., с. 35—36.
- 55 Варавин П. С. Указ. раб., с. 116.
- 56 Еремеев Д. Е. Юрюки.—М., 1969, с. 33—34; Винников Я. Р. Указ. раб., с. 84—85; Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков, с. 44—45.
- 57 Егиазаров С. А. Указ. раб., с. 25.
- 58 Дарवेशян М. Полевые этнографические материалы, 1971, папка № 7, с. 28—29; папка № 8, с. 31—33.
- 59 Шопен Н. Указ. раб., с. 523; Вильчевский О. Л. Указ. раб., с. 128.
- 60 Несмотря на то, что были случаи, когда курды, обосновавшиеся в Восточной Армении, в первые годы жили зимой в шатрах. Снаружи и внутри его покрывали кошмой (для теплоты).

- 61 Вильчевский О. Л. Указ. раб., с. 124.
- 62 Никитин В. П. Указ. раб., с. 155.
- 63 Егназаров С. А. Указ. раб., с. 12, 24.
- 64 Смирнов К. Н. Указ. раб., с. 309.
- 65 Варавин П. С. Указ. раб., с. 77.
- 66 Эсадзе Б. Указ. раб., с. 2.
- 67 Скибинский М. А. Указ. раб., с. 73.
- 68 Калантар А. А. Состояние скотоводства на Кавказе, с. 106.
- 69 Егназаров С. А. Указ. раб., с. 26.
- 70 Варавин П. С. Указ. раб., с. 128.
- 71 Андронников И. З. Указ. раб., с. 239—240.
- 72 Оплодотворение крупного рогатого скота проходило свободно.
- 73 Баязиди М. М. Указ. раб., с. 6, 43. *Դարկեշան Մ. Խ. Անդր-
կովկասի քրդերի տնտեսական կյանքի և կապիտալիզ-
մի մասին, էջ 76—78.*
- 74 Дарवेशян М. Полевые этнографические материалы, 1973, пап-
ка № 5, с. 10—12.
- 75 Там же, 1974, папка № 7, с. 17.
- 76 Мкртумян Ю. И. Указ. раб., с. 42.
- 77 Дарवेशян М. Полевые этнографические материалы, 1972, пап-
ка № 4, с. 38—40; 1971, папка № 3, с. 30—31.
- 78 Сегаль И. Указ. раб., с. 35.
- 79 Марков Ф. Т. Указ. раб., с. 67—69; Хаг-Агов А. Е. Указ. раб.,
с. 231—232.
- 80 Марков Ф. Т. Указ. раб., с. 67.
- 81 Марков Ф. Т. Указ. раб., с. 79; Егназаров С. А. Исследования
по истории учреждений в Закавказье, с. 194.
- 82 Массальский В. И. Указ. раб., с. 117.
- 83 Эти агылы нельзя смешивать с каменными строениями неболь-
шой высоты, построенными на летовках для доения овец (С.
Егназаров. Указ. раб., с. 21).
- 84 Бочкарев В. П. Указ. раб., с. 433.
- 85 Андронников И. З. Указ. раб., с. 239—240.
- 86 Егназаров С. А. Указ. раб., с. 21; Ф. Т. Марков. Указ. раб.,
с. 79, 116; Янович Ф. С. Очерки Каресской области, с. 145.
- 87 Овчарник—русское слово, означающее в переводе строение с
закрытой крышей, где зимой в стойловый период население
содержало мелкий рогатый скот.
- 88 Овцеводство в Кагизманском округе, с. 3.
- 89 Егназаров С. А. Указ. раб., с. 21.
- 90 Вермишев Х. А. Указ. раб., с. 167.
- 91 Калантар А. А. Указ. раб., с. 125.
- 92 Бочкарев В. Д. Указ. раб., с. 143.
- 93 Шопен И. Указ. раб., с. 520.

- 94 Дарवेशян М. Х. Полевые этнографические материалы, папка № 8, с. 20—24.
- 95 Там же
- 96 Эта взаимная помощь выражалась в различных сферах жизни.
- 97 Егнazarов С. А. Указ. раб., с. 75.
- 98 Бахтадзе И. Л. Указ. раб., с. 21.
- 99 Зелинский С. П. Указ. раб., с. 143.
- 100 См., например, Каменский В. Ф. Указ. раб., с. 322; Шопен И. И. Указ. раб., с. 45.

К четвертой главе

- 1 Дарवेशян М. Х. Полевые этнографические материалы, 1972—1980 гг., папки №№, 1, 2, 3, 4, 5, 6.
- 2 Курдоев К. К. Курды, с. 242—250; Джалиле Джалил. Восстание курдов 1880 года, с. 12—13; Никитин В. П. Курды, с. 101—113 и др.
- 3 См., например, Ամրին Ավդալ. Անդրկովկասյան քրդերի կենցաղը, с. 14—19. Ամրին Ավդալ. Указ. раб., с. 14—15; Аристова Т. Ф. Курды Закавказья, с. 54—55.
- 4 Ամրին Ավդալ, Указ. раб., с. 14—15; Аристова Т. Ф. Курды Закавказья, с. 54—55.
- 5 Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев, с. 73.
- 6 С. А. Егнazarов. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии, с. 22.
- 7 Загурский Л. П. Краткий отчет о поездке в Ахалцыхский уезд в 1872, с. 50; Аверьянов П. И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в XIX столетии, Тифлис, 1900, с. 325.
- 8 Արովյան Խ. Երկերի լիակատար ժողովածու, հ. 8, Երևան, 1958, с. 248—249, 375—376; Քրդահայր.—Մասիս, 1881, № 23—24, с. 18—31; Աթարեհյան Զ. Ոռդման հարցը Երևանի նահանգում.—Արարատ, 1892, № 3, с. 79—80; Սինանյանց Գ. Ազրիջալի վրանարևակները.—Ազրյուր, 1893, № 1, с. 31—34; Հանապարհորդություն շաշատանում և Քուրդիստանում.—Արարատ, 1893, № 3, с. 437, 545; Գիրջեան Ա. Քրդեր.—Խումա, 1903, № 1, с. 95—97; Նույնի, եզրի քրդեր.—Խումա, 1904, № 1, с. 90; Հակոբյան Վ. Տ. Վիճակագրական ցուցադրման Տաճկահայաստանում.—Արարատ, 1914, № 9, с. 808—809; Լալայան Ե. Ա. Քրդեր.—Աղագրական հանդես, դիրք 20, Թիֆլիս, 1910, с. 59:
- 9 Калантар А. А. Алагезские казенные летние пастбища..., с. 88.
- 10 Скибницкий М. А. Карабахские казенные летние пастбища..., с. 37—38; Алекперов А. Указ. раб., с. 35.
- 11 Букшпан А. Указ. раб., с. 16.

- 12 Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении, с. 26—63.
- 13 Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства у армян.—Вестник общественных наук АН Арм. ССР», 1968, № 12, с. 49—56.
- 14 Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства и быт населения в армянской деревне второй половины XIX века.—Советская этнография, 1968, № 4, с. 15—28.
- 15 Шамяладзе В. М. Указ. раб., с. 49—58; Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении, с. 9—12.
- 16 Дарвешян М. Полевые этнографические материалы, 1974, папка № 4, с. 12.
- 17 Там же, 1975, папка № 5, с. 10.
- 18 Калантар А. А. Указ. раб., с. 115.
- 19 Дарвешян М. Полевые этнографические материалы, 1972, папка № 6, с. 21—22.
- 20 Там же, 1973, папка № 3, с. 4.
- 21 Алекперов А. Указ. раб., с. 45.
- 22 Дарвешян М. Полевые этнографические материалы, 1973, папка № 2, с. 32—34.
- 23 Упомянутые материалы нам сообщил доктор филологических наук, профессор Аджие Джинди.
- 24 Поскольку обильный снег препятствовал продвижению кратчайшим путем, то пути перегона скота было большим событием в хозяйственной жизни курдов, он сопровождался рядом обрядов. В этот день пастухам дарили платки, шерстяные носки, сливки и т. д. Подробнее см. *Դարձշան Գ. Խ: Անդր-հովիտի քրդերի տնտեսական կյանքի մասին*, с. 80—81.
- 26 См. соответствующий раздел III главы настоящей работы.
- 27 Гегеймстер Ю. А. Указ. раб., с. 384.
- 28 Калантар А. А. Указ. раб., с. 96—97; Скибницкий М. А. Указ. раб., с. 28, 39, 54.
- 29 Загурский Л. П. Указ. раб., с. 48—49.
- 30 Дарвешян М. Полевые этнографические материалы, 1974, папка № 2, с. 12.
- 31 Калантар А. А. Указ. раб., с. 97; Скибницкий М. А. Указ. раб., с. 54.
- 32 Букшпан А. Указ. раб., с. 19—20; Аристова Т. Ф. Указ. раб., с. 54.
- 33 Хачатуров К. Курды, черты их характера и быта, с. 69.
- 34 Девизкий В. Указ. раб., с. 114.
- 35 Калантар А. А. Указ. раб., с. 97—98.
- 36 Пчелина Е. Указ. раб., с. 118.
- 37 Варавин П. С. Указ. раб., с. 73.

- 38 Дарвешян М. Полевые этнографические материалы, 1974, папка № 7, с. 25—27.
- 39 Егназаров С. А. Указ. раб., с. 12; Зелинский С. П. Указ. раб., с. 28; Калантар А. А. Указ. раб., с. 71.
- 40 Дарвешян М. Полевые этнографические материалы, 1973, папка № 3, с. 38—45.
- 41 Скибницкий М. Указ. раб., с. 28, 36, 37.
- 42 Букшпан А. Указ. раб., с. 11, 19; Алекперов А. Указ. раб., с. 37.
- 43 Дарвешян М. Полевые этнографические материалы, 1975, папка № 2, с. 5.
- 44 Никитин В. П. Указ. раб., с. 96.
- 45 Букшпан А. Указ. раб., с. 19—20.
- 46 Там же, с. 20; Аристова Т. Ф. Указ. раб., с. 54.
- 47 Аристова Т. Ф. Указ. раб., с. 53—55; Чатоев Х. М. Указ. раб., с. 10—11; Дарвешян М. Х. Полевые этнографические материалы, 1975, папка № 2, с. 15—20; 1977, папка № 1, с. 5—7; 1978, папка № 2, с. 25—28; Никитин В. П. Указ. раб., с. 96—97.
- 48 Чатоев Х. М. Указ. раб., с. 10.
- 49 Маршруты курдов Восточной Армении, как правило, проходили преимущественно по территории в границах нынешней Армянской ССР.
- 50 Никитин В. П. Указ. раб., с. 96; Дарвешян М. Х. Полевые этнографические материалы, 1975, папка № 2, с. 15—20; 1977, папка № 1, с. 5—7; 1978, папка № 2, с. 25—28 и др.
- 51 Каменский В. Ф. Указ. раб., с. 302—307.
- 52 Калантар А. А. Указ. раб., с. 97.
- 53 Дарвешян М. Полевые этнографические материалы, 1973, папка № 9, с. 15.
- 54 Там же, папка № 2, с. 12.
- 55 Скибницкий М. А. Указ. раб., с. 71.
- 56 Дарвешян М. Полевые этнографические материалы, 1974, папка № 2, с. 12—14.
- 57 Варавин П. С. Указ. раб., с. 129.
- 58 Дарвешян М. Полевые этнографические материалы, 1974, папка № 6, с. 27—29.
- 59 Там же, папка № 7, с. 12—14.
- 60 Там же, 1971, папка № 1, с. 28; папка № 3, с. 53.
- 61 Там же, 1974, папка № 6, с. 19; папка № 2, с. 36.
- 62 Егназаров С. А. Указ. раб., с. 21.
- 63 Дарвешян М. Полевые этнографические материалы, 1973, папка № 2, с. 12.
- 64 Там же, папка № 5, с. 39—40.
- 65 Скибницкий М. А. Указ. раб., с. 71.
- 66 Егназаров С. А. Указ. раб., с. 22.

- 67 Калантар А. А. Указ. раб., с. 71.
- 68 Массальский В. И. Указ. раб., с. 117—120.
- 69 Аристова Т. Ф. Указ. раб., с. 94.
- 70 Пчелина Е. Указ. раб., с. 112.
- 71 Корсун Н. Г. Арабский Восток, с. 153.
- 72 Аристова Т. Ф. Указ. раб., с. 93; Подобные материалы имеются у Амине Авдала (Быт курдов Закавказья, с. 99).
- 73 Аристова Т. Ф. Указ. раб., с. 93; Народы Средней Азии и Казахстана, т. II, с. 654.
- 74 Аристова Т. Ф. Указ. раб., с. 94.
- 75 Там же.
- 76 Народы Средней Азии и Казахстана, т. II, с. 654.
- 77 Аристова Т. Ф. Указ. раб., с. 94; Пчелина Е. Указ. раб., с. 112; Амине Авдал. Указ. раб., с. 99.
- 78 Баязиди М. М. Указ. раб., с. 25.
- 79 Дарвешян М. Полевые этнографические материалы, 1971, папка № 4, с. 12.
- 80 См. гл. V настоящей работы.
- 81 Хан-Агов А. Е. Указ. раб., с. 131.
- 82 Андронников И. З. Указ. раб., с. 239.
- 83 Баязиди М. М. Указ. раб., с. 43.
- 84 Овцеводство в Кагизманском округе, с. 2—3. См. также *Գարգիշ-լան Մ. Խ. Անդրկովկասի քրդերի անասնապահության հետ կապված զավատիրենքը*, с. 78—79.
- 85 Жертвовали также скотоводы, не имеющие чаш и бус. Чаши брали у имущих, взамен дарили матерью, масло, сыр.
- 86 Народы Кавказа, т. II, М.: Наука, 1962; Народы Передней Азии, М.: Наука, 1957; Аристова Т. Ф. Указ. раб., с. 168—175.
- 87 Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры, М.: Наука, 1971, с. 164—222.
- 88 Аристова Т. Ф. Курды Закавказья, с. 54.
- 89 Там же, с. 54—55.
- 90 *Արին Ավաշ. Անդրկովկասի քրդերի կենցաղը*, с. 14—15; его же. Родственные отношения у курдов, Ереван, 1965, с. 9—13 (на курд. яз.).

К пятой главе

- 1 Адонц М. А. Экономическое развитие Восточной Армении, с. 78—95.
- 2 Зелгиский С. П. Экономический быт государственных крестьян в Шорагале Александропольского уезда Эриванской губернии.—МИЭБТКЗК, т. I, с. 48.

- 3 Каменский В. Ф. Кейты-Яныхские яйлаги Новобаязетского уезда.—МУКЛЗПИСК, т. I, Тифлис, 1887, с. 301—407.
- 4 Парвицкий А. В. Экономический быт государственных крестьян юго-западной части Новобаязетского уезда Эриванской губернии.—МИЭБТКЗК, т. II, Тифлис, 1885, с. 331.
- 5 Бахтадзе И. Л. Кочевники Закавказского края.—МИЭБТКЗК, т. III, Тифлис, 1888, с. 65—135.
- 6 Варавин П. С. Летние и зимние пастбища Закавказского края.—МИЭБТКЗК, т. V, Тифлис, 1888, с. 127.
- 7 Егназаров С. А. Исследования по истории учреждений в Закавказье. Сельская община, ч. I, Казань, 1889, с. 185—198; Его же, Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии.—ЗКОИРГО, кн. XIII, вып. II, Тифлис, 1891, с. 18—24.
- 8 Калантар А. А. Алагезские казенные летние пастбища Александропольского и Эчмиадзинского уездов Эриванской губернии.—МИЭБТКЗК, ч. II, Тифлис, 1895, с. 88—93.
- 9 Хан-Агов А. Е. Экономический быт государственных крестьян в Эчмиадзинском и Сурмалинском уездах Эриванской губернии.—МИЭБТКЗК, т. III, Тифлис, 1886, с. 304—305.
- 10 Ростопчин Ф. Б. Заметки о курдах.—БПСВ, Ташкент, 1932, №№ 13—14, с. 83—89.
- 11 Акопов Г. Б. К вопросу о национальной консолидации курдов в Иране.—Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М., 1952, с. 8, 14.
- 12 Шамилов А. Ш. К вопросу о феодализме курдов.—ПИДО, 1934, №№ 9—10, с. 115—116.
- 13 Вильчевский О. Л. Экономика курдской кочевой сельскохозяйственной общины Закавказья и прилегающих районов во второй половине XIX в.—«Советская этнография», 1936, №№ 4—5, с. 143—153; Мукринские курды.—«Переднеазиатский этнографический сборник», ч. I, М., 1958, (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая.—Новая серия, т. XXXIX, с. 193).
- 14 Калавеш А. И. (Салахов). Аграрные отношения в Иранском Курдистане. Автореферат, Баку, 1964, с. 5.
- 15 Чатоев Х. М. Курды Советской Армении.—Ереван, 1965, с. 21—22.
- 16 Авдал Амине. Родственные отношения у курдов.—Ереван, 1965, с. 14—18.
- 17 Аристова Т. Ф. Очерк культуры и быта курдских крестьян Ирана.—«Переднеазиатский этнографический сборник», ч. I, М., 1958, с. 232; Курды Закавказья, М., 1966, с. 55—56.
- 18 Джалил Джалиле. Курды Османской империи в первой половине XIX века.—М., 1973, с. 43.

- 19 Аширян Ш. Ч. Национальное демократическое движение в Иракском Курдистане, 1961—1968 гг., М., 1975, с. 37—38.
- 20 Марков Г. Е. Кочевники Азии.—Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук, М., 1966, с. 803—810, 823.
- 21 Вильчевский О. Л. Экономика курдской кочевой сельскохозяйственной общины Закавказья и прилегающих районов во второй половине XIX в., с. 145—153.
- 22 Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов.—Сухуми, 1973, с. 64—74; Каракашлы К. Т. Матерьяльная культура азербайджанцев северо-восточной и центральной зон Малого Кавказа.—Баку, 1964, с. 43—46; Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении, с. 64—71; Шаманов И. М. Скотоводство и хозяйственный быт Карачаевцев в XIX—начале XX вв.—«Кавказский этнографический сборник», М., 1972, № 5, с. 84, 86.
- 23 Еремеев Д. Е. Юрюки.—М., 1969, с. 33, 75—77, 85—86; Трубецкой В. В. Бахтары.—М., 1964, с. 104, 141—146.
- 24 Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и организации Северобалханских туркмен в конце XIX—начале XX вв.—«Вестник Московского университета (Историко-филологическая серия)», 1958, № 4, с. 173—174; Винников Я. Р. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР.—М., 1969, с. 84, 97; Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи.—Л., 1971, с. 74, 155—211; Оразов А. Хозяйство и основные черты общественной организации у скотоводов Западной Туркмении в конце XIX—начале XX вв.—«Конгресс антропологических и этнографических наук», М., 1964, с. 8; Оразов А. Хозяйство и культура населения Северозападной Туркмении в конце XIX—начале XX вв.—Ашхабад, 1972, с. 61, 64—65.
- 25 Оба—тюркское слово, обозначающее временное объединение скотоводческих семей.
- 26 Егнazarов С. А. Административно-экономический строй сельской общины в Эриванской губернии.—МИЭБТКЗК, Тифлис, 1887, с. 157; Бахтадзе И. Л. Кочевники Закавказского края.—МИЭБТКЗК, с. 75.
- 27 Вильчевский О. Л. Экономика курдской кочевой сельскохозяйственной общины Закавказья и прилегающих районов во второй половине XIX в., с. 143.
- 28 Егнazarов С. А. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии, с. 19.
- 29 Вильчевский О. Л. Указ. раб., с. 143.
- 30 Аристова Т. Ф. Курды Закавказья, с. 46; Таблица расселения

- курдов Армении (конец XIX века) по родо-племенному признаку, с. 47.
- 31 Дарвешян М. Полевые этнографические материалы, 1972, Таллинский район, папка № 4, с. 4—5. Все полевые материалы записаны автором.
 - 32 Дарвешян М. Полевые этнографические материалы, 1972, Арагацский район, папка № 4, с. 26.
 - 33 Там же, с. 20.
 - 34 Там же, с. 24.
 - 35 Дарвешян М. Полевые этнографические материалы, 1972. Арагацский район, папка № 2, с. 21.
 - 36 Там же, с. 26.
 - 37 Там же, с. 28.
 - 38 Авдал Амине. Родственные отношения у курдов, с. 18.
 - 39 Егиазаров С. А. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии, с. 199.
 - 40 Баязиди Мела Махмуд. Нравы и обычаи курдов.—М., 1963, с. 13.
 - 41 Дарвешян М. Полевые этнографические материалы, Арташатский район, 1972, папка № 4, с. 23—26.
 - 42 Там же, Таллинский район, 1972, папка № 2, с. 35—38.
 - 43 Там же, Арагацский район, 1972, папка № 3, с. 24—25.
 - 44 Аналогичные материалы для сравнительного анализа приводит и Аристова Т. Ф. по курдам различных районов Азербайджана (см. Аристова Т. Ф. Указ. раб., с. 54).
 - 45 Հայերէնի Ն. Ս. Սոփոյանի Հայաստանի քրդերը, Երևան, 1957, էջ 4.
 - 46 Егиазаров С. А. Административно-экономический строй сельской общины в Эриванской губернии, с. 84.
 - 47 См. Хан-Агов А. Е. Экономический быт государственных крестьян в Эчмиадзинском и Сурмалинском уездах Эриванской губернии, с. 304; Калантар А. А. Алагезские казенные летние пастбища Александропольского и Эчмиадзинского уездов Эриванской губернии, с. 234; Вильчевский О. Л. Экономика курдской кочевой сельскохозяйственной общины Закавказья и прилегающих районов во второй половине XIX в., с. 70.
 - 48 Абелов Н. А. Экономический быт государственных крестьян Геокчайского и Шемахинского уездов Бакинской губернии.—МИЭБТКЗК, т. VI, Тифлис, 1889, с. 108—109.
 - 49 Мкртумян Ю. И. Некоторые формы сообщества в армянской деревне.—«Историко-филологический журнал» АН Арм. ССР, 1967, № 4, с. 285—287; См. также Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов, с. 79; Шаманов И. М. Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX—начале XX вв., с. 85, 86; Кобычев В. П. Указ. раб., с. 32; Каракашлы

- К. Т. Указ. раб., с. 43—46; Оразов А. Хозяйство и основные черты общественной организации у скотоводов Западной Туркмении в конце XIX- начале XX вв., с. 64—65.
- 50 Егiazаров С. А. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии, с. 206; Бахтадзе И. Л. Кочевники Закавказского края, с. 98.
- 51 Дарवेशян М. Полевые этнографические материалы, 1971, Абовянский район, папка № 1, с. 4—5.
- 52 Дарवेशян М. Полевые этнографические материалы, 2971, Абовянский район, папка № 1, с. 4—5.
- 53 Там же, 1972, Талинский район, папка № 4, с. 7.
- 54 Там же, 1973, Эчмиадзинский район, папка № 7, с. 18.
- 55 Там же, с. 25.
- 56 Дарवेशян М. Полевые этнографические материалы, 1973, Эчмиадзинский район, папка № 5, с. 10—13.
- 57 См. Парвицкий А. В. Экономический быт государственных крестьян юго-западной части Новобаязетского уезда Эриванской губернии, с. 328—341; Информатор из деревни Байсз Худоз Амо рассказывает, что их было 6 братьев. Глава семьи — старейшина Амо, который на основе норм обычного права проводил разделение труда, сам со старшим сыном занимался хозяйственными делами, другие два брата выезжали на временные заработки в Тифлис (с начала мая до конца ноября), остальные два брата ухаживали за овцами, а средний брат был пастухом в деревне Талыш нынешнего Аштаракского района и осенью возвращался с заработком — «маленьким стадом».

Полевые работы выполняли все совершеннолетние члены семьи (См. М. Дарवेशян, Полевые этнографические материалы, 1972, Талинский район, папка № 4, с. 27; Кстати, часто армянские сельские общины предоставляли местожительство многим курдским семьям, которые долгое время пастушествовали в этих деревнях (См. Ю. И. Мкртумян. Формы скотоводства в Восточной Армении, с. 66—67). Между ними устанавливались добрососедские отношения, становившиеся гарантией для постоянного поселения некоторых курдских семей в этих деревнях. Ю. И. Мкртумян, исследуя формы семейного выпаса скота в армянской деревне Восточной Армении рассматриваемый период, выделил целый ряд сходных элементов при создании и функционировании товариществ по организации совместного содержания скота на различных сезонных пастбищных участках. Это обстоятельство, думается, объясняется двумя факторами: во-первых, специфика ведения скотоводческого хозяйства требовала кооперации усилий раз-

личных хозяйств; во-вторых, характер межэтнических контактов способствовал выработке аналогичных способов организации хозяйственной жизни.

58 Егиазаров С. А. Административно-экономический строй сельской общины в Эриванской губернии, с. 82.

59 См. Калавеш (Салахов) А. И. Аграрные отношения в Иранском Курдистане. Автореферат, с. 5; Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении, с. 67.

60 Члены обы, как правило, наносили на все поголовье скота свои фамильные метки, с тем, чтобы при составлении общего стада не перепутали скот. В особенности это касалось мелкого рогатого скота, поголовье которого достигало тысячи и больше. Метки наносили двумя основными способами: выжиганием (известным у курдов под названием «дагкрэн») и прорезыванием ушей (известным под названием «друф»). Формы меток при выжигании были различны: квадратной формы, прямоугольной формы, округлой формы, в виде полосок (одна полоса, две полосы, три полосы, наносимых либо параллельно либо перекрестно. Формы таких меток назывались: «шывьк даг'», «дö даг'», «се даг'», «ник», «шишьяк» и др.

При прорезывании ушей формы меток были следующие: «кэрт кьри» (отсечение кончика уха, либо правого, либо левого), «кэм кьри» (прорезывание уха стрелкой, либо правого, либо левого), «кьлч'ьк кьри — нивки», (полукруглое отсечение с передней или задней стороны уха) и др. Примечательно, что различные формы комбинировались отдельными хозяйствами, что создавало большие вариации в системе меток. Другая особенность, в том, что были и метки, которые состояли из начальных букв имени и фамилии скотовладельца, изготовлявшиеся кузнецами по заказу.

О значении меток в быту курдов свидетельствуют и такие поговорки и заклинания, подобные: «мала бе даг' у дөрöф, умэ, пэзе бе даг' у дөрöф не йа хвэйанэ» («скотина без меток не может иметь хозяина, не может иметь покровителя»), «хмэдэ даг'а тэ бьелнэ», (курд. «да уничтожит бог твою метку») или «даг'а мын агьр дэрк'ет» (курд. «да лишит бог твою тамгу огня») и др. Последние два заклинания, по представлениям, курдов должны были принести неудачу хозяйству, погубить скотину, принести несчастье. Подробнее см. Дарвешян М. Х. Полевые этнографические материалы, 1976, папка № 1, с. 15—18; 1978, папка № 2, с. 26—32; 1981, папка № 1, с. 5—9; Авдал Амине. Родственные отношения у курдов, с. 19.

61 Шамилов А. Ш. Курдский пастух, Ереван, 1971, с. 45.

- 62 Вильчевский О. Л. Экономика курдской кочевой сельскохозяйственной общины Закавказья и прилегающих районов во второй половине XIX в., с. 143; Еремеев Д. Е. Юрюки, с. 76.
- 63 Шамилов А. Ш. Указ. раб., с. 45.
- 64 Вильчевский О. Л. Указ. раб., с. 145.
- 65 Там же, с. 147.
- 66 В данном случае зимовник означает «поселение». Это слово имеет двойное значение: а) зимовник как деревня-поселение, где население зимовало, а летом часть населения со скотом кочевала или все же население поднималось на эйлаг, оставляя охрану селения на сторожей; б) под зимовником понималось место пастбы мелкого рогатого скота.
- 67 Калантар А. А. Алагезские казенные летние пастбища Александропольского и Эчмиадзинского уездов Эриванской губернии, с. 87.
- 68 Егиазаров С. А. Административно-экономический строй сельской общины в Эриванской губернии, с. 86.
- 69 Там же, с. 83.
- 70 Калантар А. А. Алагезские казенные летние пастбища Александропольского и Эчмиадзинского уездов Эриванской губернии, с. 103.
- 71 Егиазаров С. А. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии, с. 45.
- 72 Дарвешян М. Полевые этнографические материалы, 1971. Абовянский район, папка № 1, с. 7.
- 73 ЦГИА Армянской ССР, ф. 133, д. 2408, л. 182.—Цит. по соч. Х. М. Чатоева. Курды Советской Армении, Ереван, 1965, с. 22.
- 74 Калантар А. А. Алагезские казенные летние пастбища Александропольского и Эчмиадзинского уездов Эриванской губернии, с. 89.
- 75 Егиазаров С. А. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии, с. 181.
- 76 Курды-колхозники, живущие ныне в Араратской долине, поручают своих овец чабанам, последние, объединяя скот нескольких деревень, составляют общее стадо, которое пасут на осенних пастбищах.
- 77 Поскольку ранне-весенний выгон был скудным, после зимних трудностей количество скота уменьшалось, скот истощался, составлялись сравнительно небольшие стада, чтобы можно было легко находить корм. Осенью же составлялись крупные стада по той причине, что выгоны (особенно пустоши) были богаты кормом.
- 78 Примечательно, что и в 1920—1930-ых годах среди курдов еще сохранялась плата натурой—ягнятами, однако, впоследствии

- ствии, вплоть до настоящего времени, стали платить деньгами, причем в различных местах плата разная—от одного рубля до двух.
- 79 Дарвешян М. Полевые этнографические материалы, 1970, папка № 2, с. 15—19.
- 80 Там же, папка № 3, с. 17—18.
- 81 Там же, папка № 4, с. 11.
- 82 Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении, с. 76.
- 83 Дарвешян М. Полевые этнографические материалы, 1971, папка № 3, с. 12—14.
- 84 Калантар А. А. Состояние скотоводства на Кавказе, с. 141.
- 85 Там же.
- 86 Скибницкий М. А. Указ. раб., с. 66—67.
- 87 Егиазаров С. А. Исследования по истории учреждений в Закавказье. Сельская община, с. 191.
- 88 Андронников И. З. Указ. раб., с. 242.
- 89 Марков Ф. Т. Указ. раб., с. 66.
- 90 Дарвешян М. Х. Полевые этнографические материалы, 1972, папка № 1; 1973, папки №№ 1 и 2; 1976, папка № 1 и др.
- 91 Дарвешян М. Х. Полевые этнографические материалы за 1972—1983 гг.
- 92 Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении, стр. 76—80.
- 93 Дарвешян М. Х. Полевые этнографические материалы, 1975, папка № 5.

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абовянский район—59, 102.
 Агадава—80.
 Агагчи—81.
 Агджагала (Неркин Базма-
 берд)—81.
 Агджикенд—103.
 Адиаман—81.
 Аджарская АССР—83, 112.
 Азербайджан—12, 31, 39, 40,
 62, 66, 75, 81, 98, 101, 116.
 Азербайджанская ССР—78, 84,
 85, 103.
 Азербайджанцы—88.
 Азизинли—35.
 Айла-Миджо—78.
 Акунк—81.
 Александропольский уезд—29,
 36, 37.
 Алиинли—35.
 Аманчаир—78.
 Апаран—38, 79, 82.
 Апаранский район—38.
 Арагац (Алагяз)—55, 59, 80,
 81, 83, 99.
 Арагацотн—38, 76.
 Арагацкий район—78, 80,
 82—84, 109.
 Аракс—61, 65, 79, 83.
 Араратская равнина (доли-
 на)—30, 53, 55, 76, 83, 108,
 109, 113.
 Арешский уезд—80.
 Армяне—30, 68, 74, 76.
 Армения—7, 21, 28, 29, 106,
 109.

Армянская ССР—28, 38, 102,
 112.
 Армянское нагорье—30—32,
 108.
 Арпачай—65, 79, 83.
 Арцах—76.
 Асланлу—80.
 Аштаракский район—38, 78,
 82, 105.

Бабаянли—35.
 Багарак—55.
 Башез (Байез)—35, 59, 61, 78,
 79, 82, 84, 98, 100.
 Безики—35.
 Ближний Восток—28.
 Боши Айвалу (Цахкунк)—103.
 Бури—65.

Вайоц-дзор—76.
 Верхний Талиш—81, 82.
 Восточная Армения—5—10, 12,
 15, 17, 24, 26—34, 37—40,
 50—53, 59, 67, 69, 77, 84—
 86, 88, 90—95, 109, 113,
 114, 117, 120.

Гагурчинцы—55.
 Гарни—55, 59.
 Гаспили—35.
 Гегамские горы—55, 59, 103;
 108, 142, 150.
 Гелоянли—35.
 Гехаркуник—76.
 Грузия—12, 22, 31, 39, 75, 116.

Гурубогаз—82—84.

Гялтури—35.

Дашкесан—55.

Джавахк—76.

Джалали—35.

Джамандинли—35.

Джарджарис (Дерик)—82, 84, 98.

Джебранльскый уезд—80.

Джууки—35.

Дилхеранли—35, 65.

Длхеран—65.

Дотки—29.

Евфрат—62.

Елисаветпольская губерния—55.

Ереван—55.

Закавказскый край—8—10, 34.

Закавказье—8—10, 20, 23, 31, 66, 74, 86, 92, 93, 111.

Зангезур—53.

Зангезурскый уезд—68, 80, 93, 108.

Зангеланскый район—78, 84.

Западная Армения—78, 100.

Зар—102.

Зор—78, 80.

Зукури—29.

Игдир—55.

Ирак—12.

Иран—28, 86.

Иранскый Курдистан—12, 73, 104.

Кавказ—8—10, 17, 30, 88, 95, 96.

Кавказскый край—28.

Кагызман—78.

Какавадзор (Ешил)—79, 81.

Карабах—75.

Каракерт—78.

146

Карвансара (Амре таза)—80, 108, 112, 113.

Карсская область—78, 80, 84, 106, 107.

Кахаберская долина—59.

Кахетия—39.

Козылджи—106.

Кондагсаз (Рйа таза)—75, 80, 82.

Корбулаг—80, 82, 84, 100, 108.

Косасогутлу—107, 108.

Кубатлынский район—78.

Кур—79.

Курдистан—27.

Курдскый Памб—98, 100, 109.

Курды—5—22, 26—29, 33, 34, 36—39, 50, 65—70, 78—83, 86, 94, 108—112.

Курды-езиды—33, 65.

Курды-мусульмане—55, 65, 82.

Курды-суиниты—59.

Кучак—79.

Кялбаджарскый район—40, 75, 78, 80, 84, 103.

Лачинскый район—75, 78, 84, 103.

Лори—76.

Малые Джамушлы—80.

Мандки—29.

Масисскый район—65.

Мастара—81.

Миланли—35.

Мильская степь—55, 61, 66, 78.

Мшикенд—103.

Мирак—80, 82, 100.

Морхли—78.

Муганская степь—55, 61, 66, 78.

Муш—59.

Нахичеванскый уезд—29.

Нижняя Қартли—39.

Новобаязетский уезд—29.

Октябрьянский район—59, 78.
103.

Ортли—29.

Ошакан—82.

Передняя Азия—5, 17, 88, 96.

Персия—96.

Пивази—29.

Радикли—29, 55.

Радикли малые—35, 59, 65.

Радикли большие—35, 59, 65.

Радикли муртубу—35.

Разданский район—82.

Рамоши—29.

Рошки—29.

Россия—28, 33.

Сабунчи—81.

Сакарли—35.

Сангяр—82.

Сардарпат—103.

Сипки—29, 35.

Сирия—12.

Сичанлу—78, 79, 84, 98.

Сорик—81.

Средняя Азия—96.

СССР—12.

Стурки—29.

Сурмалинский уезд—29, 34,

35, 59, 80, 100, 102, 103.

Сюник—76.

Тавуш—76.

Талинский район—38, 55, 59,
61, 66, 78, 81, 82, 84.

Талыш—79, 103.

Тандурак—35.

Тегенис—82.

Тигр—62.

Тифлис—104.

Тркашен—78.

Турецкий Курдистан—73.

Туркмения—12, 85, 86.

Турция—28, 29, 33.

Хонешенская равнина—55.

Чингил—80.

Чобанмаз—84, 98.

Чорохская долина—59.

Чухраши—29.

Шамирам—82, 106, 109.

Шаруро-Даралагязский уезд—
29.

Шаруканли—35.

Ширак—37, 38, 53, 76, 113.

Ширной—78.

Эриванская губерния—9—11,
34—36, 96.

Эриванский уезд—29, 83.

Эчмиадзинский район—103.

Эчмиадзинский уезд—29, 34,
35, 59.

Южный Кавказ—28.

Южный Курдистан—12.

Рис. 1.

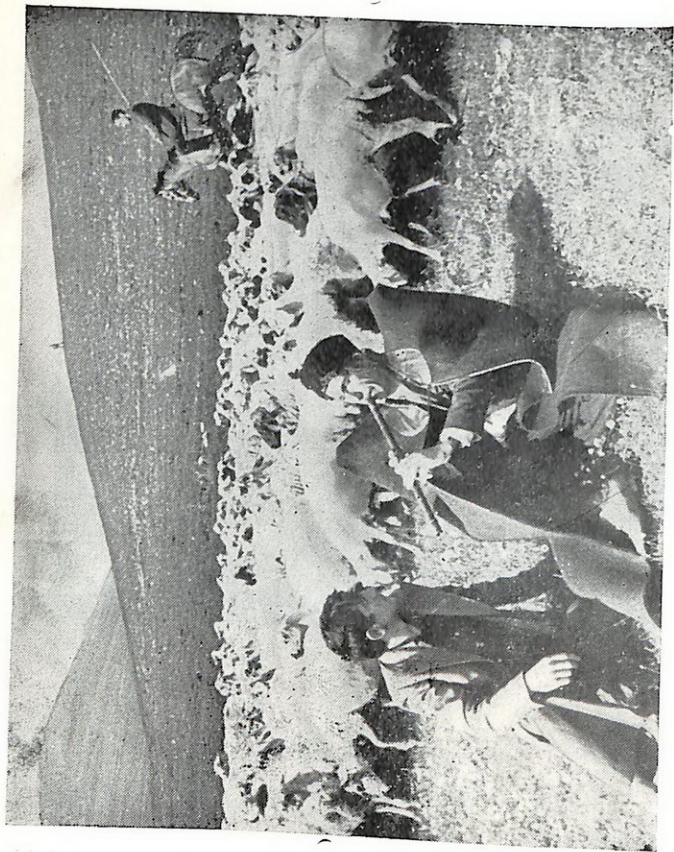

Рис. 1.— 2. Курдские пастухи в традиционной экипировке.

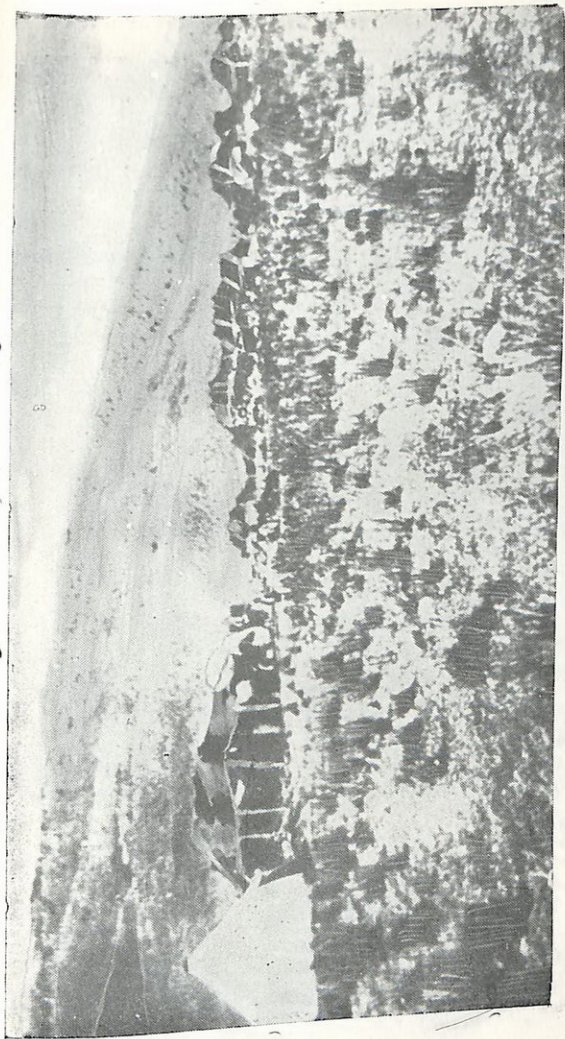

Рис. 3. Летние шатры.

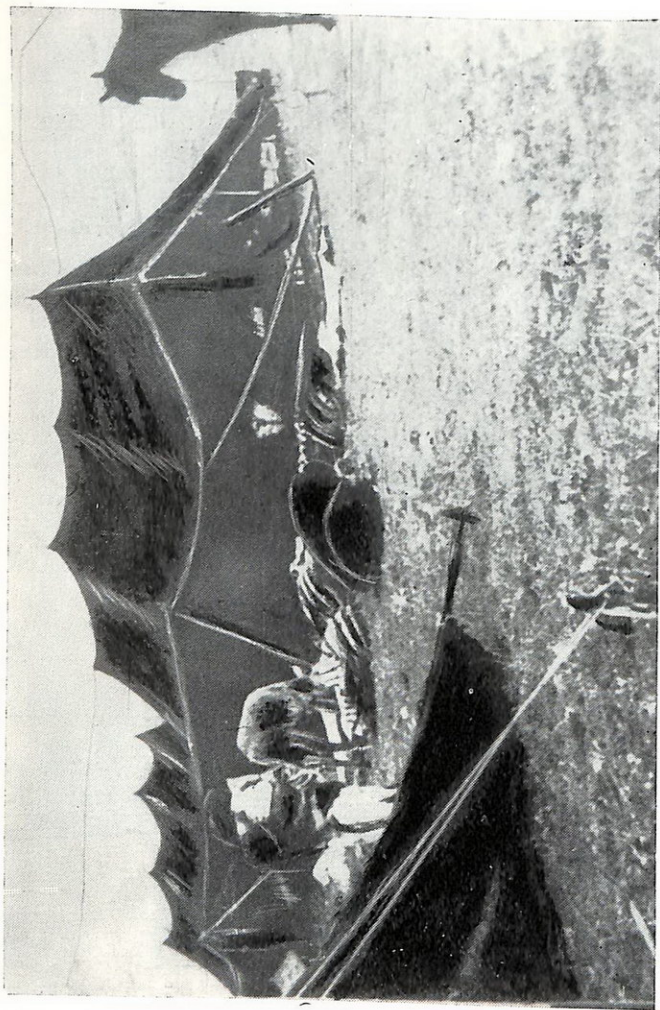

Рис. 4. Шатры в горах Иракского Курдистана.

Рис. 5. Курды в горах.

Рис. 6—7. Традиционные способы доения овец.

Рис. 8.

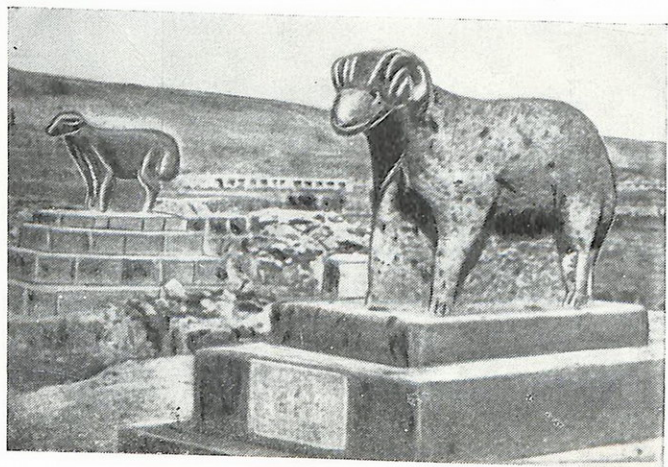

Рис. 8—10. Надгробные памятники

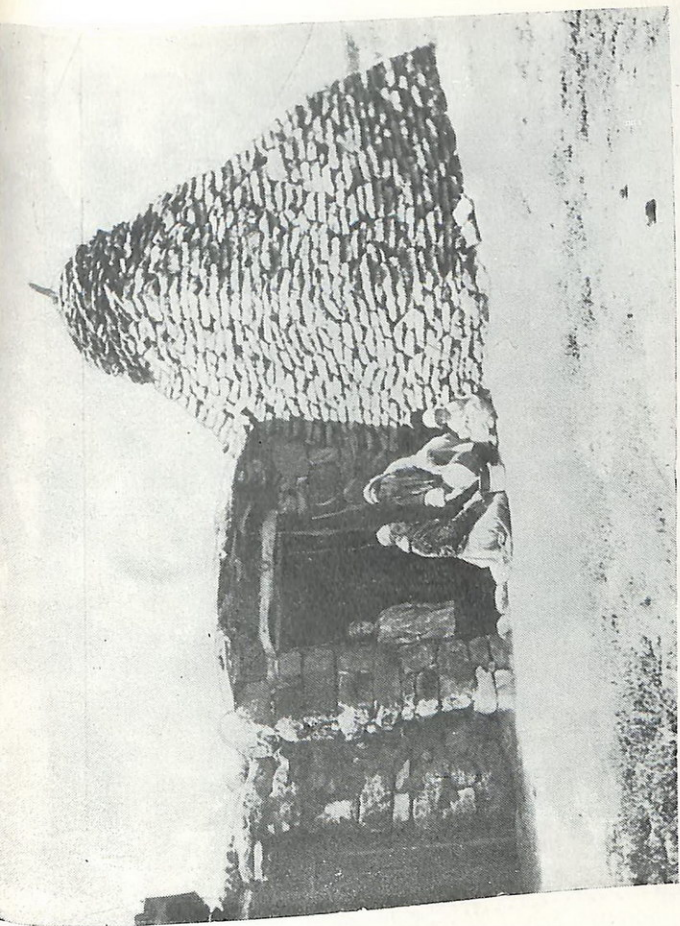

Рис. 11.

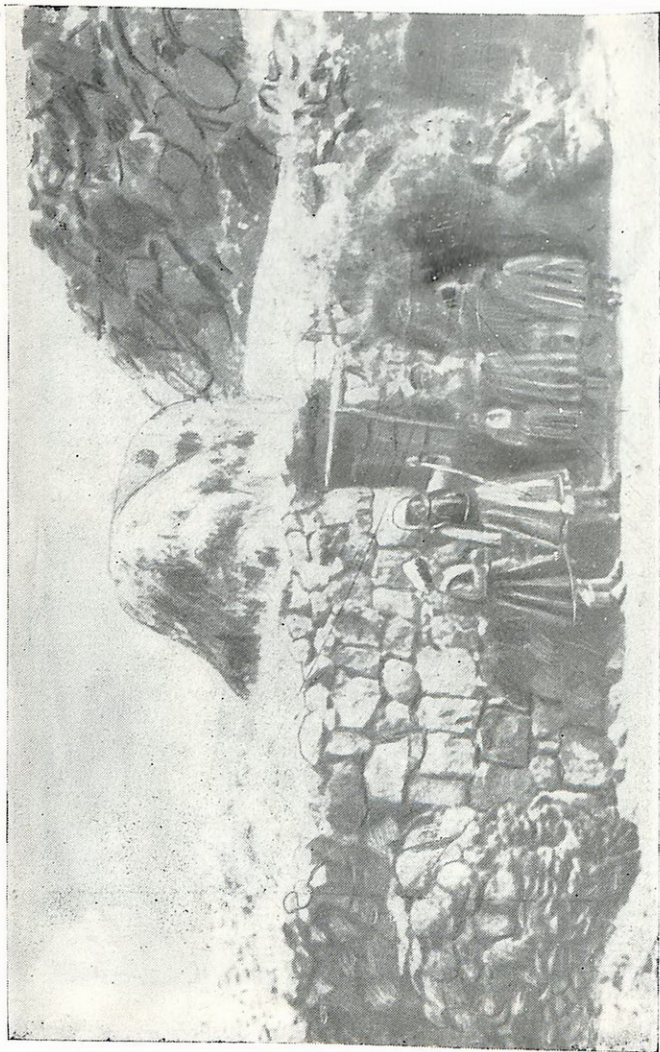

Рис. 11—13. Типы постоянных жилищных комплексов курдов в селах на территории нынешних Талинского и Арагацского районов Армянской ССР, возведенных в конце XIX—20—40-х годов XX века.

Рис. 14. Перегородка («чите кон»).

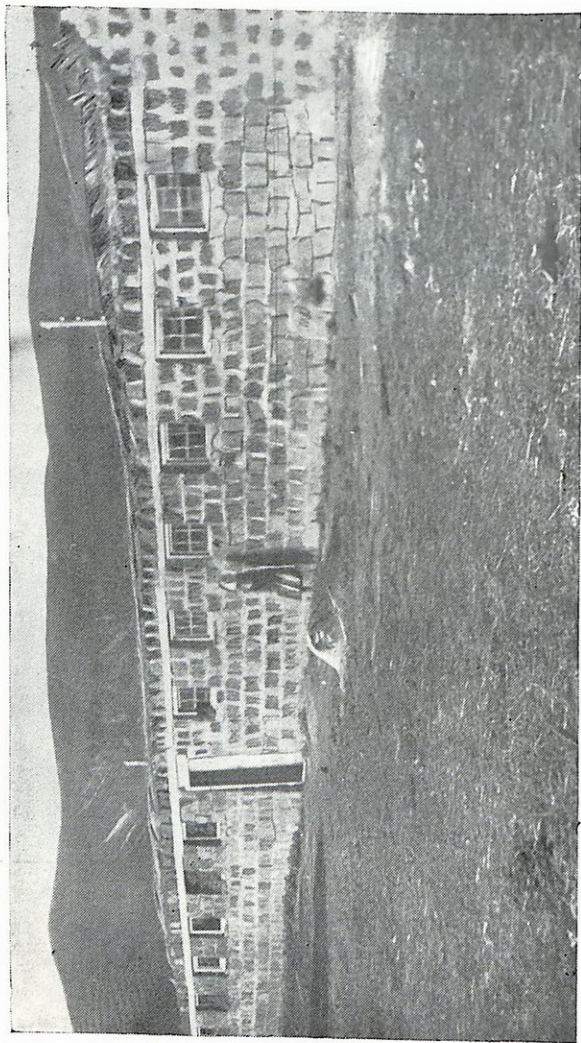

Рис. 15. Хлев. Арагацский район.

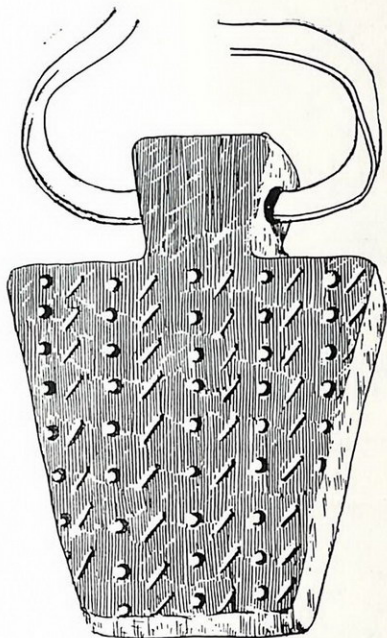

Рис. 16. Амулет («дарке тӱае, дьг'дьг'ан»).

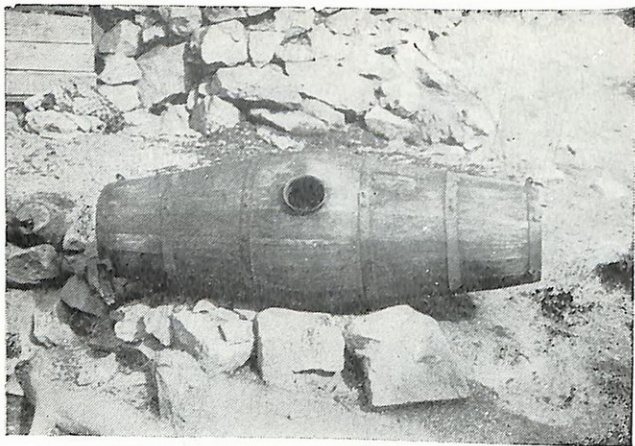

Рис. 17. Маслобойка.

Рис. 18.

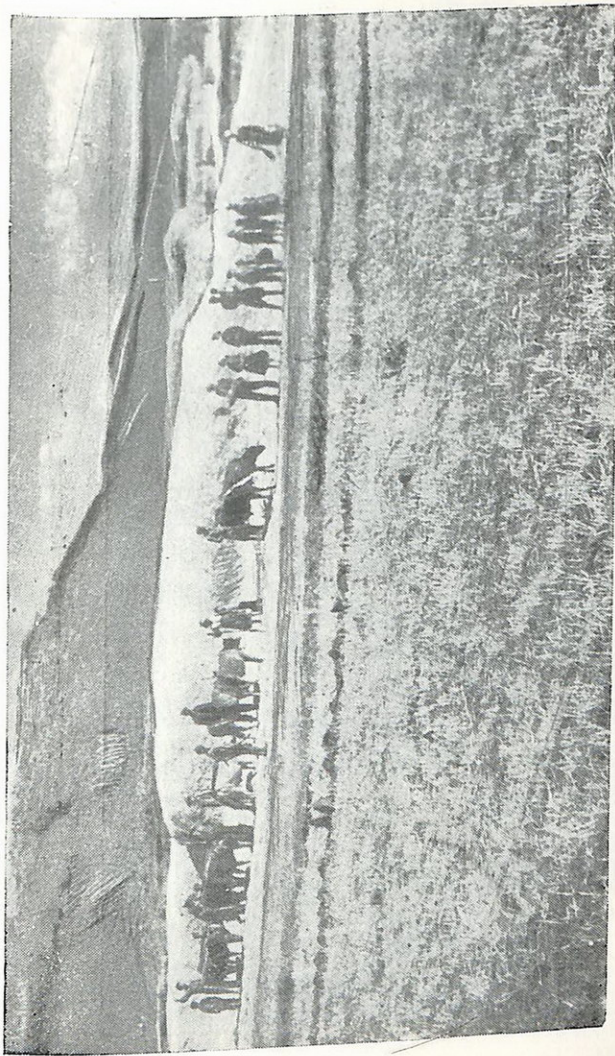

Рис. 18—19. Пахота.

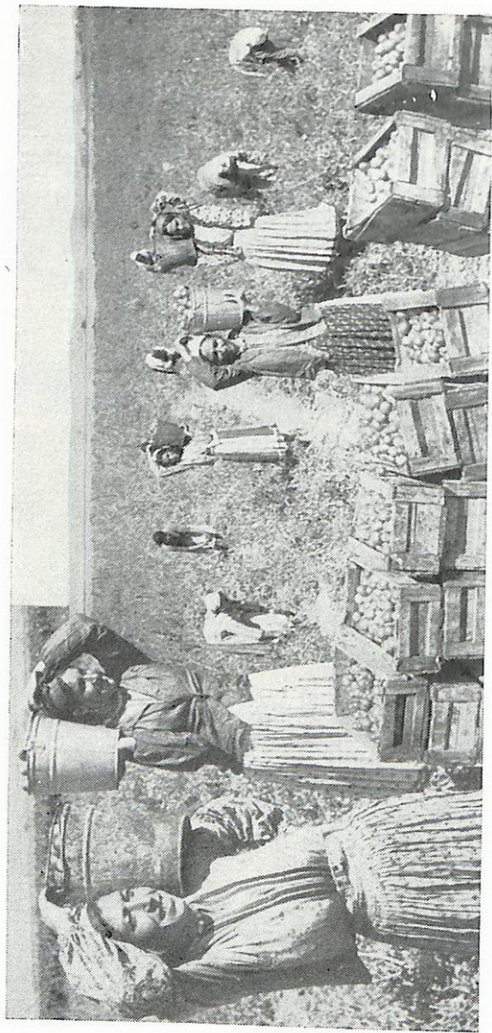

Рис. 20. Уборка урожая. Масленицкий район.

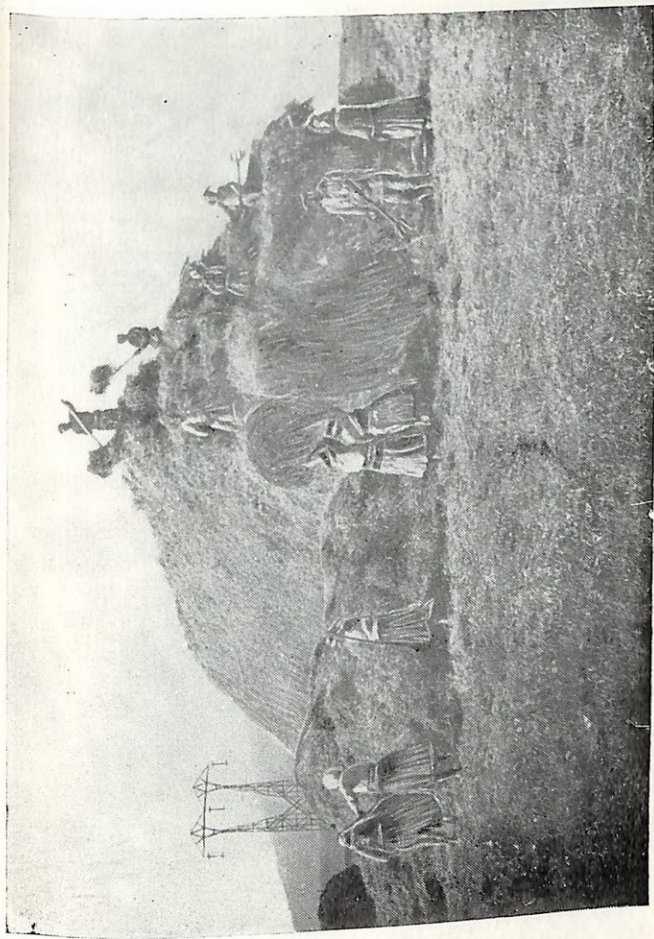

Рис. 21. Скирдование. Арагацский район.

Рис. 22. Информатор. Ширина Шаво (1880—1973 гг.) из села Сипан Арагацкого района.

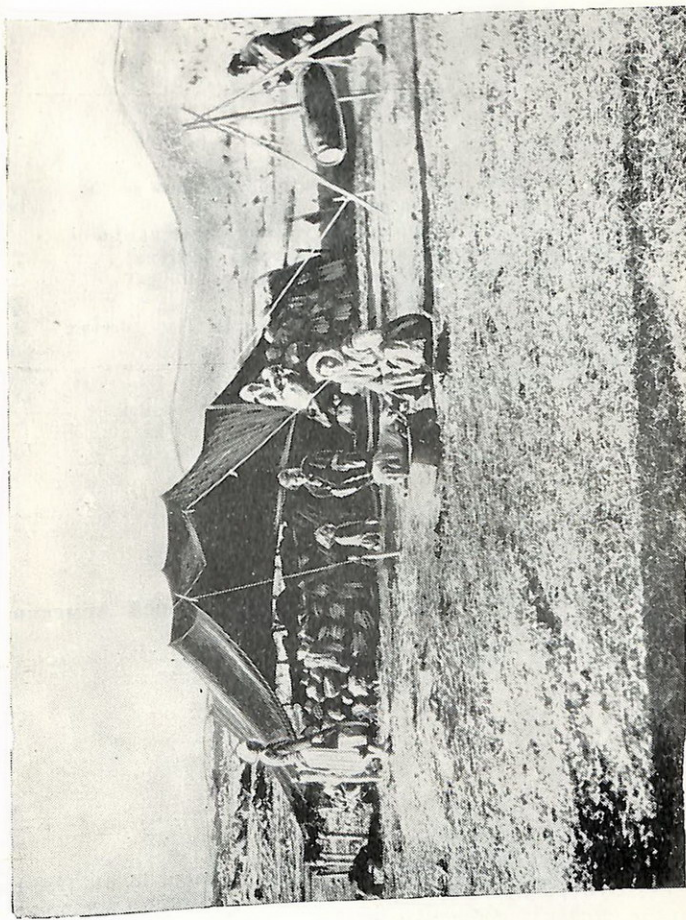

Рис. 23. Традиционный курдский шатёр («кон»).

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	стр- 5
Глава I. Принципы классификации скотоводческого хозяйства в современной этнографии	16
Глава II. Естественноисторические условия развития скотоводческого хозяйства курдов Восточной Армении	27
Глава III. Полукочевая форма скотоводства	52
Глава IV. Отгонная форма скотоводства	71
Глава V. Формы сообществ по выпасу скота. Пастушество. Заключение	95 114
Примечания	121
Указатель этно-географических названий.	145

Дарвешян Мамое Халыт

Скотоводческое хозяйство курдов Восточной Армении

Редактор издательства А. А. Галоян, худ. ред. Г. Н. Горцакалян,
тех. ред. Л. К. Арутюнян, корректор Л. А. Хачатрян

ИБ № 1175.

Сдано в набор 11. 07. 1986 г. Подписано к печати 18. 11. 1986 г.
ВФ 06363. Формат 84×108^{1/32}. Бумага № 1. Шрифт «литеартур.»,
высокая печать. Печ. л. 9,25+10 вкл. Усл. печ. л. 8,82.

Учетно-изд. л. 8,67. Тираж 1000. Зак. № 497. Изд. № 6813.

Цена i р. 20 к.

Издательство АН АрмССР, 375019, Ереван. пр. Маршала
Баграмяна 24 г.

Типография Издательства АН АрмССР, 378310, г. Эчмиадзин

ԳԱԱ Հիմնադրար Գիտ. Գրադ.

FL0123441

1 р. 20 коп.

Р 560177